

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

Б. Х. ТОДАЕВА

БАОАНЬСКИЙ ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1964

ВВЕДЕНИЕ

Ответственный редактор

Г. Д. САНЖЕЕВ

Баоаньский язык — один из языков монгольской группы, распространённый среди баоаньского (и частично монгорского) населения в Китайской Народной Республике.

Монголы, говорящие на баоаньском языке, как и говорящие на монгорском и дунсянском языках, по-видимому, ещё в XIII—XIV вв. оторвались от остальных монголов и в дальнейшем не имели с ними каких-либо постоянных и значительных связей.

Выделившись из основной массы монгольского населения и оформившись в самостоятельные народности монгольской группы, баоань, монгоры и дунсяне закрепили за собой и особые этнические наименования, образованные от тех мест, в которых они жили длительное время. Но и между дунсянами, монгорами и баоань, по всем данным, не было живого взаимодействия. Этому, видимо, препятствовали переход их от кочевой к оседлой жизни, а также отсутствие у них письменности и иноязычное в основном окружение.

Народность «баоань» (баоань сами себя называют «боунаң куң», т. е. боунаньский человек, боунаң) живет сейчас в уезде Линься провинции Ганьсу и уезде Тунжэнь провинции Цинхай, т. е. на северо-западе КНР. Название «баоань» связано с наименованием местности (теперь г. Баоань), находящейся в уезде Тунжэнь провинции Цинхай.

По преданию, записанному нами от баоань в экспедиции 1956 г., когда-то все баоань жили в провинции Цинхай, затем часть из них из-за внутренних раздоров переселилась в Ганьсу. Поскольку на новое место жительства они перешли из местности Баоань, их и стали называть «баоань». Это название закрепилось за ними в качестве наименования, с одной стороны, всей народности, а с другой — каждого из ее представителей.

То, что местность, в которой раньше жили баоань, тоже называлась Баоань, подтверждается и сведениями известного русского путешественника Г. Н. Потанина.

Так, в своем труде¹ Г. Н. Потанин пишет: «14 мая мы оставили город Боунань».

В другом месте читаем: «В Боу-нани считается до 100 домов; жители—китайцы, тангуты и монголы, т. е. широнголы. Это самые крайние широнголы на юго-востоке»².

Баоань провинции Ганьсу проживают в баоаньском селе, расположенном в уезде Линься Нинся-Хуэйской автономной области.

Баоань занимаются земледелием, возделывают в основном пшеницу, рожь. Подсобным занятием у них служит рубка леса, заготовка древесного угля, чеканка по серебру. Баоань уезда Линься исповедуют ислам.

Баоань провинции Цинхай проживают в г. Баоань и близлежащих к нему селениях уезда Тунжэнь. Они также занимаются земледелием.

Следует отметить, что в уезде Тунжэнь не только баоань говорят на баоаньском языке. Население близлежащих четырех деревень (в произношении местных жителей — Нянтуг, Го-мар, Гасэр и Шия Джуван), которое (как и монголов) китайцы и хуэйцзу называют «ту жэнь», т. е. туземцы, также говорит по-баоаньски. Часть же этого населения сама себя считает тибетцами. В экспедиционных отчетах и в некоторых китайских материалах за ними оставили название «тунжэньские монголы», так как до экспедиционного обследования (1956 г.) предполагали, что они монголы. Их основное занятие — земледелие. По религии они буддисты. Баоань и тунжэньские монголы свободно общаются между собой, тогда как баоань и собственно монголы (т. е. монголы уездов Хуцзу, Минхэ и Датун провинции Цинхай) не понимают друг друга.

ФОНЕТИКА

В баоаньском языке два говора — дахэцзянский (Ганьсу) и тунжэньский (Цинхай). Настоящее исследование основывается прежде всего на материалах дахэцзянского говора. В необходимых случаях привлекаются данные из тунжэньского говора и речи монголов уезда Тунжэнь провинции Цинхай³.

¹ [Г. Н. Потанин], *Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г. Н. Потанина 1884—1886*, СПб., т. I—II, стр. 225.

² Там же, стр. 224.

³ Автор настоящей работы принимал участие в монгольской лингвистической экспедиции 1955—1956 гг., проведенной в КНР; он изучал дахэцзянский говор баоаньского языка, а также речь монголов уезда Тунжэнь провинции Цинхай. Отдельные примеры на тунжэньском говоре заимствованы из материалов баоаньской группы монгольской экспедиции.

В баоаньском языке известны краткие гласные — *a, o, y, э, i* и долгие — *ā, ō, y, э*. Они подразделяются: 1) по подъему языка — на гласные верхнего, среднего и нижнего подъема; 2) по артикуляции языка относительно нёба — на гласные переднего и заднего рядов и 3) по степени участия губ при произнесении гласных — на огубленные и неогубленные.

Система гласных звуков баоаньского языка представлена в табл. 1.

— Таблица 1

Подъем \ Ряд	Передний		Задний
	неогубленные		огубленные
Верхний	<i>i</i>		<i>y (y)</i>
Средний	<i>э (э)</i>		<i>о (о)</i>
Нижний		<i>a (ā)</i>	

Долгие гласные *ā, ō, y, э* в качественном отношении не отличаются от соответствующих им кратких гласных *a, o, y, э*.

Основная особенность употребления долгих гласных в баоаньском языке состоит в том, что они встречаются в односложных словах и в первом слоге двусложных слов:

Односложный корень	Первый слог двусложного слова
<i>бү-</i> 'спускаться'	<i>āmэ</i> 'мать'
<i>вэр-</i> 'держаться', 'брат'	<i>gāгэ</i> 'старший брат'
<i>джо-</i> 'таскать'	<i>ōлэ</i> 'гора'
<i>лā-</i> 'плакать'	<i>tэрэ-</i> 'обнимать'
<i>нōр</i> 'лицо', 'облик'	<i>nātэ-</i> 'играть'
<i>су-</i> 'сидеть', 'жить'	<i>dэсэ-</i> 'стелить'
<i>ту-</i> 'гнать'	<i>sāбэ-</i> 'ждать'
<i>hэ-</i> 'греться (на солнце)'	<i>āбэ</i> 'отец', 'папа'
<i>y-</i> 'пить'	<i>nādэ</i> 'мне', 'меня'

В остальных же монгольских языках, например в современном монгольском, бурятском, калмыцком, дагурском, долгие гласные известны в любой позиции — в начале, в середине и конце слова: *цāсн* 'бумага', *зурhан* 'семь', *махлā* 'шапка' (калм.); *дун* 'песня', 'голос', *уджу* 'просторный', *ухулгā* 'агитация' (совр. монг.) и др.

В баоаньском языке долгие гласные не обладают особой смысловозначительной функцией, по которой они противопол-

лагались бы соответствующим кратким гласным. В наших материалах и материалах баоаньской группы экспедиции встречаются лишь одиночные примеры подобного противопоставления долгих кратким гласным. Эти одиночные примеры не дают основания утверждать, что в баоаньском языке значение многих слов различается в зависимости от долготы и краткости имеющихся в них гласных звуков. Нам представляется, что дополнительное исследование и сбор необходимых данных по этому вопросу приведут к точным выводам. Во всяком случае ярко выраженного противопоставления кратких и долгих гласных фонем, какое встречается во многих других монгольских языках (ср. совр. монг.: *дэрэ* 'подушка'—*дэрэ* 'наверху'; *цасан* 'снег'—*цасан* 'бумага' или калм.: *шир* 'краска'—*шир* 'ноги' [у животных]; *ула* 'подошва'—*ула* 'гора' и др.), в баоаньском не наблюдается.

В баоаньском языке имеются и дифтонги, образующиеся при соединении двух гласных в одном слоге. Встречаются дифтонги двух типов: нисходящий, где первый гласный более напряжен, чем второй, и восходящий, где второй гласный более напряжен, чем первый. В таких дифтонгах более напряженные гласные оказываются слогаобразующими, например: *аі* (*аігу* 'бояться', *Зайнэбэ*—женское имя); *эй* (*эй* 'свинья', *бэй-* 'стоять', *эйту*—женская головная повязка— кит. *гайтю*), *уй* (*мобуи* 'змея', *хуинэ* 'после', *нобуи* 'собака'), *уа* (*хуа-* 'делить', *буар* 'два', *сигуа* 'дыня'— кит. *сигуа*).

В баоаньском языке отсутствует и строго выдержанная гармония гласных (одно из проявлений общего закона ассимиляции звуков); гласный состав последующих слогов в слове не зависит от того, к какому ряду относится гласный первого слога. Следовательно, после гласного любого ряда в первом слоге слова может встречаться в дальнейших слогах любой другой гласный. Это касается не только корней слов, но также и всех присоединяемых к ним суффиксов словообразования и словоизменения⁴. Примеры: *адэли* 'одинаковый', *анджисоң* 'плуг', *бэджібэң* 'маленький', *джаңбэң* 'орех', *нокэргэ-* 'помогать', *рэдабчоңсэ* 'от охотника', *хандэртэла* 'пока поскользнулся', *ширэдэжэ* 'расчесывает (гребнем)', *хамэрагу-дэ* 'когда отдыхала' и т. д.

Как известно, подобное явление не допускается во всех тех монгольских языках, в которых гармония гласных имеет широкое распространение и регулярный характер. Приведенные выше примеры показывают, что качество гласного первого

слога не в состоянии определить состав гласных последующих слогов слова.

Имеющийся у нас материал подтверждает, что в баоаньском языке наблюдается факт нарушения гармонии гласных:

а) если в первом слоге слова имеется один из гласных заднего ряда, то в последующих слогах могут встречаться гласные любого ряда;

б) если в первом слоге слова имеется один из гласных переднего ряда, то в последующих слогах могут встречаться гласные также любого ряда.

Подобное неподчинение слов гармонии гласных особенно заметно именно в баоаньском языке. Здесь речь идет не о редких случаях отступления от соблюдения гармонии гласных, а о явлениях более регулярных и специфичных для данного языка.

В отношении *i* в первом слоге следует заметить следующее: в баоаньском языке после начальных аффрикат *дж*, *ч* и спиранта *ш* перелом гласного *i* (т. е. ассимиляция гласным следующего слога) не имеет места, тогда как в остальных монгольских языках (например, в современном монгольском, бурятском, калмыцком) обнаруживается это явление:

Баоаньский	Современный монгольский	Монгольский письменный	
<i>джирбоң</i>	<i>дзурган</i>	<i>jirγuγan</i>	'шесть'
<i>джиргэ</i>	<i>дзурх</i>	<i>jirūke</i>	'сердце'
<i>чисоң</i>	<i>цус</i>	<i>čisun</i>	'кровь'
<i>чина-</i>	<i>чань-</i>	<i>čina-</i>	'варить'
<i>шира</i>	<i>шарь</i>	<i>sir-a</i>	'желтый'
<i>широ</i>	<i>шорой</i>	<i>siroi</i>	'земля', 'прах'

Сохранение в большинстве слов гласного первого слога *i* в указанной позиции сближает баоаньский язык с языком памятников XIII—XIV вв., в которых этот гласный подвергся перелому в весьма ограниченных размерах. Однако в некоторых случаях, там, где в старописьменном монгольском языке в первом слоге слова имеется гласный *i*, в монгольских языках (таких, как современный монгольский и калмыцкий) он подвергся перелому, а в баоаньском мы находим гласный *i*:

Монгольский письменный	Современный монгольский	Калмыцкий	Баоаньский	
<i>mix-a</i>	<i>махь</i>	<i>махн</i>	<i>мэба</i>	'мясо'
<i>činu-a</i>	<i>чонь</i>	<i>чон</i>	<i>чэна</i>	'волк'
<i>nidän</i>	<i>нудэ</i>	<i>нудн</i>	<i>нэдоң</i>	'глаз'

⁴ В баоаньском языке встречаются суффиксы словоизменения и словообразования только лишь с одним фонетическим вариантом.

⁵ Далее вместо «старописьменный монгольский» в том же значении употребляется «монгольский письменный».

Гласные непервых слогов в баоаньском языке сохраняют то же качество, ту же артикуляцию, что и в первом слого: они не подвергаются редукции.

Баоаньский	Калмыцкий	Монгольский письменный	
<i>адэли</i>	<i>эдэл</i>	<i>adali</i>	'одинаковый'
<i>хэра</i>	<i>харя</i>	<i>xara</i>	'черный'
<i>мудоң</i>	<i>модбн</i>	<i>modun</i>	'деревцо'
<i>хамтэ</i>	<i>хамтйа</i>	<i>xamtu</i>	'вместе'
<i>насоң</i>	<i>наси</i>	<i>nasun</i>	'возраст'
<i>сарэ</i>	<i>саря</i>	<i>sara</i>	'луна'
<i>холо</i>	<i>холо</i>	<i>xola</i>	'далеко'
<i>тэндэ</i>	<i>тендэ</i>	<i>tende</i>	'там'
<i>бура</i>	<i>хуря</i>	<i>xur-a</i>	'дождь'

Б. Я. Владимирцов, сравнивая формы монгольского письменного языка с такими же формами родственных языков, пришел к заключению, что в «древнемонгольском языке, в том наречии, на основе которого образовался монг.-письм., имелись гласные полного образования и в непервых слогах»⁶. Наши материалы говорят о сохранении этого явления и в живых — баоаньском и дунсянском языках.

Характерным для баоаньского (так же как и монгорского) языка является то, что в нем в силу ослабления неударных гласных артикуляция гласных неударных слогов производится неполно и эти гласные выпадают. Следовательно, если во многих других монгольских языках (современном монгольском, бурятском, калмыцком, дагурском) часто выпадают именно гласные непервых слогов, а начальный слог сохраняется благодаря динамическому ударению на первом слоге слова, в баоаньском наблюдается противоположное — ударение обычно падает на конечный слог слова и, естественно, гласный здесь остается, в то время как начальный слог или несколько изменяется или вовсе исчезает:

Баоаньский	Современный монгольский	Монгольский письменный	
<i>суң</i>	<i>үсән</i>	<i>üstün</i>	'волосы'
<i>вэр</i>	<i>эвэр</i>	<i>eber</i>	'рога'
<i>нйа</i>	<i>унйа</i>	<i>una-</i>	'падать'
<i>сэ</i>	<i>усән</i>	<i>usun</i>	'вода'

⁶ Б. Я. Владимирцов, *Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика*, Л., 1929, стр. 312.

Баоаньский	Современный монгольский	Монгольский письменный	
<i>вэсоң</i>	<i>өвсөн</i>	<i>ebesün</i>	'сено'
<i>вэтэ-</i>	<i>өвд-</i>	<i>ebed-</i>	'болеть'
<i>мэлэ</i>	<i>өмнө</i>	<i>emñle</i>	'вперед'

Следует отметить, что некоторые слова произносятся то с начальным гласным, то без него. Нет твердо установленных правил выпадения или сохранения начальных гласных. Можно лишь зафиксировать, что в баоаньском начальные гласные опускаются в основном перед сонорными или перед сплантом с.

СОГЛАСНЫЕ

В баоаньском языке 22 согласных звука.

Шумные

Взрывные (б, п, д, т, г, в, к):

б — губно-губной взрывной согласный; встречается как в начале, так и в конце слогов: *бэдэ* 'мы', *батэ* 'прочный', *бэнджэр* 'птица', *джаптэ* 'между', *сэбгу* 'шило';

п — губно-губной взрывной придыхательный; встречается лишь в начале слога: *пэджэг* 'письмо', 'письменность', *пу* 'винтовка', *пагэ-* 'ползть' (кит. *па*); в начале слов других монгольских языков (например, в современном монгольском, калмыцком, дагурском) *п* встречается очень редко;

д — переднеязычный взрывной согласный: *ходоң* 'звезда', *хандэр-* 'поскользнуться', *дофлоң* 'хромой', *дэрэраң* 'сорок', *дабсоң* 'соль', *ду* 'младший брат';

т — переднеязычный, взрывной придыхательный; встречается только в начале слога: *китаң* 'холодно', 'холодный', *кэтоң* 'сколько', *лохтэ* 'уздечка', *талаң* 'топливо', *тани-* 'узнавать', *толи* 'заяц';

г — заднеязычный взрывной согласный: *халгэ* 'ладонь', *эбдэг* 'колени', *гар* 'дом', *гунзо* 'работа' (кит. *гунцзо*);

в — заднеязычный взрывной согласный; встречается как в начале, так и в конце слога: *бовди* 'пшеница', *бувэ-* 'спускаться', *бобараң* 'тридцать', *буалэ* 'вдвоем', *дондоф* 'дело';

к — заднеязычный взрывной придыхательный; встречается лишь в начале слога: *окэ-* 'давать', *окэн* 'дочь', *куң* 'человек', *кэлэ-* 'говорить', *кунтэ* 'тяжело', 'тяжелый'.

Спиранты (в, ф, з, с, ш, ж, х, һ):

в — губно-зубной зееонкий. В баоаньском языке спирант *в* встречается как в начале, так и в середине слова: *аву* 'дитя',

'мальчик', *вэсоң* 'трава', *вар-* 'кончать', *ндэва* 'село', 'деревня', *вэрэ* 'сноха', *тавоң* 'пять';

ф — губно-зубной глухой; встречается в коренных баоаньских словах лишь в начале слога: *фурэ* 'семена'; *фэлаң* 'красный', *фду* 'длинный', *фэнэ* 'дым';

з — переднеязычный спирант; встречается в таких словах, как: *āзэ* 'старшая сестра', *зэлу* 'хитрый', *заң* 'грязь' (кит. *цзан*);

с — переднеязычный глухой; встречается в начале слога: *хосоң* 'пустой', 'порожний', *сэра-* 'учиться', *самлэ-* 'расчесывать', *насоң* 'возраст';

ш — переднеязычный глухой; встречается только в начале слога: *махшэ* 'завтра', *ташэ* 'камень', *шиңгоң* 'жидкий', 'редкий', *шинэ-* 'смеяться', *шанзэ* 'ящик' (кит. *сянцза*);

ј — среднеязычный звонкий: *јаң* 'что', *јаджэ* 'ребенок', 'дитя', *јэсараң* 'девятисто', *јасоң* 'кость', *ју-* 'идти', 'ехать';

х — переднеязычный глухой согласный: *мэхлэ* 'очень', *лахшэ* 'платок', *јахса* 'красивый', *хар* 'рука', *хоро* 'поздно', *нохаң* 'здесь';

һ — гортанный спирант; встречается лишь в начале слова: *һамтэ* 'вместе', *һэр* 'гнев', *һамэра-* 'отдыхать', *һдэбэ* 'нож', *һарвулэ* 'вдесятером', *һалэ* 'где', 'куда'.

Аффрикаты (*дж*, *ч*):

дж — переднеязычная аффриката, встречающаяся в начале и середине слога, например: *ваджір* 'земля', *анджисоң* 'плуг', *нджасэ* 'ози', *нджэ-* 'смограть', 'видеть', *нджигэ* 'осел';

ч — переднеязычная придыхательная аффриката; встречается только в начале слога: *лабчоң* 'листва', *сачэ* 'место', *хичэ* 'ножницы', *табчэ* 'пуговица', *хуичоң* 'старый'; *хэча-* 'лгать', *чихаң* 'белый', *чонлэ-* 'слушать'.

Сонорные

Носовые (*м*, *н*, *ң*):

м — губно-губной носовой; встречается во всех позициях в слове: *тэмэр* 'железо', *тэрмаң* 'мельница', *німаң* 'восемь', *асэман* 'небо', 'небеса', *дэм* 'стена', *малбэ* 'шапка', *мангэ* 'мы', *мам* 'лекарство';

н — переднеязычный носовой, выступающий в любом положении в слове: *нэгэлэ* 'они', *нараң* 'солнце', *джінту* 'подушка' (кит. *чжэньтоу*), *бэнджэр* 'птица', *анэ* 'какой', 'который', *ікан* 'кан';

ң — заднеязычный носовой. В отличие от такого же *ң* других монгольских языков встречается и в начале слова (в основном в заимствованиях из тибетского языка): *німараң* 'восемь-

десять', *ноңдэ* 'в', 'внутри', *ңгоң* 'зима', *ңга* 'очень', 'много', *холохаң* 'далековато'.

Боковой (*л*):

л — переднеязычный боковой согласный: *кул* 'нога', *ла* 'подошва', *мэла* 'плеть', *лэгэ-* 'делать', 'работать', *алмаң* 'груша', *балэб* 'родник', 'источник'.

Дрожащий (*р*):

р — переднеязычный дрожащий согласный. Лишь в баоаньском и монгольском языках *р* встречается не только в середине и конце, но и в начале слова: *харэ-* 'возвращаться', *шіра* 'желтый', *рэ-* 'приходить', *равэ* 'волосы', *ондэр* 'высокий', *кэр* 'нужно', 'необходимо'.

Классификация согласных представлена в табл. 2.

Таблица 2

		По месту образования	Губные		Язычные			Гортанные
			губно-губные	губно-зубные	переднеязычные	среднеязычные	заднеязычные	
Шумные	взрывные	непридыхательные	<i>б</i>		<i>д</i>		<i>г</i> , <i>б</i>	
		придыхательные	<i>п</i>		<i>т</i>		<i>к</i>	
	спиранты	глухие		<i>ф</i>	<i>с</i> , <i>ш</i>		<i>х</i>	<i>һ</i>
		звонкие		<i>в</i>	<i>з</i>	<i>ј</i>		
	аффрикаты	непридыхательные					<i>дж</i>	
		придыхательные					<i>ч</i>	
Сонорные	носовые		<i>м</i>		<i>н</i>		<i>ң</i>	
	боковой				<i>л</i>			
	дрожащий				<i>р</i>			

Примечание. В таблицу не включены согласные, встречающиеся в словах, заимствованных из китайского языка [*ж* (*zh*), *ч* (*ch*), *ш* (*sh*)].

Баоанский язык, как и собственно монгольский в Цинхэе, дунсянский — в Ганьсу, дагурский — в провинции Хэйлуцзян и в автономном районе Внутренняя Монголия (КНР) или монгольский в Афганистане, относится к числу языков того монгольского населения, которое исторически длительное время жило обособленно от основной массы остальных монголов, было территориально оторвано от нее. В силу этого положения баоанский язык сохранил до настоящего времени ряд характерных черт, которые были свойственны монгольскому языку среднемонгольской эпохи. В частности, в монгольском языке XIII—XIV вв. в начале многих слов употреблялся спирант *h*. На это указывают многие памятники указанного периода, в которых зафиксированы слова с начальным спирантом *h*. Этот вопрос неоднократно уже освещался и в специальной литературе.

Среди этих памятников — анонимный Лейденский глоссарий 1245 г., глоссарий Ибн Муханны, глоссарий Хамдаллаха Казвини, глоссарий Мукаддима ал-Адаб, труд Рашид-ад-Дина «Джами ат-тэварих» и некоторые другие. Много слов с начальным *h* встречается в «Сокровенном сказании»⁷ и в памятниках квадратной письменности.

Г. И. Рамстедт⁸, впервые исследовавший вопрос о начальном спиранте *h*, пришел к выводу, что данный спирант развился из *f* или *p*.

Впоследствии материалы, собранные А. Смедтом и А. Мостаэртом, подтвердили наличие слов с начальным спирантом *f* в монгольском языке. Приведем несколько примеров из работ А. Смедта и А. Мостаэрта⁹.

Монгольский письменный	Монгольский	
<i>on</i>	<i>fän</i>	'год'
<i>odun</i>	<i>födi</i>	'звезда'
<i>egür</i>	<i>för</i>	'гнездо'
<i>uḡuta</i>	<i>füda</i>	'мешок'
<i>urtu</i>	<i>fudur</i>	'длинный'
<i>usun</i>	<i>fudzu</i>	'вода'
<i>ükü-</i>	<i>fugu-</i>	'умереть'
<i>ulaḡan</i>	<i>fulän</i>	'красный'

⁷ А. С. Козин, *Сокровенное сказание*, I, М.—Л., 1941.

⁸ G. J. Ramstedt, *Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache*, — «Journ. de la Soc. finno-ougrienne», Bd XXXII, № 2 (1916—1920).

⁹ [A. Smedt et A. Mostaert], *Le dialecte monguor parle par les mongols du Kansou occidental. IIIe partie. Dictionnaire monguor-français par A. de Smedt et A. Mostaert*, Peiping, 1933; A. Mostaert et A. Smedt, *Le dialecte monguor parle par les Mongols du Kansou occidental. Ire partie. Phonétique*, — «Anthropos», t. XXV, Wien, 1930.

Монгольский письменный	Монгольский	
<i>ülegü</i>	<i>fuliü</i>	'излишек'
<i>ümekei</i>	<i>fumuge</i>	'зловонный'
<i>uniyar</i>	<i>funi</i>	'дымка', 'мгла'
<i>unu-</i>	<i>funi-</i>	'ехать верхом'
<i>ünegen</i>	<i>funige</i>	'лиса'
<i>ünür</i>	<i>funir</i>	'запах'
<i>üre</i>	<i>furie</i>	'семя'
<i>uḡa-</i>	<i>fuyä-</i>	'связать'

Данные монгольской лингвистической экспедиции 1955—1956 гг. в КНР и наши личные материалы указывают на сохранение в настоящее время начального *f* не только в монгольском, но также в дунсянском и баоанском языках¹⁰.

Один факт существования в этих языках начального спиранта *h* дает возможность утверждать, что имеются и сейчас те же фонетические особенности, которые отмечались еще в памятниках XIII—XIV вв.

На месте среднемонгольского начального *h* в настоящее время употребляется не только *h*, но также губно-зубной *φ* и заднеязычный *χ*. В таких монгольских языках, как бурятский, современный монгольский и калмыцкий, эти спиранты не встречаются в указанной позиции.

Приведем примеры на начальные спиранты *φ*, *h* и *χ* в баоанском и их соответствия в других монгольских языках.

Начальный *φ*:

фунэ 'ехать верхом' — монг. письм. *uni-*, дунс. *уну-*, мгр. *фуні-*, даг. *онö-*, совр. монг., бур., калм. *унä-*;

фэлаң 'красный', монг. письм. *ulaḡan*, дунс. *хулан*, мгр. *фулän*, даг. *хулаң*, совр. монг., бур., калм. *улän*;

фду 'длинный' — монг. письм. *urtu*, дунс. *фуду*, мгр. *фуду*, совр. монг. *уртä*, калм. *утä*;

фэнэ 'дым', 'дымка' — монг. письм. *uniyar*, дунс. *фуніз*, мгр. *фуні*, совр. монг. *уніär*, калм. *уньär*;

фурэ 'семена' — монг. письм. *ür-e*, дунс. *фурэ*, мгр. *фуре*, совр. монг., калм. *үр*;

фуда 'мешок' — монг. письм. *uḡuta*, дунс. *фуда*, мгр. *фудä*, совр. монг., калм. *утä*.

Начальный *h*:

¹⁰ См. Б. Х. Тодаева, *Предварительные итоги изучения дагурского монгольского, дунсянского и баоанского языков*, — журн. «Чжунго юй-вэнь», 1957, № 9 (на кит. яз.); Чингэлтэй, *Монгольские языки и диалекты Китая*, — журн. «Монгол хэл бичиг», 1957, № 11, 12; 1958, № 1—4, 6, 8, 12 (на монг. яз.); Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, М., 1963; Б. Х. Тодаева, *Дунсянский язык*, М., 1961.

harvaң 'десять' — монг. письм. *arban*, дунс. *harуан*, мгр. *харван*, даг. *харбаң*, совр. монг. *arāv*, калм. *арваң*;
hor 'гнев' — монг. письм. *aγur*, дунс. *хō*, совр. монг., калм. *ур*;
hamэра- 'отдыхать' — монг. письм. *amuga-*, дунс. *амура-*, мгр. *хамбура-*, совр. монг., калм. *амрā*;
hго 'большой' — монг. письм. *уеке*, дунс. *фугиэ*, даг. *хиг*, совр. монг. *ixэ*, калм. *икэ*;
hэ- 'греться [на солнце]' — монг. письм. *ege-*, мгр. *хэ-*, совр. монг., калм. *э-*.

Н а ч а л ь н ы й х:
халгэ 'ладонь' — монг. письм. *алага*, дунс. *ханба*, мгр. *халба*, даг. *халабā*, совр. монг. *алгā*, калм. *альхāн*;
хани- 'смыкать глаза' — монг. письм. *ани-*, дунс. *хани-*, мгр. *хани-*, совр. монг., калм. *ани-*;
ходоң 'звезда' — монг. письм. *одул*, дунс. *ходун*, даг. *ход*, мгр. *фōди*, совр. монг., бур., калм. *одōн*;
хоң (тж. *хоң*) 'год' — монг. письм. *он*, дунс. *хон*, даг. *хōң*, совр. монг., бур. *он*, калм. *он* (чаще *жil*);
хоро 'поздно' — монг. письм. *огоi*, дунс., совр. монг. *орoi*, калм. *орā*.

В небольшом количестве слов наблюдается употребление начального спиранта *ш* там, где в некоторых других монгольских языках данное слово начинается с гласного:

шiлу (тж. *хэлу*) 'излишек', 'слишком' — монг. письм. *ilegū*, совр. монг. *илū*, калм. *үлū*;
шинэ- (тж. *нэ-*) 'смеяться' — монг. письм. *iniye-*, совр. монг., бур., *инэ-*, калм. *инэ-*.

Аффриката *ʃ* в монгольском письменном как в позиции перед *i*, так и перед другими гласными соответствует аффрикату *дж* в баоанском. В других монгольских языках, в частности в современном монгольском и калмыцком, перед всеми гласными, кроме *i*, имеются соответственно аффриката *дз* или спирант *з*.

Как известно, современный монгольский *дз*, калмыцкий *з* образовались в некоторых случаях из *ʃ* в позиции перед гласным *i*:

Баоанский	Современный монгольский	Калмыцкий	Монгольский письменный	
<i>джā-</i>	<i>дзā-</i>	<i>зā-</i>	<i>ʃiγa-</i>	'указывать'
<i>джирбоң</i>	<i>дзурга</i>	<i>зурбаң</i>	<i>ʃirγuγaң</i>	'шесть'
<i>кэджэ</i>	<i>хэдзэ</i>	<i>кезэ</i>	<i>keʃij-e</i>	'когда'
<i>дж джаң</i>	<i>дзудāн</i>	<i>зузāн</i>	<i>ʃuʃaγaң</i>	'толстый'
<i>джолба-</i>	<i>дзолбā-</i>	<i>золбā-</i>	<i>ʃolγa-</i>	'встретиться'

Баоанскому языку не свойственна аффриката *дз*, ей соответствует аффриката *дж*.

Об аффрикату *дз* еще Б. Я. Владимирцов писал: «Халх. *ʃ<ʃ* является фонемой сравнительно новой, среднемонгольские наречия подобной фонемы не знали»¹¹.

Несколько слов со спирантом *з*, встречающихся в баоанском, представляют собой в основном заимствования из других языков: *заң* 'грязь', *вазэ* 'чулки', *гунзо* 'работа', *базар* 'городок', *Зайнэбэ* — имя собственное.

В редких случаях можно отметить соответствие баоанского *д* аффрикату *дж* других монгольских языков, например: *бай-дэ* 'разбогатеть' — совр. монг. *бајаджi-*, калм. *бајджi-*.

Чередования *d ~ j* в монгольском письменном общеизвестны.

Есть случаи соответствия баоанской аффрикаты *дж* калмыцкому среднеязычному спиранту *ʃ*, например: *джаңбэз* 'грецкий орех' — калм. *jaңhāz*; *джасэ* 'приготовить', 'обновить' — калм. *јас-*.

На месте *č* монгольского письменного языка в баоанском имеется одна аффриката *ч*. В этом отношении баоанский приближается к группе так называемых «шипящих» монгольских языков, в которых отсутствует аффриката *ч* (например, дагурский, монгорский, дунсянский и некоторые монгольские диалекты и говоры, распространенные на территории автономного района Внутренняя Монголия в КНР).

Следовательно, если в данной группе языков фонеме *č* из монгольского письменного соответствует *ч*, то в другой группе языков — «свистящей» — фонеме *č* перед любым гласным, кроме *i*, соответствует *ц* (современный монгольский, калмыцкий и некоторые монгольские диалекты и говоры в автономном районе Внутренняя Монголия), например слову *сагап* 'белый' из монгольского письменного соответствуют две группы слов:

1) даг. *чiбāң*, дунс. *чыбан*, бур. *шагāн*, в монгольских диалектах Китая: а) *чагāн* (восточный и центральный диалекты), б) *шагāн* (хорчинский говор восточного диалекта и баргу-бурятский диалект);

2) совр. монг. *цагāн*, калм. *цабāн*, в монг. диалектах Китая: *цагāн* (ойратский и западный диалекты, а также шилингольский говор центрального диалекта).

О том, как развивались аффрикаты *ч* и *ц*, Б. Я. Владимирцов писал следующее: «Параллельно тому как **di* монг. письм. *ʃi*, **ti ~ *ti* монг. письм. *či*»¹². Далее он замечает: «Халх. *ч<* монг. письм. *č* перед *i*, в других же положениях монг.

¹¹ Б. Я. Владимирцов, *Сравнительная грамматика...* стр. 400.

¹² Там же, стр. 415.

письм. $\epsilon >$ халх. ϵ ; но встречается очень много исключений»¹³.
 Это положение Б. Я. Владимирцова в дальнейшем уточняется Г. Д. Санжеевым, который не склонен считать ϵ и ζ результатом эволюции одной и той же аффрикаты ϵ монгольского письменного языка.

Г. Д. Санжеев отмечает: «На самом деле в свистящих диалектах ϵ и ζ (ш и с) представляют собою результат длительной эволюции двух фонем ранних монгольских диалектов — ϵ (в положении перед гласным, кроме i) и смычного m в положении перед гласным i . В результате длительной эволюции в свистящих языках из первой фонемы ϵ получились ϵ и (в бурятском) с , а из второй — смычного m — образовались ч и (в бурятском) ш , тогда как в шипящих языках из обеих этих ранних фонем получилась одна ч ; иначе говоря, в последних двух фонем в своем длительном развитии монгольских языков, например с XIII—XIV вв., эти ранние фонемы ϵi и $*ti$ дали ч и ц , а в другой — только ч .

В этом отношении можно указать на баоаньский и дунсянский $\text{ч} < \epsilon i$ и $*ti$, причем и до сих пор во многих словах гласный i в ϵi сохраняется (ср. баоаньский чи́на -, дунс. чы́на - 'варить'; баоаньский чиджэ -, дунс. чиджэ - 'кормить' и некоторые другие).

Взрывной заднеязычный б часто соответствует спиранту х других монгольских языков. В монгольских языках известны случаи, когда $\text{б} >$ в глухой х . Б. Я. Владимирцов применительно к халхаскому оперирует следующими примерами: хулхачи - хулхачи 'вор'¹⁴.

Сравним несколько примеров из баоаньского и других монгольских языков:

Баоаньский	Современный монгольский	Калмыцкий	
<i>аба</i>	<i>аха</i>	<i>аха</i>	'старший брат'
<i>бадэ-</i>	<i>хадэ-</i>	<i>хадэ-</i>	'косить'
<i>бордоң</i>	<i>хурдаң</i>	<i>хурдаң</i>	'быстрый'
<i>маба</i>	<i>маха</i>	<i>махан</i>	'мясо'

Иногда может встречаться и обратное явление — соответствие баоаньскому спиранту х заднеязычного взрывного т . Следует, однако, отметить, что хотя эта тенденция к спирантизации и характерна для баоаньского языка, но широкого распространения она не получила. Ср. несколько примеров:

¹³ Там же.

¹⁴ Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*. I, М., 1933, стр. 92.

¹⁵ Б. Я. Владимирцов, *Сравнительная грамматика...*, стр. 388.

Баоаньский	Калмыцкий	Монгольский письменный	
<i>хал</i>	<i>бал</i>	<i>γal</i>	'огонь'
<i>хар</i>	<i>бар</i>	<i>γar</i>	'рука'
<i>дахан</i>	<i>дабан</i>	<i>daγaγan</i>	'жеребенок'
<i>хар-</i>	<i>бар-</i>	<i>γar-</i>	'выходить'

В баоаньском наблюдается соответствие придыхательного m взрывному непридыхательному d других монгольских языков. Примеров развития $*d > m$ не так много, чтобы можно было вывести какие-то закономерности.

Баоаньский	Современный монгольский	Монгольский письменный	
<i>кэтоң</i>	<i>хэдү</i>	<i>kedün</i>	'сколько'
<i>мүтоң</i>	<i>мод(он)</i>	<i>modun</i>	'дерево'
<i>на́тэ</i>	<i>на́дэ</i>	<i>naγad-</i>	'играть'
<i>күнтэ</i>	<i>күндэ</i>	<i>kündü</i>	'тяжелый'

Два говора баоаньского языка — дахэцзянский и тунжэньский — заметно отличаются друг от друга последовательным употреблением в некоторых словах глухих спирантов: там, где в дахэцзяском говоре встречается в словах переднеязычный спирант ш , в тунжэньском в тех же словах будет или заднеязычный глухой х или гортанный спирант h :

Баоаньский дахэцзянский	Баоаньский тунжэньский	Монгольский письменный	
<i>шэлэ</i>	<i>хэлэ</i>	<i>sirege</i>	'стол'
<i>шинэ</i>	<i>хэнэ</i>	<i>sine</i>	'новый'
<i>шилу</i>	<i>хэлу</i>	<i>ilegā</i>	'излишек'
<i>широ</i>	<i>хи́ро</i>	<i>siroi</i>	'пыль', 'прах'
<i>шдоң (~доң)</i>	<i>хдоң (~доң)</i>	<i>sidün</i>	'зуб'
<i>шбар (~бар)</i>	<i>хбар (~бар)</i>	<i>sibar</i>	'глина'

В баоаньском языке в отличие, например от калмыцкого, переднеязычный носовой n в конечной позиции у большинства слов перешел в заднеязычный ң :

Баоаньский	Калмыцкий	Монгольский письменный	
<i>дабсоң</i>	<i>давсаң</i>	<i>dabusun</i>	'соль'
<i>ходоң</i>	<i>оидоң</i>	<i>odon</i>	'звезда'
<i>нараң</i>	<i>нардн</i>	<i>narān</i>	'солнце'
<i>мүтоң</i>	<i>моддн</i>	<i>modun</i>	'дерево'
<i>бајаң</i>	<i>бајан</i>	<i>bayan</i>	'богатый'

Баоаньский	Калмыцкий	Монгольский письменный	
асоң	адусән	aduγusun	'скотина'
саң	сән	sayin	'хороший'
нобэң	нобән	ноуиγан	'зеленый'
јаң	јүн	уаγил	'что'

При изменении падежных форм в этих и им подобных словах конечный *ң* устойчив.

Другую отличительную черту баоаньского языка составляет то, что в нем заднеязычный *ң* может появляться и в начале слова, например: *ңгар* 'храм', *ңамон* 'верблюд'. Заднеязычный *ң* появляется и в других баоаньских словах, хотя в аналогичных им словах других монгольских языков и в монгольском письменном он отсутствовал, например: бн. *лабочоң* — совр. монг. *навчї*, калм. *намчї*, монг. письм. *nabčї* 'лист'; бн. *тэрмаң* — совр. монг., калм. *тэрэм*, монг. письм. *tegerem* 'мельница'.

Следует обратить внимание и на появление переднеязычного *н* в баоаньском на месте соответствующих гласных в других монгольских языках:

Баоаньский	Дунсянский	Современный монгольский	Монгольский письменный	
ндаң	виджїән	үд(ән)	egüden	'дверь'
ндасоң	удасун	утас	utasun	'нитка'
ндэ-	иджїэ-	идэ-	ide-	'есть', 'кушать'
нджїгэ	энджжэгэ	илджїг	eljigen	'осел'
нджэ-	уджэ-	үдзэ-	üje-	'видеть'
нджор	уджу	үдзүр	üjüγur	'кончик'
ндэги	эндэби	өндэг	öndege	'яйцо'

Возможно, что появление *н* в начале слов перед переднеязычными *д* и *дж* связано с особым типом слогаобразования и характерным для данного языка ударением на первом слоге слова.

Б. Я. Владимирцов особо останавливался на постановке ударений в словах, подвергшихся ускоренному фонетическому развитию. «В таких словах, — писал Б. Я. Владимирцов, — можно отметить ударение, которое падало не на первый, а на второй слог слова, в результате чего получилось исчезновение этого первого, неударного слога»¹⁶.

Для иллюстрации этого положения Б. Я. Владимирцов привел следующие примеры: халх. *санцї* < *асан-цї* < *асан-цї*! монг.

письм. *aγsan aγi(-γu)* 'был'; халх. *нэре* < *үнэре* < *үнэра*! монг. письм. *hneger-iγen* 'поистине, действительно'.

Издredка баоаньскому *л* в других монгольских языках соответствует *н*:

Баоаньский	Современный монгольский	Калмыцкий	Монгольский письменный	
лабочоң	навчї	намчї	nabčї	'листья'
лохтэ	ногтб	ногтй	noγtu	'уздечка'

Чередование *л* и *н* наблюдается и внутри говоров баоаньского языка: дахэцзяскому *н* соответствует иногда тунжэньский *л*, например: *антаң* 'золото' — тж. *алтаң*; *шанчзэг* 'хвост' — тж. *салчзэг*.

По говорам заметно различие и в тенденции к удлинению некоторых слов посредством добавления отдельных согласных звуков. Общий смысл слова от этого не меняется:

Баоаньский		Современный монгольский		
дахэцзяский	тунжэньский			
джоңдоң	джудоң	дзүд(ән)		'сон'
часоң	чабсоң	цас(ән)		'снег'
джїлбасоң	джїласоң	дзагїс(ән)		'рыба'

Перестановку, метатезу согласных мы встречаем в баоаньском в следующем примере: *холэр* 'дно' — монг. письм. *iγuγar*, совр. монг. *joγbl*, калм. *joγal*.

Подобно дунсянскому языку, в баоаньском характерно выпадение *р* как в конце, так и в середине некоторых слов, тогда как в тех же словах других монгольских языков этот согласный *р* сохраняется.

а) выпадение *р* в середине слова:

Баоаньский	Дунсянский	Современный монгольский	
махшэ	мабашы	маргїш	'завтра'
этэ	эчїэ	эртэ	'рано'
фду	фуду	уртй	'длинный'

б) выпадение *р* в конце слова:

тэ	тэ	тэрэ	'тот'
удэ	уду	өдөр	'день'

¹⁶ Там же, стр. 113.

Заметно также и выпадение спиранта *в* в случаях, когда он сохраняется в подобных же словах других монгольских языков:

Баоаньский	Дунсянский	Современный монгольский	
<i>бураң</i>	<i>буран</i>	<i>гуряв</i>	'три'
<i>тэрэ-дэраң</i>	<i>чиэру-джэруан</i>	<i>тэврэ-дэвр(өн)</i>	'обнимать', 'четыре'

Известно, что во многих других монгольских языках в начале слога не могут оказаться подряд два согласных. Баоаньский язык отличается от них тем, что в этой же позиции в нем встречаются стечения двух согласных. Подобные стечения согласных имеют свои особенности:

1) в составе таких стечений начальными согласными обычно выступают носовые *н*, *м* или *ң*, а также спиранты *һ* или *ш*. При этом после начальных согласных могут следовать или один из взрывных или аффриката *дж*, но не спиранты. Примеры с начальным *н*: *ндаң* 'дверь', *ндэ* 'есть', 'кушать', *нджэр* 'кончик', *нджэ* 'видеть', 'смотреть'. Если вторым компонентом сочетания является взрывной заднеязычный *г*, то начальным согласным выступает заднеязычный *ң*: *ңга* 'очень', 'много', *ңгоң* 'зима', *ңгэ* 'седло', *ңгар* 'храм'. Нами также зафиксировано сочетание носового *м* с взрывным губно-губным *б*: *мба* 'купаться' (ср. монг. письм. *имба*);

2) после начальных спирантов *һ* или *ш* может следовать лишь один из взрывных или аффриката, но не сонорный. При начальном *һ* вторым компонентом сочетания выступают взрывные *г* и *д* или аффриката *дж*: *һгэ* 'большой', *һдэбэ* 'нож', *һджидэ* 'между', *шбар* 'глина', *шдоң* 'зуб', *шджэ* (тж. *һджэ*) 'идти'.

Следует заметить, что в баоаньском редки случаи стечения носовых согласных со спирантами, так же как и спирантов с указанными выше носовыми согласными.

Стечения спирантов *һ* или *ш* с взрывными *б*, *г*, *д* или с аффрикатой *дж* являются результатом сгашения согласных с последующим выпадением промежуточных гласных, что наглядно прослеживается из сопоставления следующих примеров:

Монгольский письменный	Бурятский	Современный монгольский	Баоаньский	
<i>yeke</i>	<i>exə</i>	<i>ixə</i>	<i>hgo</i>	'большой'
<i>sibar</i>	<i>шabəp</i>	<i>шавəp</i>	<i>шбар</i>	'глина'
<i>oči-</i>	<i>ошd-</i>	<i>очи-</i>	<i>шджэ-</i>	'идти'
<i>sidəч</i>	<i>шүдэ(н)</i>	<i>шүдэ(н)</i>	<i>шдоң</i>	'зуб'
<i>kituqa</i>	<i>хутāgā</i>	<i>хутgā</i>	<i>һдобэ</i>	'нож'

Пока трудно определить, когда, в каких условиях опускается гласная, следовавшая за начальным согласным. Знаменательно то, что образовавшийся пропуск гласных сблизил согласные, ранее принадлежавшие к двум разным слогам.

Как и в остальных монгольских языках, слогаобразующим элементом в баоаньском языке является гласный звук. Следовательно, сколько в слове гласных, столько в нем будет и слогов.

Слоги баоаньского языка состоят из:

1) одного гласного: *у*- 'пить', *а-дал*- 'пасти скот', *о-лоң* 'много';

2) гласного + согласный: *ам-тэг* 'вкус', *эб-дэг* 'колени', *он-дэр* 'высокий', *ан-джэ*- 'обмениваться';

3) согласного + гласный: *ба-тэ* 'крепкий', *бэ-дэ* 'мы', *бэ-лу* 'точильный камень', *ши-нэ* 'новый';

4) согласного + гласный + согласный: *вэр*- 'держат', *ба-джир* 'земля', *даб-соң* 'соль', *хар* 'рука', *мам* 'лекарство', *хал* 'огонь';

5) согласного + согласный + гласный: *мба* 'да', 'действительно', *нда-соң* 'нитка', *ндэ-ва* 'деревня', 'селение';

6) согласного + согласный + гласный + согласный: *шдоң* 'зуб', *нджаң* 'он', *ңгоң* 'зима', *шбар* 'глина'.

Пятый и шестой типы слогов в баоаньском языке требуют особых пояснений. Подобные типы первых слогов характерны лишь для баоаньского и монгорского языков. В этих языках выпадение начального гласного или гласного, следующего за начальным согласным, привело к сближению двух согласных, в результате чего образовались консонантные группы, отличные от других монгольских языков. Если учесть распространение этих типов начальных слогов в пределах отдельных групп монгольских языков, в частности баоаньского и монгорского, то можно предположить, что образование данных консонантных групп, возможно, произошло под влиянием тибетского языка.

К двум последним типам слогов относятся как собственно баоаньские, так и заимствованные из тибетского языка слова. По сравнению с остальными монгольскими языками в баоаньском в образовании слогов заметны две особенности:

1) стечение начальных согласных в слове, образовавшееся вследствие утери начальных или промежуточных гласных;

2) ограниченное число возможных конечных согласных в слове.

МОРФОЛОГИЯ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Имя существительное имеет грамматические категории числа и падежа. Категории грамматического рода в баоанском языке нет.

Естественнородовые (по полу) различия людей и животных обычно выражаются в нем лексическими или лексико-синтаксическими средствами.

Лексический способ выражения естественнородовых различий употребителен прежде всего в терминах родства: *абэ* 'отец' — *амэ* 'мать'; *гагэ* 'старший брат' — *азэ* 'старшая сестра'; *аву* 'мальчик' — *агу* 'девочка'.

При лексико-синтаксическом способе принадлежность лица к тому или другому полу передается посредством специальных слов — *эрэ* 'мужчина' и *эмэ* 'женщина', ставящихся перед общеродовым словом: *эрэ куң* 'мужчина' (букв. 'мужчина человек') — *эмэ куң* 'женщина' (букв. 'женщина человек'). Следует отметить, что подобные способы обозначения различий по полу наблюдаются во всех монгольских языках.

В баоанском в отличие от некоторых других монгольских языков (в частности, от современного монгольского, бурятского, калмыцкого) нет специальных суффиксов, уточняющих, с одной стороны, пол животных определенного возраста (ср. совр. монг. *гунан* 'трехлетний бычок' — *гунжин* 'трехлетняя корова'), а с другой — пол животных определенной масти [ср. калм. *улагчи* 'буря' (о корове), *боргчи* 'серая' (о кобылице)].

Категория числа

В баоанском языке имена в единственном числе имеют или нулевой показатель (*куң* 'человек', *ндаң* 'дверь', *гар* 'дом', *мутоң* 'дерево') или образуются присоединением к основе имени специального суффикса единичности *-ңгэ* (~-гэ). Форма единичности употребляется и для обозначения одного предмета и для наименования предмета вообще. Эта форма единичности имеется только в дахэцзяском говоре баоанского языка, в тунжэньском говоре ее нет.

Дахэцзяский говор	Тунжэньский говор	
<i>хонэ</i> (~ <i>хонэңгэ</i>)	<i>хонэ</i>	'овца', 'одна овца'
<i>гар</i> (~ <i>гаргэ</i>)	<i>гэр</i>	'дом', 'один дом'
<i>ташэ</i> (~ <i>ташэңгэ</i>)	<i>тахэ</i>	'камень', 'один камень'

В речи монголов уезда Тунжэнь также встречается форма единичности с суффиксом *-ңгэ* (~-гэ): *гэр* ~ *гэргэ* 'дом', 'один дом', *хонэ* ~ *хонэңгэ* 'овца', 'одна овца'.

Суффикс *-ңгэ* (~-гэ) — именного происхождения. Он представляет собой сокращенную форму количественного числительного *нэгэ* 'один'. Это числительное вследствие потери гласного первого слога, иногда и целого слога, превратилось в односложный формант *-ңгэ* (~-гэ), присоединяемый к основе имени.

Кроме баоанского, суффикс единичности известен лишь в монгольском языке. Приведем несколько примеров из различных монгольских языков:

Баоанский	Монгольский	Дунсянский	Современный монгольский	
<i>гар</i> (~ <i>гаргэ</i>)	<i>гер</i> (~ <i>герге</i>)	<i>гизэ</i>	<i>гэр</i>	'дом'
<i>куң</i> (~ <i>куңгэ</i>)	<i>кун</i> (~ <i>кунге</i>)	<i>кун</i>	<i>хүн</i>	'человек'
<i>ајиңэ</i> (~ <i>аји-бэңгэ</i>)	<i>јаба</i> (~ <i>јабан-ге</i>)	<i>јиба</i>	<i>ајагай</i>	'чашка'

Множественное число образуется только при помощи суффикса *-лэ*, что отличает баоанский язык от большинства остальных монгольских языков, в частности современного монгольского, бурятского, дагурского, калмыцкого, в которых имеется несколько суффиксов множественного числа, употребляющихся в зависимости от качества конечного звука основы имени. Суффикс *-лэ* в баоанском может присоединяться к любой основе имен (как с гласными переднего, так и с гласными заднего ряда):

Единственное число	Множественное число
<i>имаң</i> 'коза'	<i>имаңлэ</i> 'козы'
<i>бэнджэр</i> 'птица'	<i>бэнджэрлэ</i> 'птицы'
<i>куң</i> 'человек'	<i>куңлэ</i> 'люди'
<i>агу</i> 'девочка'	<i>агулэ</i> 'девочки'
<i>нэрэ</i> 'имя'	<i>нэрэлэ</i> 'имена'

В речи монголов уезда Тунжэнь множественное число передается посредством суффикса *-ла*: *шаошэ* 'мальчик' — *шаджэ-ла* 'мальчики'.

Важно отметить, что только в двух языках монгольской группы — дунсянском и баоанском, представители которых когда-то, по-видимому, были связаны с тюркоязычными народностями и позже приняли от них мусульманство, мы встречаемся с суффиксами *-ла*, *-лэ*. Суффиксы *-ла*, *-лэ* присоединяются не только к именам, обозначающим одушевленные предметы, но и ко всем другим именам, употребляющимся во множественном числе.

В работе «Монгольские языки и диалекты Китая» мы уже отмечали, что суффиксы — дунсянский *-ла* и баоаньский *-лэ*, по-видимому, связаны с аффиксом множественного числа *-лар||-лер*, широко используемым в тюркских языках¹⁷.

Предположение Г. И. Рамстедта о происхождении тюркского *-лар||-лер* из монгольского **nar*¹⁸, указывающего на совокупность, совместность, оспаривается некоторыми тюркологами.

Примечательно, что и в словаре «Мукаддима́т ал-Адаб» — памятнике XIV в. (мы имеем в виду приводимый в нем монгольский языковой материал, содержащий несколько тысяч слов, данных в контексте¹⁹) — зафиксированы слова с суффиксом *-лар||-лер*. При этом весьма интересно, что суффикс *-лар||-лер* употребляется не только с именами, но и с глаголами: *yasun* 'кость' — *yasunlar* 'кости' (стр. 388); *kürgebeler* 'доставили' (стр. 229); *nöker bolbalar* 'стали друзьями' (стр. 261).

Вследствие того, что в баоаньском в отличие от других монгольских языков множественное число образуется лишь при помощи суффикса *-лэ*, имена существительные, самые различные по своему лексическому значению, образуют множественное число совершенно одинаково.

Баоаньский	Современный монгольский	Калмыцкий	
<i>гарлэ</i>	<i>гэрүд</i>	<i>гермүд</i>	'дома'
<i>дулэ</i>	<i>дунёр</i>	<i>дүнёр</i>	'младшие братья'
<i>олэлэ</i>	<i>улнүд</i>	<i>улэс</i>	'горы'
<i>нэрэлэ</i>	<i>нэрс</i>	<i>нерс</i>	'имена'

Примечание. Суффиксы множественного числа выделены полужирным шрифтом.

Однако не все имена со значением множественности требуют в баоаньском языке формы множественного числа с суффиксом *-лэ*. Небольшая группа имен, обозначая множественность, может передаваться и без специального суффикса множественного числа. Это наблюдается в следующих случаях:

1) при употреблении имен существительных, не требующих исчисления (*руки, глаза, уши* и др.), а также имен с собирательным значением. Ср. примеры: *сэ годжэнэ харбалэ энэнэ окэджэ* 'я отдал это своими руками'; *танэ равэ фду ва* 'ваши волосы стали длинными';

2) при использовании существительных, обозначающих одородные вещества, также не поддающиеся исчислению. К этой

¹⁷ Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, М., 1960, стр. 93.

¹⁸ Г. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, М., 1957, стр. 59.

¹⁹ «Труды Института востоковедения», XIV, М.—Л., 1938.

группе относятся существительные типа *антаң* 'золото', *тосоң* 'масло' и др.;

3) когда количество предметов определено числительными: *тавоң гар* 'пять домов', *бураң хонэ* 'три овцы', *долоң удэ* 'семь дней';

4) если при определяемом находится неопределенно-множественное слово, указывающее на какую-то совокупность предметов: *олоң ташэ* 'много камней', *асоң нга ви* 'много скота' и некоторые другие.

Склонение имен существительных

В баоаньском языке имеется семь падежей: именительный, родительный, дательный-местный, винительный, исходный, срудный и соединительный.

Каждый из указанных падежей имеет свою, только ему присущую, грамматическую форму, передающую определенное значение.

Именительный падеж в баоаньском, как и в остальных монгольских языках, имеет нулевой показатель, в результате чего по своей форме совпадает с основой имени: *лабчоң* 'листва', *тэха* 'курица', *ходоң* 'звезда', *бура* 'дождь' и др.

Именительный падеж с суффиксом единичности *-нэ* (~-гэ) является факультативным вариантом основной бессуффиксальной формы этого падежа.

Родительный падеж образуется при помощи суффикса *-нэ*: *лохтэ* 'уздечка' — *лохтэнэ* 'уздечки'; *бура* 'дождь' — *буранэ* 'дождя'; *далсоң* 'соль' — *далсоңнэ* 'соли'.

В некоторых других монгольских языках, например в современном монгольском, бурятском, калмыцком, родительный падеж образуется посредством нескольких суффиксов, нарастающих в зависимости от конечного звука основы.

Г. Д. Санжеев отмечал, что в таких монгольских языках, как дагурский, монгорский и могольский, наблюдается совпадение форм родительного и винительного падежей и что это явление едва ли объяснимо случайным звуковыми эволюциями форм этих падежей. Свою мысль об общем происхождении суффиксов родительного и винительного падежей Г. Д. Санжеев развивает дальше; он говорит относительно возможной генетической связи винительного падежа с родительным и омертвевшим местным²⁰. Далее Г. Д. Санжеев пишет: «...В монгорском языке формы винительного падежа личных местоимений единственного числа 1-го и 2-го лица совпадают с формами дательного-местного падежа (*нда* 'меня' и 'мне', *чимі* 'тебя' и 'те-

²⁰ Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, стр. 160, 162—163.

бе'), а не родительного, имеющего другое, общемонгольское оформление, и являются основами для образования других падежей, кроме того же родительного»²¹.

В баоанском языке мы наблюдаем ту же картину, что и в монгорском. В нем родительный и винительный падежи имен существительных совпадают по форме, имея одинаковый суффикс *-нэ*. При изменении личных местоимений в обоих числах образуются одинаково родительный и дательно-местный падежи. В указательных местоимениях совпадают по форме родительный и винительный падежи. Следует заметить, что характерной чертой падежной системы языков — баоанского, дунсянского, монгорского, дагурского и желтых уйгуров — является наличие родительного и винительного падежей, объединяемых единством формальных показателей. Таким образом, при выяснении вопроса о происхождении родительного и винительного падежей в монгольских языках следует учитывать и баоанские языковые данные.

Винительный падеж в баоанском языке, как уже отмечалось, образуется посредством суффикса *-нэ*. Значение совпадающих по форме двух падежей — родительного и винительного — выясняется лишь из контекста, например: *энэ гэгэнэ малбэ ва* 'это шапка старшего брата' (род. пад.) — *чэ гэгэнэ урэджэ рэ* 'пригласи старшего брата' (вин. пад.); *мэрэнэ лохтэ* 'уздечка коня' (род. пад.) — *мэрэнэ абджэ рэ* 'приведи коня' (вин. пад.); *мунэчэ лабчэчэ* 'листья дерева' (род. пад.) — *тэ мунэчэ нджэ* 'посмотри на то дерево' (вин. пад.).

В баоанском языке нет соотносительных форм родительного и винительного падежей на *-ни ~ -ји*, известных в дунсянском языке.

Дательно-местный падеж образуется при помощи суффикса *-дэ*: *хар* 'рука' — *хардэ* 'руке'; *алмаң* 'груша' — *алмаңдэ* 'груше'; *ңгар* 'храм' — *ңгардэ* 'храму'.

Исходный падеж образуется посредством суффикса *-сэ*: *нэр* 'сон' — *норсэ* 'от сна'; *дармоң* 'медведь' — *дармоңсэ* 'от медведя'; *нобу* 'собака' — *нобуисэ* 'от собаки'; *хал* 'огонь' — *халсэ* 'от огня'. В речи монголов уезда Тунжэнь исходный падеж имеет суффикс *-са*: *базар* 'горюк' — *базарса* 'из горюка'.

В отличие от ряда других монгольских языков (например, современного монгольского, дагурского, калмыцкого) суффикс исходного падежа в баоанском не имеет начального гласного. Поскольку форматив исходного падежа с начальным гласным считается по составу сложным, состоящим из суффиксов двух

падежей (местного *-а* и исходного *-са*)²², мы можем зафиксировать образование исходного падежа в баоанском языке при помощи *-сэ*, являющегося показателем собственно исходного падежа.

Орудный падеж в баоанском образуется путем присоединения к основе имени суффикса *-балэ*: *сам* 'гребенка' — *самбалэ* 'гребенкой'; *фэнэ* 'дым' — *фэнэбалэ* 'дымом'; *ндаң* 'дверь' — *ндаңбалэ* 'дверью'.

Соединительный падеж. Характерным для баоанского языка является то, что при помощи суффикса *-балэ* образуется и соединительный падеж, тем самым обозначая не только орудие действия, но и соучастника действия: *ташэ* 'камень' — *ташэбалэ* 'с камнем'; *удэ* 'день' — *удэбалэ* 'с днем'; *бэ* 'я' — *бэбалэ* 'со мною'. Падежи, совпадающие по своей форме, выясняются при анализе соответствующего контекста.

Часто имя в соединительном падеже сопровождается послелогом *һамтэ* 'вместе' с целью подчеркнуть, указать на действие, совершаемое совместно с кем-либо, например: *аву јаджэ нджэңэ аулэбалэ һамтэ кэтэ харэ шджэ* 'мальчик вернулся домой со своими товарищами — мальчиками'.

Возможно, что суффикс *-балэ* при выяснении его происхождения окажется составным, восходящим к суффиксам монгольского письменного языка **-jar ~ *-ger > -jar ~ -bar* (суффиксы местного и орудного падежей). Чередование *р* и *л* в монгольских языках общеизвестно.

Можно предположить и другое: восхождение суффикса *балэ* к *-luɣa//lüge* в монгольском письменном (суффикс соединительного и местного падежей). В баоанском наблюдается перемещение звуков внутри слова, т. е. метатеза. Возможно, что в результате метатезы *-luɣa//lüge* в баоанском и образовался показатель соединительного падежа в виде *-балэ*²³.

В баоанском языке имеется только простое склонение, при котором непосредственно к основе имени наращиваются соответствующие падежные суффиксы.

Баоанский язык относится к группе тех монгольских языков, в которых отсутствует распределение существитель-

²² Подробнее об этом см. работы: Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, стр. 17; Г. И. Рамstedт, *Введение...*, стр. 52.

²³ Существенно отметить, что в монгорском языке орудный падеж не образуется при помощи суффикса *-ра* (см. Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*). Материалы проведенных при нашем участии лингвистических экспедиций в КНР и наши личные наблюдения говорят о том, что в монгорском языке падежи орудный и соединительный совпадают по своей форме, имея общий для них суффикс *-ла* [ср. еще дунс. *-блэ* (ор. пад.), *-лэ* (соед. пад.); в речи монголов уезда Тунжэнь *-бала*].

ных по отдельным типам склонения в зависимости от различия в исходе основы, точнее — от качества конечного звука основы имени.

В этой связи уместно сравнить баоаньский с данными калмыцкого языка. В калмыцком существительные типа *гер* 'юрта', *девл* 'шуба', с одной стороны, *така* 'курица', *туула* 'заяц', с другой, относятся к разным типам склонения, так как родительные падежи указанных выше имен существительных образуются неодинаково — посредством разных суффиксов. Иное положение наблюдается в баоанском, дунсянском и монгорском языках, в которых отсутствуют разные типы склонения, поскольку в этих языках имеется единственный для всех основ имен суффикс родительного падежа.

Склонение имен существительных во множественном числе происходит при помощи тех же, что и для единственного числа, падежных суффиксов. В этом случае суффикс множественного числа предшествует суффиксу падежа.

Приведем образцы склонений имен.

Таблица 3

Падеж	Суффикс	Склоняемое слово	
		<i>хал</i> 'огонь'	<i>ташэ</i> 'камень'
Именительный	(-нэ, -гэ)	<i>хал (халгэ)</i>	<i>ташэ (ташэнгэ)</i>
Родительный		<i>халнэ</i>	<i>ташэнэ</i>
Винительный	-дэ	<i>халдэ</i>	<i>ташэдэ</i>
Дательного-местный		<i>халсэ</i>	<i>ташэсэ</i>
Исходный	-балэ	<i>халбалэ</i>	<i>ташэбалэ</i>
Орудный			
Соединительный			

Таблица 4

Падеж	Суффикс		Склоняемое слово	
	числа	падежа	<i>хал</i> 'огонь'	<i>ташэ</i> 'камень'
Именительный	-лэ	}	<i>халлэ</i>	<i>ташэлэ</i>
Родительный			<i>халлэнэ</i>	<i>ташэлэнэ</i>
Винительный	-дэ	}	<i>халлэдэ</i>	<i>ташэлэдэ</i>
Дательного-местный			<i>халлэсэ</i>	<i>ташэлэсэ</i>
Исходный	-балэ	}	<i>халлэбалэ</i>	<i>ташэлэбалэ</i>
Орудный				
Соединительный				

Именительный падеж употребляется в именах, выступающих в функциях: а) подлежащего: *ймэ чихаң давубалэ годжэнэ аудэ маллэ хиджэ* 'мать сшила своему сыну шапку из хлопчатобумажной ткани'; б) именной части сказуемого: *ножан хончэ ва* 'он пастух овец'; в) определения: *ноханэ ташэ гарлэ чоң ва* (дцз.) 'здесь мало каменных домов'.

Родительный падеж, как и в остальных монгольских языках, является единственным приименным падежом. Он передает отношение одного имени к другому.

Общим, основным значением родительного падежа является значение принадлежности: *каң гэгэнэ маллэнэ нджэсэдэжэ?* (дцз.) 'кто видел шапку старшего брата?'; *бэ абэнэ морэ танім* (тж.) 'я узнаю лошадь отца'; *мэнэ аунэ јамбі* (кит. *цяньби*) *энэ ва* (тмгр.) 'это карандаш моего сына'.

Родительный падеж обозначает и часть целого: *нджасэнэ гарнэ ндаңнэ хичэ* 'закружили дверь их дома'; *чэ дэсоңнэ нджорвлэ бофэлдэ* (дцз.)²⁴ 'ты привяжи концом веревки'; *мэнэ гэрнэ джлма нго гина* (тмгр.) 'окно моего дома небольшое'. Если в остальных монгольских языках родительный падеж может выступать и с некоторыми другими значениями, то изученные нами материалы баоаньского языка позволяют говорить лишь об указанных случаях его использования.

Дательного-местный падеж косвенного дополнения встречается, согласно своему наименованию, с двумя значениями:

1) адресата действия: *алмаңнэ аву јаджэлэдэ хуаджі окэ* (дцз.) 'раздай детям груши'; *чэ гэгэдэ кэлэ* (тж.) 'вы скажите старшему брату'; *мэнэ дудэ шаджэ ги* (тмгр.) 'у моего младшего брата нет детей';

2) места и направления действия: *нджаң базардэ шджэсаң ва* 'он ушел в город'; *тэ сэнэ сулбэдэ кэдэ* (дцз.) 'вылей ту воду в ведро'; *нджасэң гардэ мэргэлэ нджэ* 'они ушли в храм, чтобы молиться'; *бэдэ Бэджіңдэ нджэги* (тж.) 'мы поедем в Пекин'; *нокэр базардэ шджэдо* (тмгр.) 'товарищ уехал в город'.

В баоаньском языке дательного-местный падеж употребляется и при глаголе *асхэ* - 'спросить', 'спрашивать', в то время как в большинстве других монгольских языков в этом случае был бы исходный падеж. Примеры: *бэ чодэ асхо ~ асхэво* 'я спросил у тебя'; *бэдэ нохаң гунзо* (кит. *гунцзэ*) *кэсаң куңлэдэ асхо* (дцз.) 'мы спрашивали у людей, работавших здесь'; *чэ*

²⁴ Если подряд приведено два и больше примеров из одного и того же говора, то помета, указывающая на говор, дана в последнем из этих примеров.

сэ мэдэсэ гэгэдэ асхо (тж.) 'если тебе непонятно, спроси у старшего брата'; бэ амэдэ асхэ кэрэб (тмгр.) 'я должен спросить у матери'.

Дательно-местный падеж ставится и при слове *олджі* 'для', 'из-за', 'ради': бэ агудэ олджі нохаң ро 'я приехал сюда из-за дочери'; нджаң амэдэ олджі энэнэ абджі рэджэ 'это он принес для матери'.

Глаголы *дэр* 'мерзнуть', *идэр* 'уствовать', *вэтэ* 'болеть' и некоторые другие также требуют постановки имени в дательном-местном падеже, например: *чадэ* (~чэ) *вэтэджисэ бэ мам окэјэ* 'если ты болен, то я дам тебе лекарство'; *ногэдэ* (~но-окэјэ) *идэјэ тэралэ нджэдэ* 'он устал, поэтому ушел спать'; *гэ* *идэјэ тэралэ нджэдэ* 'он устал, поэтому ушел спать'; *мэнэ аудэ дарожэ* (тж.) 'мой сын мерзнет'. Формы, приведенные в скобках, указывают на то, что при глаголах *вэтэ* 'болеть' и *идэр* 'уствовать' может встречаться и именительный падеж. В остальных монгольских языках (в частности, в современном монгольском, калмыцком, дагурском и монгольских диалектах Китая) в данном случае употреблялись бы падежи винительный или именительный, но не дательно-местный.

Винительный падеж является падежом прямого дополнения. Он служит для выражения объекта, на который направлено действие. Примеры: бэ мэбанэ абчэ рэсэ, чэ халнэ дэңгэдэ (кит. дян) 'я принесу мясо, ты разожги огонь'; *нобуинэ бадэ харбэ* (дцз.) 'выгони на улицу собаку'; чэ морэнэ нэдэ нэгэ оңшэдэ окэ 'прочти мне это письмо'; бэ морэнэ нэдэ нэгэ оңшэдэ окэ 'прочти мне это письмо'; бэ морэнэ нэдэ нэгэ оңшэдэ окэ 'прочти мне это письмо'; *энэ сулбэнэ амэдэ кургэдэ шджэ* 'отнеси это ведро матери'; *нджасэ толчэбнэ сэлала шджэдэ* (тмгр.) 'мы ходили поить теленка'.

Исходный падеж косвенного дополнения может оформлять: а) объект при глаголах чувственного восприятия. Ср. примеры с глаголом *ай* 'бояться': бэ нобуисэ айдо (тж.) 'я боялся собаки'; чэ дармоңсэ айджо, бэ лэ айм (дцз.) 'ты боишься медведя, я не боюсь'; *нджасэ даргуса айджі сэ ро* (тмгр.) 'они не пришли, побоявшись холода';

б) объект, от которого что-либо отчуждается: *нджаң морэса нэдэ* (тмгр.) 'он упал с коня'. Между прочим, следует заметить, что в речи монголов уезда Тунжэнь наряду с дательном-местным падежом при глаголе *асхэ* 'спрашивать' употребляется и исходный падеж. При этом часто встречается слово *хар* 'рука'. Примеры: *абэнэ харса јэң* (кит. янь) *буј* 'спроси табак у отца'. В данном случае формативом исходного падежа оформляется имя существительное *хар* 'рука';

в) место или пространство, через которое, при посредстве которого совершается то или другое действие: чэ базарсэ харэджі рэ шожэ, нджаң сэ ро (дцз.) 'ты вернулся из города, а он не вернулся'; бэ Ланджуса ро (тж.) 'я вернулся

из Ланьчжоу'; *дубазарса кэтэ харэджі рэджэ* (тмгр.) 'младший брат вернулся домой из города'.

Исходный падеж употребляется и тогда, когда необходимо указать расстояние от исходного до конечного пункта. В этом случае название исходного пункта ставится в исходном падеже: *нэнэ гарсэ қгардэ чадаң* (тж.) 'от моего дома до храма близко'. Часто используется и слово *куртэла* 'до': *нэ базарсэ нэдэла куртэла холо гина* (тмгр.) 'от этого города до гина недалеко'.

Орудный падеж в баоанском языке обозначает:

а) предмет, посредством которого что-либо делается: *нджасэ бадэрбалэ бобді бадэ* (~бадэво) 'они косили пшеницу косой'; чэ энэ самбалэ равэнэ самлэ 'расчеши волосы этой греченкой'; *нджаң гамбібалэ* (кит. гамби) *пэджэдэжо* (дцз.) 'он пишет ручкой'. В речи монголов уезда Тунжэнь: *нджаң ташэвала мобуинэ экэдэжо* 'он убивает змею камнем'; *абэ тэмэр гурджэсэвала таннэ манталджо* 'отец копает землю железной лопатой';

б) предмет, из которого что-либо делается: *нэ һбарбалэ лэгэ* 'сделай это из глины'; чэ мутоңбалэ хэлэ джасэ (тж.) 'сделай стол из дерева'; *мангэ ноґсоңбалэ тохом кэджі* 'мы делаем войлок из шерсти'; чэ хэра ноасоңбалэ табчэ хэдэ (дцз.) 'ты пришел пуговицы черной ниткой';

в) предмет, являющийся причиной совершения того или иного действия: *китаңбалэ тэ сэ рэджэ* (дцз.) 'из-за холода тот не пришел'; бэ доблонбалэ сэ јуджэ (тж.) 'я не поехал, так как захромал'; *китаңбала бэ базардэ сэ шожэ* (тмгр.) 'из-за холода я не поехал в город';

г) время, в течение которого что-либо происходит: бэ нэгэ һонбалэ курджі ро (тж.) 'я вернулся домой через год'.

С орудным образом действия встретился лишь один пример: *ногэ һорбалэ лэгэдэжо* (тж.) 'он работает с сердитым видом'.

В баоанском, как и в других монгольских языках, глагол *дэргэ* 'наполняться' управляет орудным падежом: *нджасэ соңнэ* (кит. цан 'амбар') *тараңбалэ дэргэбэджэ* (дцз.) 'они заставили наполнить амбар зерном'.

Соединительный падеж обозначает предмет, вместе с которым другой предмет совершает действие и находится в одинаковом положении: *агу јаджэлэбалэ нэтэлэ шджэджэ* 'девочка ушла играть с ребятами'; *мангэ нджаңнэ абэбалэ гунзо кэсаң ві* (дцз.) 'мы работали с его отцом'; бэ гэгэбалэ југі (тж.) 'я поеду со старшим братом'.

Часто соединительный падеж употребляется с *һамтэ* 'вместе': чэ куңбалэ һамтэ бэданэ нохаң рэ (дцз.) 'ты приходи к нам вместе с сыном'. Ср. в речи монголов Тунжэнь: бэ дубала һамтэ сэраджі 'я учусь вместе с младшим братом'.

Соединительный падеж является лишь падежом косвенного дополнения и всегда обозначает предмет или лицо, вместе с которым совершается то или другое действие.

Особенностью баоаньского языка является то, что в нем отсутствуют двойное и возвратное склонения.

Как известно, во многих других монгольских языках, например современном монгольском, дагурском, калмыцком и некоторых других, имеется двойное склонение, суть которого заключается в том, что некоторые падежные формы образуются не только от основы имени, но также и от иных падежных форм (в основном от основы родительного и совместного падежей). Приведем пример из современного монгольского языка: *ах* 'старший брат' — *ах* 'старшего брата' (род. пад.) — *ах* 'от старшего брата' (родительный + исходный падеж). Подобного использования форм двух падежей в баоаньском языке не наблюдается, в нем употребляются всегда простые падежные формы.

В баоаньском языке имеется суффикс принадлежности *-гэ*, образующий от существительных и местоимений слова, обозначающие предметы, которым что-либо принадлежит.

Этот суффикс наращивается обычно к форме родительного падежа местоимения: *тэ аву танэгэ* о 'тот мальчик — ваш'; *нэ гар чэнэгэ* о 'этот дом — твой'.

Данный суффикс может также присоединяться непосредственно к основе имени существительного: *энэ лусэ аоэгэ* о 'этот мул — отца'; *тэ имаң дугэ* о 'та коза — младшего брата'.

Как в первом, так и во втором случаях имена с суффиксом *-гэ* выполняют в предложении функцию именной части составного сказуемого. Ему соответствует в остальных монгольских языках суффикс *-х* (~*-хэ*).

В баоаньском языке нет специальной частицы со значением «свой», указывающей на принадлежность предмета, т. е. такой частицы, которая в других монгольских языках выступает в качестве показателя возвратного притяжания.

Со значением возвратного притяжания в баоаньском употребляется отдельное слово *годжэ* 'сам', в родительном падеже — *годжэнэ* 'свой'. Например: *чэ годжэнэ лахшэбалэ харнэ албэ* 'выгря руки своим платком'. То же самое мы наблюдаем и в речи монгорэв уезда Тунжэнь: *бэ годжэнэ нэдоңбала нджэгэдэ* 'я видел своими глазами'.

В баоаньском языке в 1-м и во 2-м лице обоих чисел мы имеем не частицы личного притяжания (как, например, в некоторых других монгольских языках), а сохранившуюся препозицию лично-местоименных определений в родительном падеже:

мэнэ морэнэ лохтэ 'уздечка моего коня'
чэнэ ау энэ аунэ бэ нудэ мэ-до 'я сегодня узнал, что этот мальчик — твой мальчик'
бэданэ блэдэ шу олоң јі 'на наших горах много деревьев'

мөрнэнм ногт ~ минн мөр-нэ ногт
эн көвүнчн чиниг би эндр медва

уулумдн модн олн (бээнэ)

В 3-м лице употребляется суффикс *-нэ* (ср. еще: монг. *письм. илн, апи*; совр. монг., бур., калм. *н*; даг. *ин*, дунс. *ни*): *бэ морэнэнэ сэладэ* (дцз.) 'я напоил его коня'.

Значение принадлежности передано здесь при посредстве суффикса *-нэ*, присоединяемого к имени существительному в винительном падеже: *морэ* 'конь' — *морэнэ* 'копя' (влн. п.) — *морэнэнэ* 'его коня'.

В примере из тунжэньского говора — *нджаңнэ аунэнэ бэ урэджі ро* 'я пригласил его сына' — при наличии в предложении отдельно выраженного местоимения *нджаңнэ* 'его' (определение в следующем за ним слове *аунэ* (определяемое) сохранен суффикс личного притяжания 3-го лица *-нэ*: *нджаңнэ аунэнэ*, что буквально значит 'его сына — его'.

Такого рода использование полного местоимения 3-го лица и суффикса 3-го лица *-нэ* лишний раз подчеркивает, конкретизирует, что это местоимение имеет отношение к слову *ау* 'сын', а не к какому-либо другому слову в предложении.

Словообразование имен существительных

Самым продуктивным способом образования новых слов является морфологический способ, т. е. образование новых слов при помощи соответствующих суффиксов.

Производные имена существительные образуются как от имен, так и от глаголов посредством небольшого числа словообразовательных суффиксов.

От основ имен существительных образуются существительные при посредстве суффиксов *-чэ* и *-ча*.

-чэ: существительные с этим суффиксом обозначают названия лиц по роду занятий: *хонэ* 'овца' — *хонэчэ* 'пастух овец'; *асоң* 'скот' — *асоңчэ* 'скотовод'; *морэ* 'конь' — *морэчэ* 'коневод'.

-ча: при помощи *-ча* образуются имена со значением лица, проявляющего склонность к чему-либо: *нэб* 'жадность' — *нэб-ча* 'жадина'.

Образование имен существительных от глагольных основ происходит при помощи следующих суффиксов:

-*н*: имена с данным суффиксом обозначают предметы, чаще всего являющиеся объектами действия: *тарэ* 'пахать' — *тараң* 'пашня'; *ачэ* 'грузить', 'нагружать' — *ачаң* 'груз', 'поклажа';

-*дэ*: при помощи этого суффикса образуются имена существительные, обозначающие результат, процесс действия: *шинэ* 'смеяться' — *шинэдоң* 'смех'; *ханэ* 'кашлять' — *ханэдоң* 'кашель';

-*г*: имена с таким суффиксом передают значение результата действия: *пэджэ* 'писать' — *пэджэг* 'письмо';

-*р*: при посредстве этого суффикса образуются имена со значением орудия совершения действия: *бадэ* 'косить' — *бадэр* 'коса'. Ср. совр. монг., бур., калм. -*ур*, -*үр*: *хадур* 'серп', 'коса', *нудур* 'пестик'.

По сравнению с остальными монгольскими языками (например, современный монгольский, бурятский, калмыцкий, дагурский) баоанский язык беден словообразовательными суффиксами. В нем пока не зафиксированы также суффиксы, которые широко представлены в других монгольских языках и весьма продуктивны (например: -*л*, -*лэй*, -*лэй*, -*ул*, -*ас* (-*ан*), -*гч* и некоторые другие).

В баоанском языке, как и в остальных монгольских языках, известны парные слова, являющиеся одним из способов передачи новых значений. Парные слова обычно представляют собой сочетание двух слов, имеющих единое лексическое значение. Это единое значение складывается из синтеза значений составляющих его компонентов.

Своеобразие парных слов в монгольских языках составляет то, что они морфологически однородны. Оба компонента такого сочетания относятся к одной и той же части речи (ср. калм. *санан седкл* [суш.], *ичх эмэх* [гл.], *күчр к'но* [прил.]) и ограничены определенными семантическими рамками, относясь к одному кругу понятий.

В баоанском языке наиболее широко представлены лишь парные сочетания, состоящие из обозначений противостоящих друг другу понятий. Приведем примеры таких сочетаний, компоненты которых либо существительные, либо прилагательные. Значение каждой пары подобных слов шире, чем значение его компонентов, взятых в отдельности. Примеры: 1) *абэ ду* 'братья' (*абэ* 'старший брат' — *ду* 'младший брат'); *эрэ эмэ* 'супруги' (*эрэ* 'муж', 'мужчина' — *эмэ* 'жена', 'женщина'); 2) *хулуң кітаң* 'температура' (*хулуң* 'теплый' — *кітаң* 'холодный'); *дэйджан нарон* 'плотность' (*дэйджан* 'густой' — *нарон* 'редкий').

Наряду с подобными парными словами в баоанском встречается и особый тип парных существительных, образованных сочетанием двух слов, второе из которых лишено самостоятельного значения и представляет собой как бы фонетический дуплет, отзвук первого компонента сочетания. Основное значение несет в себе первое слово, второй же его компонент придает всему сочетанию особый оттенок неопределенной множественности, который всегда подразумевается: *шэлэ мэлэ* 'стол и прочее' (при *шэлэ* 'стол'); *ајібэ мајібэ* 'всякие там чашки', 'чашка и прочее' (при *ајібэ* 'чашка') и др.

Сочетания этого типа распространены во всех монгольских языках. Ср., например, в современном монгольском: *сонин монин* 'всякие там известия' или в калмыцком: *цэ мэ* 'чай и прочее' (т. е. чай и все, что положено в этом случае к чаю).

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Прилагательные в баоанском языке в своей исходной основе не имеют особых морфологических показателей, они не склоняются и не согласуются с определяемым словом ни в лице, ни в числе:

Единственное число

Множественное число

<i>хэра</i> 'черный'	{	<i>ндасоң</i> 'нити'	<i>хара</i> 'черный'	{	<i>ндасоңлэ</i> 'нити'
		<i>ндасоңнэ</i> 'нитку'			<i>ндасоңлэбалэ</i> 'нитками'
		<i>ндасоңдэ</i> 'нитке'			<i>ндасоңлэдэ</i> 'ниткам'

В предложении прилагательные функционируют в качестве определения, сказуемого и реже — обстоятельства образа действия.

Как и во всех остальных монгольских языках, в баоанском определении всегда ставится перед определяемым и связь определения и определяемого слова выражается, как видно из примеров, путем простой постановки прилагательного-определения перед определяемым.

Примеры прилагательных в роли сказуемого и обстоятельства: *энэ сэ арун ва* 'эта вода чистая'; *ноджаң ондэр о* 'он высок'; *морэ лусасэ бордоң ва* 'лошадь быстрее мула'; *нджаң лэгэйджи му ва* 'он плохо работает'.

В зависимости от того, обозначают ли они признак предмета или указывают на отношение предметов друг к другу, в баоанском, как и в других языках, выделяются два разряда прилагательных: качественные и относительные.

Качественные прилагательные обозначают качество или свойство предмета, заложенные непосредственно в самой при-

роде предмета. Это качество может быть свойственно предмету в большей или меньшей степени.

Особенность лексико-грамматической структуры прилагательных позволяет охарактеризовать предмет в зависимости от разной степени насыщенности признаком. Так, качественные прилагательные могут выражать разную степень проявления качества, устанавливаемую как по сравнению с признаком другого предмета, так и без сравнения с признаком другого же предмета.

К числу качественных прилагательных относятся слова, обозначающие цвет, качественную оценку лица или предмета, свойства тех или других вещей, пространственные или временные отношения и т. д., например: *фэлаң* 'белый', *хэра* 'черный', *ондэр* 'высокий', *чихаң* 'большой', *хулуч* 'горячий', *ниңгаң* 'толстый', *дж джаң* 'толстый', *саң* 'хороший', *шинэ* 'новый', *хэло* 'далекий', *бэр дэң* 'быстрый', *бэр* 'короткий', *сэхаң* 'красивый', *китаң* 'холодный', *фду* 'длинный', *му* 'илохой' и некоторые другие.

Относительные прилагательные обозначают признаки и свойства предметов, выводимые из отношения определяемого предмета к другим предметам. Эти прилагательные в баоанском, как и во всех остальных монгольских языках, по своему составу являются производными, образованными от основ имен существительных. Для иллюстрации мы возьмем суффикс *-тэ*, придающий исходной основе значение «имеющий или содержащий что-либо», например: *вэсоң* 'трава' — *вэсоңтэ* 'травянистый'.

Баоанский *-тэ* соответствует по своему значению суффиксу *-тай* во многих остальных монгольских языках (ср. в совр. монгольском, бурятском, калмыцком). Следует, однако, оговорить, что прилагательные на *-тай* в упомянутых выше языках не следует смешивать с суффиксом совместного падежа *-тай*. Подобное смешение исключается в баоанском, так как в нем отсутствует отдельно выраженный совместный падеж.

О словообразовании имен прилагательных приходится говорить очень кратко. В баоанском нами замечено гораздо меньше словообразовательных суффиксов, чем в других монгольских языках. Здесь требуются, несомненно, специальные исследования для определения того, от каких основ и при помощи каких суффиксов образуются различные имена прилагательные.

Нами зафиксированы следующие суффиксы:
-бэр: слово с данным суффиксом обозначает подверженность или склонность к действию, выраженному производящей основой, например: *ла-* 'плакать' — *лабэр* 'плаксивый'; *аи-* 'бояться' — *аибэр* 'боязливый', 'трусливый'. По значению близок

к суффиксу *-мхай* (~*мгай*) ряда других монгольских языков.

-зи: посредством этого суффикса образуются прилагательные, обозначающие качество, привнесенное в результате действия: *гондэ* 'мерзнуть' — *гондэзи* 'мерзлый', 'замерзший'.

-лэб: слово с этим суффиксом обозначает наличие того, что названо в производящей основе: *тарбалэ* 'толстеть' — *тарбалэб* 'толстый'; *хошал* 'киснуть' — *хошалэб* 'кислый'.

-н: при помощи данного суффикса образуются прилагательные со значением, связанным с действием, выраженным производной основой: *дэблэ* 'хромать' — *дэблэң* 'хромой'.

Как видно, перечень словообразовательных суффиксов в баоанском невелик по сравнению с остальными монгольскими языками. Дальнейшее изучение вопроса даст возможность полностью выяснить все способы образования имен прилагательных.

Способы выражения сравнительной конструкции и степеней качества в баоанском языке в основном те же, что и в других монгольских языках.

Во всех современных монгольских языках укоренилась специальная схема для передачи сравнительной конструкции. Эта конструкция употребляется лишь при сопоставлении, сравнении характеристики равных качественных признаков, присущих двум или нескольким предметам. Для баоанского, так же как и для остальных монгольских языков, следование прилагательного за названием объекта сравнения составляет характерную особенность образования сравнительной конструкции. В этом случае наименование предмета, с которым сравнивается другой предмет, выражается именем в исходном падеже, предшествуя прилагательному в форме основы. Примеры: *энэ мэ(он) нэгэ мор(он)-сэ нго о* 'эта река больше той реки'; *тэ даву чисоңсэ фэлаң* 'та материя краснее [по цвету] крови'; *ножаңнэ гар мэнэ гарсэ ондэр* (дцз.) 'его дом выше моего дома'; *ногэ гарасэ чихаң* (тж.) 'то белее сахара'.

В баоанском языке известны следующие способы выражения усиленной степени проявления качества:

1. Постановка перед прилагательным слова *хансэ* 'самый', например: *энэ хансэ ондэр куң ва* 'этот — самый высокий человек'; *чэнэ агу хансэ сэхаң ва* (дцз.) 'твоя дочь самая красивая'. В подобного типа предложениях сочетание прилагательного со словом *хансэ* указывает на то, что среди множества лиц или предметов, обладающих однородным качеством, выделяются именно эти, как самые характерные, типичные; в нем нет непосредственного сравнения предметов, какое наблюдается при сочетании имен в исходном падеже с последующим прилагательным.

Баоаньский *hanэ* и современный монгольский или калмыцкий *хамгн*, видимо, одного происхождения. В отличие от указанных выше монгольских языков в баоаньском слово *hanэ* 'все' как компонент сочетания с прилагательным дается в исходном падеже (*hanсэ*), тогда как в первых — в родительном падеже: *hanсэ фэлаң* 'самый красивый' (би.), *хамгн ихэ* 'самый большой' (совр. монг.), *хамгн беркэ* 'самый трудный' (калм.).

2. Полное повторение качественного прилагательного. При таком удвоении краткий гласный последнего слога в предшествующем прилагательном переходит в гласный долгий: *холо* 'далекий' — *холо холо* 'далекий-далекий'; *хэра* 'черный' — *хэрэ хэра* 'черный-черный'; *фду* 'длинный' — *фдү фду* 'длинный-длинный'; *чибаң* 'белый' — *чибаң чибаң* 'белый-белый'. Однако полное удвоение качественного прилагательного одной и той же основы может и не сопровождаться удлинением гласного в первой части, например: *нароң* 'тонкий' — *нароң нароң* 'тонкий-тонкий'; *хулуң* 'жаркий' — *хулуң хулуң* 'жаркий-жаркий'.

Такой тип редупликации, при котором прилагательному в полной форме предшествует бы редуплицируемый слог, представляющий собой первый слог этого прилагательного (ср. с совр. монг. *улан* 'красный' — *ув улан* 'красный-красный'; *хату* 'твердый' — *хав хату* 'твердый-твердый' и т. д.), в баоаньском языке не наблюдается.

3. Употребление слов-усилителей. В этом случае мы сталкиваемся с сочетанием прилагательного со словами-усилителями *ңга* и *мохлэ* 'очень', 'весьма', неизвестными в других монгольских языках:

Баоаньский	Современный монгольский	Калмыцкий	
<i>ңга джиджаң</i>	<i>машй дзудзән</i>	<i>јір зузән</i>	'очень толстый'
<i>ңга сэхаң</i>	<i>машй сайхан</i>	<i>эвр сэхән</i>	'очень красивый'
<i>ңга фэлаң</i>	<i>час улән</i>	<i>чис улән</i>	'ярко-красный'
<i>мохлэ нго</i>	<i>дэн ихэ</i>	<i>јір ихэ</i>	'очень большой'
<i>мохлэ кунтэ</i>	<i>нэн хүндэ</i>	<i>дегед күндэ</i>	'очень тяжелый'

Пока трудно установить генезис и первоначальное значение слов *ңга* и *мохлэ*. Специфичным для этих слов является то, что они в зависимости от места своего расположения в предложении передают различные оттенки значений. Например, слово *ңга*, занимая место перед глаголом, употребляется в значении 'много', тогда как находясь перед прилагательным, оно означает 'очень', 'весьма', 'совершенно'. Ср. следующие

примеры: *ноэва ңга холо ва* 'деревня находится очень далеко'; *бэданэ асоң ңга ви* 'у нас много скота'. Во втором предложении можно предположить пропуск прилагательного, в силу чего *ңга* оказался перед глаголом-сказуемым.

Ослабленная степень проявления качества в баоаньском языке в отличие от других монгольских языков выражается сложными формами прилагательного, строящимися следующим образом: между первым и вторым слогами прилагательного вставляется суффикс *-ба* (~*-бэ*), а к конечному согласному второго слога присоединяется суффикс *-баң* (~*-би*), например: *фэлаң* 'красный' — *фабалбаң* 'красноватый'; *шира* 'желтый' — *шабэрби* 'желтоватый'; *хэра* 'черный' — *хабэрби* 'черноватый'. Присоединение указанных суффиксов к прилагательным сопровождается и изменением гласных в основе прилагательного.

Подобная передача ослабленного качества прилагательного наблюдается и в дунсянском языке. Здесь прилагательные, выражающие неполноту качества, образованы при посредстве суффикса *-лу*, поставленного после первого слога основы, и суффикса *-бан* в конце прилагательного, например: *шыра* 'желтый' — *шыпурабан* 'желтоватый'. Способ выражения ослабленной степени проявления качества в баоаньском и дунсянском языках один и тот же.

Сравнение с некоторыми формами прилагательных в калмыцком и бурятском языках дает нам возможность лучше представить себе и образование соответствующих суффиксов прилагательных в баоаньском и дунсянском языках:

Баоаньский	Дунсянский	Бурятский	Калмыцкий
<i>шира</i> 'желтый'	<i>шыра</i>	<i>шаря</i>	<i>шаря</i>
<i>шабэрби</i> 'желтоватый'	<i>шыпурабан</i>	<i>шарябархан</i>	<i>шарябархан</i>
<i>фэлаң</i> 'красный'	<i>фулан</i>	<i>улан</i>	<i>улан</i>
<i>фалалбаң</i> 'красноватый'	<i>фупулабан</i>	<i>улабархан</i>	<i>улабархан</i>

По-видимому, баоаньский суффикс *-ба* (~*-бэ*) и дунсянский *-лу* соответствуют суффиксу *-бар* (~*-бар*) ряда других монгольских языков (в частности, бурятского, современного монгольского, калмыцкого), а суффикс *-баң* (~*-би*) связан с распространенным уменьшительно-ласкательным суффиксом *-хан*. При подобном объяснении происхождения суффиксов учитывается не только семантика, но и своеобразие в перестановке, сокращении и изменении слогов, характеризующее развитие баоаньского и дунсянского языков.

МЕСТОИМЕНИЕ

Личные местоимения. В баоаньском языке к ним относятся следующие местоимения:

Дахэнзяский говор	Тунжэньский говор
Единственное число	
1-е л. бэ 'я'	бэ, ороң 'я'
2-е л. чэ 'ты'	чэ 'ты'
3-е л. нджасң, ногэ (ңгаң) 'он'	нджасң, ногэ (ңгаң) 'он'
Множественное число	
1-е л. бэдэ, мангэ 'мы'	бэдэ, мангэ, осэ 'мы'
2-е л. та 'вы'	та 'вы'
3-е л. нджасэ, нггэлэ, (ңгаңлэ) 'они'	нджасэ, ногэлэ (ңгаңлэ) 'они'

Личные местоимения 1-го лица единственного числа бэ 'я', 2-го лица единственного чэ 'ты' и множественного числа та 'вы' являются общими с остальными монгольскими языками и не требуют особых разъяснений в смысле их происхождения и образования.

В монголоведной литературе нет единого мнения по вопросу о структуре и происхождении местоимения 1-го лица множественного числа.

Г. И. Рамstedт считал, что форма множественного числа личного местоимения 1-го лица в монгольском языке образована в результате комбинации личных же местоимений: *bi+ta > bida* (я+вы=мы). «Именительный падеж ва 'мы', — писал он, — также вышел из употребления, уступив свое место форме *bida* 'мы' < **bi-ta* 'я и вы'»²⁵. При этом местоимение *bida* Г. И. Рамstedт рассматривал как местоимение инклюзивное: «Для обозначения инклюзивности (включения), т. е. понятия «я и ты», «я и вы», как в монгольском, так и в тунгусском имеются особые образования: монг. *bida*; тунг. *biti*, *miti*, где в элементе *-d-*, *-t-* опознается местоимение второго лица...»²⁶.

По Рамstedту оказывается, что в местоимении *bide~bida* второй элемент *-de-~da-* представляет собой в сущности местоимение 2-го лица множественного числа *ta* 'вы', т. е. *bida* < **bita* 'я и вы'.

Однако существует и другая гипотеза, по которой второй элемент в местоимении *bide~bida* есть не что иное, как суффикс множественного числа²⁷.

Суммируя все то, что раньше было высказано по этому вопросу, Г. Д. Санжеев писал: «Таким образом, данные современного монгольского языкознания пока не дают точной опоры для того или иного решения затронутой проблемы, но мы не склоняемся к тому, чтобы в *bide~bida* видеть *bi+ta*, т. е. 'я+вы' (ибо, повторяем, тогда остается неясным, как *da~de* могло оказаться в основе *нада* 'я' и как в *еде* и *теде* понятия 'эти' и 'те' могли соответственно сложиться из понятий 'этот'+ 'вы' и 'тот'+ 'вы')»²⁸.

Факты баоаньского языка дают нам возможность предположить, что второй элемент в местоимении бэдэ 'мы' связан в своем происхождении с суффиксом множественности. Что это может быть и так, становится понятным из сопоставления личных и указательных местоимений в языках баоаньском, монгорском и дунсянском, в которых множественное число указательных местоимений образуется посредством присоединения к основе суффиксов множественности. Наглядное представление об этом дает табл. 5.

Таблица 5

Языки	Личные местоимения		Указательные местоимения	
	единственного числа	множественного числа	единственного числа	множественного числа
Баоаньский	бэ 'я' нджасң 'он'	бэдэ 'мы' нджасэ 'они'	энэ 'этот' тэ 'тот'	энэлэ 'эти' тэлэ 'те'
Монгорский	бу 'я'	будангул, будасге 'мы'	не 'этот' те 'тот'	неңгул, несге 'эти' теңгул, тесге 'те'
Дунсянский	би 'я' һэ 'он'	биджэн 'мы' һэлэ 'они'	энэ 'этот' тэрэ 'тот'	энэла 'эти' тэрэла 'те'

В других монгольских языках как личные, так и указательные местоимения имеют во множественном числе лишь одну морфему *да~дэ* (табл. 6).

²⁵ См. В. Котвич, *Исследования по алтайским языкам*, М., 1962, стр. 179.
²⁶ Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, стр. 48.

²⁵ Г. И. Рамstedт, *Введение...* стр. 71.

²⁶ Там же, стр. 71.

Таблица 6

Языки	Личные местоимения		Указательные местоимения	
	единственного числа	множественного числа	единственного числа	множественного числа
Современный монгольский	<i>би</i> 'я'	<i>бидэн</i> 'мы'	<i>энэ</i> 'этот' <i>тэрэ</i> 'тот'	<i>эд(эн)</i> 'эти' <i>тэд(эн)</i> 'те'
Бурятский	<i>би</i> 'я'	<i>бидэ</i> 'мы'	<i>энэ</i> 'этот' <i>тэрэ</i> 'тот'	<i>эдэ</i> 'эти' <i>тэдэ</i> 'те'
Калмыцкий	<i>би</i> 'я'	<i>бидэн</i> 'мы'	<i>энэ</i> 'этот' <i>тэрэ</i> 'тот'	<i>эдэн</i> 'эти' <i>тэдэн</i> 'те'

Как видно из табл. 5 и 6, идея множественности не обязательно передается при помощи общего для всех монгольских языков *да-оэ*. При образовании множественного числа указательных местоимений в монгольских языках провинций Ганьсу и Цинхай используются другие суффиксы множественного числа имен: *-нгула*, *-сге* (монгорский), *-ла* (дунсянский) и *-лэ* (баоаньский).

Если для обоих говоров баоаньского языка общим является местоимение 1-го лица множественного числа *бэдэ* 'мы', то в тунжэньском говоре имеется еще одно местоимение того же лица и числа — *осэ* 'мы'. Это местоимение образовано от основы местоимения 1-го лица единственного числа *ороң* 'я' посредством суффикса множественного числа *-сэ*. По-видимому, баоаньское *ороң* восходит к старописьменному монгольскому *öberiyen* 'я сам'. В этом плане интересно сравнение баоаньского *ороң* с *эврэн* 'я сам' в калмыцком языке: *эврэн* состоит из *эвр-* 'сам' + *э* (показатель родительного падежа) + *н* (суффикс личного притяжения). В том же калмыцком языке (в разговорной речи) иногда встречается и множественное число — *эврс* 'мы сами', с которым можно сравнить баоаньское *осэ* 'мы'. О выпадении согласных *в* и *р* в баоаньском уже говорилось выше.

В баоаньском имеется несколько личных местоимений 3-го лица единственного числа — *нджаң*, *ногэлэ* или *ңаң* 'он' и 3-го лица множественного числа — *нджасэ*, *ногэлэ* или *ңаңлэ* 'они'. Личные местоимения 3-го лица множественного числа образованы от основ единственного числа при помощи присоединения суффиксов *-сэ* или *-лэ*: *нджаң* 'он' — *нджасэ* 'они';

ногэлэ 'он' — *ногэлэ* 'они'. Баоаньские материалы указывают на то, что образование множественного числа личных местоимений 1-го и 3-го лица происходит путем агглютинации, наращения к основе единственного числа соответствующих суффиксов множественного числа, а не сочетанием местоимений.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица как единственного, так и множественного числа не «заменяют» существительных, как часто об этом пишут в литературе. В качестве заместителей существительных могут использоваться лишь личные местоимения 3-го лица, сохранившиеся в баоаньском языке (в отличие от некоторых других монгольских языков).

В баоаньском, как и во многих других монгольских языках, личные местоимения отличаются от существительных несколько иным образованием множественного числа, а также иным склонением.

Склонение личного местоимения 1-го лица единственного числа

Именительный	<i>бэ</i> 'я'	<i>ороң</i> 'я'
Родительный	<i>мэнэ</i>	<i>ороңнэ</i>
Винительный	} <i>надэ</i>	<i>ороңдэ</i>
Дательный-местный		
Исходный	<i>на́сэ</i> , <i>бэ́сэ</i>	<i>оро́нсэ</i>
Орудный	} <i>бэ́балэ</i>	<i>оро́нбалэ</i>
Соединительный		

Примечание. Местоимение *бэ* 'я' употребляется в обоих говорах баоаньского языка, а местоимение *ороң* 'я' — лишь в тунжэньском говоре.

В местоимении *бэ* 'я' основы исходного, орудного и соединительного падежей полностью совпадают с основой именительного падежа: *бэ энэ удэ рэм* 'я праду сегодня'; *гэгэ бэсэ холэджэ бэрдэң о* 'старший брат бегаёт быстрее меня'.

Форма *бэбалэ* 'мною', 'со мною' используется редко. Местоимение *ороң* 'я' (скорее всего это лично-возвратное местоимение) во всех падежах сохраняет одну основу, без всяких изменений.

Склонение личного местоимения 2-го лица единственного числа

	Дахэзьяский говор	Тунжэнь- ский говор
Именительный	<i>чэ</i> 'ты'	<i>чэ</i> 'ты'
Родительный	<i>чэнэ</i>	<i>чэнэ</i>
Винительный	} <i>чодэ</i>	<i>чадэ</i>
Дательный-местный		
Исходный	<i>чосэ</i>	<i>часэ</i>
Орудный	} <i>чэбалэ</i>	<i>чэбалэ</i>
Соединительный		

Местоимение *чэ* 'ты', как показано выше, в некоторых падежах меняет гласный основы: в дахэцзяском говоре *э→о*, тунжэньском *э→а*. Основы падежей орудного, соединительного и родительного совпадают с именительным. Ср. примеры: *чэ канбалэ хамтэ сэраожі?* 'ты с кем (вместе) учился?'; *мэнэ абэ чэбалэ хамтэ рэво сэ рэво?* 'мой отец приехал с тобой или не приехал?'

У монголов уезда Тунжэнь местоимение 2-го лица *чэ* склоняется так же, как в дахэцзяском говоре, т. е. с изменением гласного основы *э* в падежах винительном, дательном-местном и исходном на *о*: *чодэ* 'тебя', 'тебе' и *чоса* 'от тебя'.

Склонение личных местоимений 3-го лица единственного числа

Именительный	<i>нджаң</i> 'он'	<i>ногэ</i> 'он'	<i>ңгаң</i> 'он'
Родительный	<i>нджаңнэ</i>	<i>ногэнэ</i>	<i>ңгаңнэ</i>
Винительный	} <i>нджаңдэ</i>	} <i>ногэдэ</i>	} <i>ңгаңдэ</i>
Дательно-местный			
Исходный	<i>нджаңсэ</i>	<i>ногэсэ</i>	<i>ңгаңсэ</i>
Орудный	} <i>нджаңбалэ</i>	} <i>ногэбалэ</i>	} <i>ңгаңбалэ</i>
Соединительный			

Насколько нам удалось выяснить, местоимения *нджаң*, *ногэ*, *ңгаң* отличаются друг от друга по пространственному признаку: *нджаң* указывает на близкое, а *ногэ* и *ңгаң* — на далекое.

В монголоведной литературе до последних лет утверждалось, что «личные местоимения 3-го лица в монгольских языках и диалектах не сохранились, от них ныне сохранилась лишь притяжательная частица — *нь ~ н*»²⁹. Г. И. Рамстедт писал: «Местоимение третьего лица (им. п. *і*, основа *in*) как самостоятельно воспринимаемое склоняемое слово сохранилось только в маньчжурском языке... В монгольском языке... засвидетельствованы еще форма дательного падежа *imada* 'ему'..., форма винительного падежа *imaji* 'его' и инструментального падежа *ima'ar* (по аналогии с первым и вторым лицом). Форма родительного падежа получила широкое применение и в тюркском и в монгольском: монг. *ini* «elus» дало энклитику *-ini*, *-ni*, *-n'* «elus», а тюркск. *-i*, *-in* стало современным притяжательным суффиксом третьего лица»³⁰.

²⁹ Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, стр. 152.
³⁰ Г. И. Рамстедт, *Введение*..., стр. 69.

Изучение ряда монгольских языков, ранее неизвестных в литературе, или языков, по которым у нас не было достаточных сведений и материалов, показывает противоположное — наличие местоимений 3-го лица как слов, самостоятельных по своему значению и склоняемых по всем падежам. Эти местоимения сохранились в дагурском, дунсянском и баоаньском языках. Примеры:

Дагурский язык

	Единственное число	Множественное число
Именительный	<i>in</i> 'он'	<i>an</i> 'они'
Родительный	<i>in'i</i> , <i>in'ig</i>	<i>an'i</i> , <i>an'ig</i>
Дательно-местный	<i>jamda</i>	<i>anda</i>
Винительный	<i>jami</i>	<i>ani</i>
Исходный	<i>jamās</i> , <i>jamār</i>	<i>anās</i> , <i>anār</i>
Орудный	<i>jamār</i>	<i>anār</i>
Совместный	<i>jamti</i>	<i>ant'i</i>

Нетрудно заметить, что формы местоимения 3-го лица единственного и множественного числа в дагурском языке близки к некоторым сохранившимся формам этого же местоимения в монгольском письменном языке.

Дагурский язык Монгольский письменный

	Единственное число	
Именительный	<i>in</i> 'он'	<i>*i</i> , <i>*in</i> 'он'
Родительный	<i>in'i</i>	<i>inu</i>
Дательно-местный	<i>jamda</i>	<i>imada</i>
Винительный	<i>jami</i>	<i>imaji</i>
Орудный	<i>jamār</i>	<i>ima'ar</i>
	Множественное число	
Именительный	<i>an</i> 'они'	<i>*a</i> , <i>*an</i> 'они'
Родительный	<i>an'i</i>	<i>anu</i>

В дагурском местоимение *in*, начиная с дательно-местного падежа, имеет основу *jam-*. Больше того, в дагурском сохранился конечный согласный *n*, считавшийся давно утраченным. Г. И. Рамстедт предполагал, что «конечный *n* основы утратился в именительном падеже, вероятно на очень раннем историческом этапе, так что мы имеем в монг., тунг.

форму *bi* 'я'; монг. *či* (древн. **ti*) 'ты'; тунг., маньч. *si* 'ты'. маньч. *i* 'он'³¹.

Дунсянский язык
 Единственное число Множественное число

Именительный	<i>hэ</i> 'он'	<i>hэла</i> 'они'
Родительный	} <i>hэni</i>	} <i>hэлани</i>
Винительный		
Дательно-местный	<i>hэндэ</i>	<i>hэладэ</i>
Исходный	<i>hэсэ</i>	<i>hэлабала</i>
Орудный	<i>hэбала</i>	<i>hэлалэ</i>
Соединительный	<i>hэлэ</i>	

Если в дагурском языке местоимения 3-го лица единственного и множественного числа образованы от корней с разными гласными, то в дунсянском языке множественное число этого местоимения образуется агглютинативным способом — присоединением к местоимению 3-го лица единственного числа суффикса множественности *-ла*.

Отсутствие личных местоимений 3-го лица в остальных монгольских языках — монгорском, современном монгольском, калмыцком, бурятском — восполняется использованием указательных местоимений.

Склонение личных местоимений 1-го лица множественного числа

Именительный	<i>бэдэ</i>	<i>мангэ</i> 'мы'
Родительный	<i>бэданэ</i>	<i>манэ</i>
Дательно-местный	} <i>бэдандэ</i>	} <i>мангэ</i>
Винительный		
Исходный	<i>бэдансэ</i>	<i>мансэ</i>
Орудный	} <i>бэдабала</i>	} <i>мангэбала</i>
Соединительный		

При склонении местоимения *бэдэ* во всех косвенных падежах конечный гласный основы — *э* заменяется гласным *а*: *бэдажэ* — *бэданэ*, *бэдандэ*, *бэдансэ* и т. д. Затем между основой и суффиксом винительного, дательного и исходного падежей вставляется согласный *н*. В местоимении *мангэ* винительный, дательный и исходный падежи имеют основу *ман*, в то время как основа орудного и соединительного падежей полностью совпадает с именительным. В баозньском вместо *мангэбала* (орудн. и соед. падежи) часто употребляются для орудного — *манэ ныхаңсэ* 'от нас' (*ныхаң* 'здесь'), а для соединительного — *мангэ намтэ* 'вместе с нами'.

³¹ Там же.

В речи монголов уезда Тунжэнь вместо баоаньского *бэдэ* встречается *буда* 'мы'. Подобная основа местоимения 1-го лица множественного числа известна в собственно монгорском языке. Ср. *будангула*, *будасге*, редко — *буда* 'мы'.

Интересно, что в баоаньском языке различают две формы местоимения 1-го лица — инклюзив (*бэдэ* 'мы с вами') и эксклюзив (*мангэ* 'мы без вас'). В литературе существует мнение, что форма эксклюзива по времени сложения предшествует форме инклюзива. Об этом у Г. Д. Санжеева читаем следующее: «...Включительное *биде-бида* и исключительное *ба* вышли и сложились из одной и той же основы различными путями и, стало быть, в разное время...». Далее: «...Исключительное (повторяем, бывшее таковым с самого начала) *ба* сложилось значительно раньше включительного *биде-бида*, сложилось в более ранний период и не путем агглютинации. Вот почему это местоимение в своей номинативной форме не сохранилось во всех монгольских языках и диалектах, кроме, как уже выше говорилось, дагурского, а его основа для прочих падежей претерпела относительно значительную фонетическую эволюцию»³².

Вполне возможно, что подобный процесс образования форм эксклюзива наблюдался и в баоаньском языке. Следует заметить, что в отличие от некоторых монгольских языков, баоаньский продолжает использовать (во всех падежах) оба местоимения — *бэдэ* и *мангэ* 'мы'. При этом основой эксклюзивного местоимения являются *мангэ* (для орудного и соединительного) и *ман* (для прочих падежей). Остается неясным, какого происхождения элемент *гэ* в *мангэ* 'мы'. В баоаньском элемент *гэ* в *мангэ* 'мы без вас' (т. е. мы одни), возможно, используется для уточнения, конкретизации лиц, участвующих в речи.

Это же местоимение в других монгольских языках не знает *гэ*. Ср. дагурское *ба*, калмыцкое *мадн*, дунсянское *матан*, которые склоняются следующим образом:

	Дагурский	Дунсянский	Калмыцкий
Именительный	<i>ба</i>	<i>матан</i>	<i>мадн</i>
Родительный	<i>маңи, маңиг</i>	<i>матанни</i>	<i>мадн</i>
Винительный	<i>маңи</i>	<i>мани</i>	<i>маңг</i>
Дательно-местный	<i>маңдй</i>	<i>матандэ</i>	<i>маңдй</i>
Исходный	<i>маңас, маңар</i>	<i>матансэ</i>	<i>маңас</i>
Орудный	<i>маңар</i>	<i>матанбала</i>	<i>маңар</i>
Соединительный	—	<i>матанлэ</i>	<i>маңлэ</i>
Совместный	<i>маңти</i>	—	<i>маңти</i>

³² Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, стр. 150.

Из всех монгольских языков лишь в дагурском мы находим начальную форму этого местоимения *ба*. В редких случаях форма *ма* (при переходе губно-губного переднеязычного *б* в носогой *м*) встречается и в калмыцком языке: *ма хойр* 'мы вдвоем'; *чи ма хойр* 'мы с тобой'.

При склонении в тунжэньском говоре местоимения *осэ* 'мы' основа местоимения не претерпевает никаких изменений:

Именительный	<i>осэ</i> 'мы'
Родительный	<i>осэнэ</i>
Винительный	} <i>осэдэ</i>
Дательно-местный	
Исходный	<i>осэсэ</i>
Орудный	} <i>осэбалэ</i>
Соединительный	

Местоимение 2-го лица множественного числа совпадает с такими же местоимениями в остальных монгольских языках:

Именительный	<i>та</i> 'вы'
Родительный	<i>танэ</i>
Винительный	} <i>тандэ</i>
Дательно-местный	
Исходный	<i>тансэ</i>
Орудный	} <i>табалэ</i>
Соединительный	

Особенность составляет лишь то, что основы орудного и соединительного падежей полностью совпадают с именительным; между основой местоимения *та* и суффиксами винительного, дательно-местного и исходного падежей вставляется согласный *н*.

Местоимения 3-го лица множественного числа образуются от основы местоимения единственного числа при помощи суффиксов множественности — 1) *-сэ*: *нджасэ* 'он' — *нджасэ* 'они' и 2) *-лэ*: *нэгэ* 'он' — *нэгэлэ* 'они', *нган* 'он' — *нганлэ* 'они'. Они склоняются следующим образом:

Именительный	<i>нджасэ</i>	<i>нэгэлэ</i>	<i>нганлэ</i>
Родительный	<i>нджасэнэ</i>	<i>нэгэлэнэ</i>	<i>нганлэнэ</i>
Винительный	} <i>нджасэдэ</i>	} <i>нэгэлэдэ</i>	} <i>нганлэдэ</i>
Дательно-местный			
Исходный	<i>нджасэсэ</i>	<i>нэгэлэсэ</i>	<i>нганлэсэ</i>
Орудный	} <i>нджасэбалэ</i>	} <i>нэгэлэбалэ</i>	} <i>нганлэбалэ</i>
Соединительный			

Местоимения 3-го лица множественного числа, присоединяясь к своей основе суффиксы множественности, склоняются так же, как и все личные местоимения этого лица. Падежные суффиксы являются общими для всех именных частей речи, в том числе и для всех разрядов местоимений.

Итак, личные местоимения имеют следующие особенности:

1. Основы косвенных падежей личного местоимения 1-го лица единственного числа не совпадают с формой именительного падежа. В отличие от местоимений в других монгольских языках, в баозньском орудный и соединительный падежи местоимения 1-го лица имеют общую основу с именительным падежом.

2. Во всех личных местоимениях при склонении совпадают по форме падежи винительный и дательно-местный, тогда как в именах существительных одинаково оформляются родительный и винительный падежи.

3. Личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа не заменяют имен существительных. В качестве заместителей имен существительных выступают личные местоимения 3-го лица единственного и множественного числа.

4. Личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа не употребляются с суффиксами принадлежности. Этот суффикс обычно наращивается к основе личного местоимения 3-го лица. Ср. *чэ нджанмэнэ окэ* 'ты отдай принадлежащее ему', где в местоимении *нджан* 'он' первый суффикс *-нэ* — показатель родительного падежа, а второй *-нэ* — суффикс принадлежности 3-го лица.

В баоаньском личные местоимения выполняют следующие синтаксические функции: подлежащего (имен. пад.), определения (род. пад.), дополнения (косвенные падежи). В роли сказуемого они обязательно стоят в родительном падеже с суффиксом *-гэ*, например: *чэ* 'ты' — *чэнэ* 'твой' — *чэнэгэ* 'принадлежащий тебе'.

Указательные местоимения обозначают предметы, выделяемые из числа других однородных предметов. В баоаньском языке употребляется четыре указательных местоимения:

Дахэцзянский говор	Тунжэньский говор
<i>энэ</i> 'этот'	<i>нэ</i> 'этот'
<i>энэлэ</i> 'эти'	<i>нэлэ</i> 'эти'
<i>тэ (тэр)</i> 'тот'	<i>тэ</i> 'этот'
<i>тэлэ (тэрлэ)</i> 'те'	<i>тэлэ</i> 'те'

Местоимения *энэ* и *энэлэ* обычно указывают на предмет, находящийся вблизи от говорящего, или на предмет, только что упомянутый.

Местоимения *тэ* (*тэр*) и *тэлэ* (*тэрлэ*) указывают на предмет отдаленный или упоминавшийся ранее. Здесь отдаленность или близость имеется в виду не только по месту, но и по времени.

Как и все остальные разряды местоимений, указательные местоимения склоняются, получая общие с именем существительным суффиксы падежей. При этом основой склонения указательных местоимений является форма именительного падежа единственного числа:

Именительный	<i>энэ</i> 'этот'	<i>тэ</i> (<i>тэр</i>) 'тот'
Родительный	<i>энэнэ</i> }	<i>тэнэ</i> (<i>тэрнэ</i>)
Винительный		
Датель-местный	<i>энэдэ</i>	<i>тэдэ</i> (<i>тэрдэ</i>)
Исходный	<i>энэсэ</i>	<i>тэсэ</i> (<i>тэрсэ</i>)
Орудный	<i>энэбалэ</i> }	<i>тэбалэ</i> (<i>тэрбалэ</i>)
Соединительный		

Множественное число указательных местоимений образуется от основы единственного числа наращением общего суффикса множественности *-лэ*:

Именительный	<i>энэлэ</i> 'эти'	<i>тэлэ</i> (<i>тэрлэ</i>) 'те'
Родительный	<i>энэлэнэ</i> }	<i>тэлэнэ</i> (<i>тэрлэнэ</i>)
Винительный		
Датель-местный	<i>энэлэдэ</i>	<i>тэлэдэ</i> (<i>тэрлэдэ</i>)
Исходный	<i>энэлэсэ</i>	<i>тэлэсэ</i> (<i>тэрлэсэ</i>)
Орудный	<i>энэлэбалэ</i> }	<i>тэлэбалэ</i> (<i>тэрлэбалэ</i>)
Соединительный		

В отличие от личных местоимений в указательных совпадают по форме падежи родительный и винительный, что наблюдается и в именах существительных. Подобное явление известно и в дунсянском языке:

Именительный	<i>энэ</i> 'этот'	<i>энэлэ</i> 'эти'
Родительный	<i>энэни</i> }	<i>энэлани</i>
Винительный		

Если такие монгольские языки, как монгорский, дунсянский и баоаньский, развивавшиеся вне связи с другими мо-

нгольскими языками и сохранившие в себе некоторые архаичные черты, сближаются друг с другом, употребляя указательные местоимения *энэ* 'этот', *тэ* 'тот' в качестве основы склонения для всех косвенных падежей, то иную картину мы наблюдаем в остальных монгольских языках — современном монгольском, бурятском, калмыцком.

Структура и значение местоимений *энэ* 'этот' и *тэрэ* 'тот' в специальной литературе разъясняется различно. Мы остановимся лишь на высказываниях по этому вопросу Г. Д. Санжеева, предварительно заметив, что Г. И. Рамstedт указательные местоимения единственного числа считал наиболее древними и делил их на следующие морфемы: *en-e* 'этот', *ter-e* 'тот', 'вон тот'³³.

Г. Д. Санжеев предложил иное членение этих местоимений, а именно: *e-ne* 'этот', *te-re* 'тот'. Соответственно местоимения множественного числа он расчленил на *e-de* 'эти', *te-de* 'те'³⁴.

Деление указательных местоимений на две морфемы Г. Д. Санжеев связывал «с возникновением категорий единственного и множественного числа, по крайней мере, в рамках этих местоимений»³⁵.

Любопытной, но не всегда до конца оправданной, является у автора этимология местоимения *ене* и производных от него форм косвенных падежей. Г. Д. Санжеев считает, что наиболее ранней формой является *егун*, которая состоит из *e + гун*.

«Как мы уже отметили, — читаем мы у Г. Д. Санжеева, — само указательное местоимение в номинативе состоит из *e + ne*. Таким образом, как будто бы сам собою вытекает вывод, что некогда в монгольских языках и диалектах первоначально образовалось два падежа: прямой с показателем *-ne*, *-на* (почему в западномонгольской средневековой речи аккузатив наличествовал в виде *енени?*) и косвенный с показателем *-гун*, на основе которого (косвенного падежа) образовались после все падежи, кроме именительного»³⁶.

Исходя из данных таких монгольских языков, как баоаньский, дагурский и дунсянский, можно предположить, что местоимение *ене* первоначально в этой форме использовалось как указательное местоимение единственного числа и поэто-

³³ Г. И. Рамstedт, *Введение...*, стр. 74.

³⁴ Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, стр. 153.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 154.

му все косвенные падежи сохраняют *ene* без всякого изменения в качестве своей основы:

	Баоаньский	Дагурский	Дунсянский
Именительный	<i>энэ</i>	<i>энэ</i>	<i>энэ</i>
Родительный	<i>энэнэ</i>	<i>энї</i>	<i>энэнї</i>
Винительный			
Дательно-местный	<i>энэдэ</i>	<i>энэндэ</i>	<i>энэдэ</i>
Исходный	<i>энэсэ</i>	<i>энэс, энэр</i>	<i>энэсэ</i>
Орудный	<i>энэбалэ</i>	—	<i>энэбала</i>
Соединительный			

Возможность существования *ene* в «чистом виде», т. е. без присоединяемого к нему *gūn*, возможно, объясняется тем, что именно в указанных монгольских языках — дагурском, дунсянском и баоаньском — имеются отдельно выраженные самостоятельные личные местоимения 3-го лица. Наличие личных местоимений 3-го лица не требовало прибавления дополнительного элемента *gūn* в роли усилителя, уточнителя форм 3-го лица.

В. Котвич отмечал, что в алтайских языках прибегают к разнообразным способам уточнения или усиления значения основных форм указательных местоимений. В качестве одного из способов он указывал на присоединение суффиксов к местоимению. В частности, анализируя монгольские *-γи, -gū*, присоединяемые к основам вопросительных и указательных местоимений, В. Котвич высказал предположение, что *-γи, -gū* представляют собой морфемы с усилительным значением³⁷.

Г. Д. Санжеев считает, что «в диалектах, на путях развития которых сложились современные дагурские и бурятские диалекты, от загадочного *e-* только через наращение не менее загадочного *-ne* образуется *ene* → *енё* ~ *энэ* 'этот'».

В других диалектах, от которых получилась часть современных халхаских и ойратских говоров, наряду с тем же *ene* через посредство также загадочного *-gūn* от того же *e-* образуется *егūн* → *γүн* ~ *γн*, который оказался в современных диалектах основой склонения ныне указательного местоимения *ene* 'этот'³⁸.

Нам кажется, что основы указательного местоимения *энэ* и *энүн* в дальнейшем своем развитии в отдельных монгольских языках стали употребляться в разных функциях: *энэ* имела собственно указательную, а *энүн*, сохраняя первона-

чальную указательную функцию, приобрела и значение лица, тем самым расширив свое первичное значение. Что *энэ* в основе косвенных падежей выполняет собственно указательную функцию, подтверждается данными баоаньского, дунсянского и дагурского языков.

Если мы учтем возможные изменения первичного значения указательного местоимения *энэ* и его значение в настоящее время, то должны будем признать, что *энэ*, имеющее в косвенных падежах основы *энүн*, *γн*³⁹, встречается в тех монгольских языках, где оно совмещает значения указательного и личного местоимений, т. е. в современном монгольском, бурятском, калмыцком; в дагурском, баоаньском, монгорском и дунсянском языках именительный и основы косвенных падежей совпадают:

	Баоаньский, монгорский, дагурский, дунсянский	Современный монгольский	Бурятский	Калмыцкий
Именительный падеж	<i>энэ</i>	<i>энэ</i>	<i>энэ</i>	<i>энэ</i>
Основы косвенных падежей	<i>энэ-</i>	<i>γн-</i>	<i>энэн-, энэн-</i>	<i>энүн-, γн-</i>

В местоимении *энэ* морфемы *γн, эн, н* возможно рассматривать в качестве производных от *e* (>*ene*) + *gūn*. Причем элемент *gūn*, по-видимому, первоначально восходил к некоему местоименно-субстантивному слову со значением 'сам, человек', но в процессе дальнейшего развития превратился в формально-грамматическую морфему⁴⁰.

Все словари по монгольским языкам зафиксировали *егūн* как основу родительного падежа от местоимения *ene*. При этом характерно то, что первоначально, основным значением *егūн* выступает 'он'. См., например, у О. Ковалевского: *ene* 'сей, сия, он' (стр. 166); *егūн-н* 'его, оно' (стр. 238); *tere* 'сей, этот, он' (стр. 1768); *тегūн dur* 'ему, сему, этому' (стр. 1749)⁴¹.

³⁷ Заметим, что в разговорном калмыцком языке, помимо основ *энүн, γн*, встречается и *унүн*, например: *унүндэ* 'этому', 'ему', *унүнэе* 'от этого', 'от него', *унүнлэ* 'с этим', 'с ним'. В разговорном монгольском языке употребительны основы *унүн* и *энэн*. Что касается бурятского языка, то в нем распространены основы *энэн* и *энэн*.

³⁸ В данной связи следует заметить, что калмыцкие женщины, когда раньше запрещалось произносить имя мужа, вместо «он (муж)» употребляли слова *бий* (>*beue* 'человек', 'тело', 'сам') или *күн* (>*kūmün* 'человек'); букв. 'самоу, нашему человеку скажите ему (мужу)'; букв. 'самоу, нашему человеку скажите'.

⁴¹ О. Ковалевский, *Монгольско-русско-французский словарь*, Казань, 1844, т. I—III.

³⁷ В. Котвич, *Исследование...*, стр. 150.

³⁸ Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, стр. 155.

Если наше предположение правильно, то тогда можно разъяснить и некоторые вопросы, связанные с «загадочными» а) долгими гласными в этом местоимении (энүн-, энн-) и б) конечным согласным *n* во множественном числе (эдэн).

Весьма интересна гипотеза В. Котвича о единстве происхождения монгольского и тунгусского суффиксов возвратного притяжания. В. Котвич, рассматривая отдельные варианты суффиксов множественного числа возвратного притяжания в тунгусском языке, замечает: «По внешней форме он очень напоминает монгольский возвратный суффикс в том виде, в котором он встречается в „Сокровенном сказании монголов“ и в литературном языке. Поэтому можно предполагать, что оба суффикса — монгольский и тунгусский — возникли из одного и того же источника, т. е. произошли от монгольско-тунгусского существительного *beue* ‘человек’, ‘тело’, ‘сам’»⁴².

В этой связи вполне возможно предположить, что в отдельных монгольских языках (современном монгольском, бурятском, калмыцком) основы косвенных падежей местоимения *epe* и частица возвратного притяжания *-ан* (*-н*) генетически близки между собой, имея одинаковый источник в значении ‘человек’, ‘тело’, ‘сам’.

Г. И. Рамstedт делил местоимение *tere* ‘тот’ на *ter-e* со значением ‘тот’, ‘вон тот’⁴³. Г. Д. Санжеев членил его иначе, а именно — *te + re* и, согласно установленной в литературе традиции, считал, что «первый элемент *te-* противопоставляется как „дальний“ „ближнему“ *e-*»⁴⁴. Что касается второго элемента *-re* (в *тере*), то он считал нужным подвергнуть его специальному исследованию.

Относительно элемента *te-* Г. Д. Санжеев делает следующие два предположения:

1. «... В *t* следовало бы видеть какой-то „префикс“, в сочетании с *e* и *i* дававший то, что изложено выше»⁴⁵.
2. «... При *e~i* выпал какой-то начальный согласный, вместе с которым упомянутый смычный *t* восходил к какому-то согласному. В качестве такого согласного напрашивается проточный *s* (ср. местоимения 2-го лица в тунгусских и тюркских

языках), который должен был развиваться в *h*, а затем отпасть. Нам кажется, что возможность третьего предположения исключается»⁴⁶.

Как и при рассмотрении ближнего указательного местоимения *эз*, нам здесь придется сопоставлять данные из различных монгольских языков. Так, языки монгольский, дунсянский, дагурский и баоанский отличаются от других монгольских языков (в частности от современного монгольского, бурятского и калмыцкого) тем, что в них указательное местоимение *тэрэ* ‘тот’ при дальнейшем изменении по падежам сохраняет основу в форме именительного падежа. Монгольский язык во всех падежах имеет основу *те*, в баоанском основы *тэ* и *тэр* встречаются параллельно, но более распространенным является *тэ*.

	Баоанский	Монгольский	Дунсянский	Дагурский
Именительный	<i>тэ</i>	<i>те</i>	<i>тэрэ</i>	<i>тэрэ</i>
Родительный	<i>тэнэ</i>	<i>тене</i>	<i>тэрэни</i>	<i>тэри</i>
Винительный	<i>тэдэ</i>	<i>тенде</i>	<i>тэрэдэ</i>	<i>тэрэндэ</i>
Дательный-местный	<i>тэсэ</i>	<i>тенса</i>	<i>тэрэсэ</i>	<i>тэрэс, тэрэр</i>
Исходный	} <i>тэбалэ</i>	<i>тенла</i>	<i>тэрэбала</i>	<i>тэрэр</i>
Орудный			<i>тэрэлэ</i>	—
Соединительный	—	—	—	<i>тэрэнтэ</i>
Совместный	—	—	—	—

Из примеров видно, что в местоимении со значением ‘тот’ сохраняется основа *тэрэ* без какого бы то ни было дополнительного наращения. Что касается согласного *p*, то он в этой группе языков часто выпадает. Ср. примеры: дунс. *мата-* ‘забыть’ — монг. письм. *mata-*; дунс. *уду* ‘день’ — монг. письм. *edar*; бй. *эмэ* ‘рано’ — монг. письм. *erte*; *махшэ* ‘завтра’ — монг. письм. *marqasi* и др.

В другой группе языков — современном монгольском, бурятском, калмыцком — указательное местоимение со значением ‘тот’ в косвенных падежах имеет основы с наращением упомянутого выше *gán-*.

Обратимся к примерам из калмыцкого языка, где местоимение *тэлэ* ‘тот’ склоняется следующим образом:

Именительный	<i>тэрэ</i>	<i>тэрэ</i>	<i>тэрэ</i>
Родительный	<i>тэрүнэ</i>	<i>тэнүнэ</i>	<i>түнэ</i>
Винительный	<i>тэрүг</i>	<i>тэнүг</i>	<i>түг</i>
Дательный-местный	<i>тэрүндэ</i>	<i>тэнүндэ</i>	<i>түндэ</i>
Орудный	<i>тэрүгэр</i>	<i>тэнүгэр</i>	<i>түгэр</i>
Исходный	<i>тэрүнэс</i>	<i>тэнүнэс</i>	<i>түнэс</i>
Соединительный	<i>тэрүнлэ</i>	<i>тэнүнлэ</i>	<i>түнлэ</i>

* Там же.

⁴² В. Котвич, *Исследование...*, стр. 171.

⁴³ Г. И. Рамstedт, *Введение...*, стр. 74.

⁴⁴ Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, стр. 156.

⁴⁵ Там же, стр. 157. Г. Д. Санжеев считал возможным начальный сопоставить с личным местоимением 2-го лица *чи* ‘ты’ (монг.), *чи* (<*ti*) в тунгусо-маньчжурских, из которых «затем путем использования раннего чередования гласных в монгольских (и тунгусо-маньчжурских) языках получились, с одной стороны, 3-е лицо *те* (вроде монгольское *те*) ‘тот’ и, с другой стороны, 2-е лицо единственного (**ti*→*ci*→*чи*→*ши*, ‘ты’) и множественного (*та*→*тā*, *су* ‘ва’) числа»

Совместный	<i>тэрүтэ</i>	<i>тэнүтэ</i>	<i>түтэ</i>
Направительный	<i>тэрүнүр</i>	<i>тэнүнүр</i>	<i>түнүр</i>
Предельный	<i>(тэрүцэ)</i>	<i>(тэнүцэ)</i>	<i>(түнүцэ)</i>

Здесь мы наблюдаем следующие особенности:

1) местоимение *тэрэ* при дальнейшем изменении или сохраняется *тэр-* в основе всех косвенных падежей или меняет его на *тэн-*: *тэр- ~ тэн- (+ үн-)*. Чередование *р* и *н* известно. Ср. египетское *ene* 'это', где в монгольских языках соответствует ему *ene* 'это';

2) так же как и при местоимении *энэ* 'этот', к форме именительного падежа *тэрэ* 'тот' присоединяется *үн-* (*egün*) как некий конструктивный элемент для образования сложных форм местоимений. Здесь функция *үн-* такая же, как и при местоимении *энэ*;

3) в дальнейшем наблюдается процесс стяжения основ косвенных падежей: *тэрүн- ~ тэнүн- ~ түн-*.

При указательном местоимении, обозначающем далеко стоящий предмет, постоянной величиной выступает звук тогда как вторая часть едина с местоимением, указывающим на предмет, близко расположенный к говорящему: *тэрүн- ~ тэнүн- түн-* и *энүн- ~ үн-*.

Таким образом, указательные местоимения единственного числа имеют одну форму именительного и разные основы для косвенных падежей, которые представлены в табл. 7.

Таблица 7

Местоимения		Баоаньский	Калмыцкий	Бурятский
«Близкие»	именительного падежа	<i>энэ</i>	<i>энэ</i>	<i>энэ</i>
	косвенных падежей (основы)	<i>энэ</i>	<i>эн-н- үн-н- үн-</i>	<i>энүн- энэн- энэн-</i>
		(< <i>ene + gün</i> >)		
«Дальние»	именительного падежа	<i>тэ (тэр)</i>	<i>тэрэ</i>	<i>тэрэ</i>
	косвенных падежей (основы)	<i>тэ (тэр)</i>	<i>тэрүн- тэн-н- түнүн- түн-</i>	<i>тэрүн- тэрэн- тэрэн-</i>
		(< <i>tere + gün</i> >)		

Весьма любопытна основа местоимения *тэрэ* в языке желтых уйгуров. В отличие от остальных монгольских языков в нем указательное местоимение *тэрэ* 'тот' во всех косвенных падежах имеет одну основу *тун-*, но без обычной, встречаемой в других языках, долгой гласной: *тунсэ* 'от того', *тунлэ* 'с тем', *тундэ* 'тому' и т. д.

В языках баоаньском, монгорском, дунсянском, дагурском и желтых уйгуров множественное число указательных местоимений образуется посредством присоединения к основе единственного числа суффиксов множественности.

В некоторых монгольских языках, где множественное число этих местоимений образовано при помощи *-дэ*, к последнему могут наращиваться *үн- ~ эн-н-*, используемые в качестве обязательного конструктивного элемента при основах косвенных падежей указательных местоимений (табл. 8).

Таблица 8

Местоимения	Баоаньский	Монгорский	Дунсянский	Язык желтых уйгуров	Дагурский	Калмыцкий	Бурятский
«Близкие»	именительного падежа	<i>энэлэ</i>	<i>ненгула, несге</i>	<i>энэла</i>	<i>энэс</i>	<i>эдэ</i>	<i>эдэн эдэ</i>
	косвенных падежей (основы)	<i>энэлэ</i>	<i>ненгула, несге</i>	<i>энэла</i>	<i>энэс</i>	<i>эдэ</i>	<i>эдэн эдэн</i>
		(< <i>ede + gün</i> >)					
«Дальние»	именительного падежа	<i>тэлэ (тэрлэ)</i>	<i>тенгула, тесге</i>	<i>тэрэла</i>	<i>тэрэс</i>	<i>тэдэ</i>	<i>тэдэн тэдэ</i>
	косвенных падежей (основы)	<i>тэлэ (тэрлэ)</i>	<i>тенгула, тесге</i>	<i>тэрэла</i>	<i>тэрэс</i>	<i>тэдэ</i>	<i>тэдэн тэдэн</i>
		(< <i>tede + gün</i> >)					

Вообще следует заметить, что основы указательных местоимений множественного числа в монгольских языках характеризуются общностью в рамках как одной, так и другой групп языков:

1) в монгольских языках, сохранивших некоторые архаические черты (баоаньский, монгорский, дунсянский); основа косвенных падежей и форма именительного падежа этих местоимений совпадают;

2) в другой группе языков (современный монгольский, калмыцкий, бурятский) основа косвенных падежей и форма именительного падежа этих местоимений едины внутри данной группы, но в отличие от первой группы языков в них основа косвенных падежей употребляется с *gūl*, служащим для уточнения значения лица.

В баоаньском в отличие от таких монгольских языков, как современный монгольский, бурятский и калмыцкий, указательные местоимения не играют роли личных местоимений. Указательные местоимения в противовес личным местоимениям могут заменять другие части речи. Выполняя функцию определения, они не изменяются и не согласуются с определяемым ни в падеже, ни в числе. В этом отношении указательные местоимения напоминают имена прилагательные. Вообще следует отметить, что указательные местоимения как в баоаньском, так и в остальных монгольских языках, употребляясь без определяемого слова, могут играть роль как главных, так и второстепенных членов предложения.

Г. Д. Санжеев отмечал, что в указательных местоимениях первый элемент *те-* противопоставляется как «дальний» «ближнему» *е-* во многих других словах, и при этом ссылаясь на примеры *эдү* 'столько, как это' — *тэдү* 'столько, как то'; *этэ* 'здесь' — *тэндэ* 'там'; *тгэх* 'делать, как это' — *тигэх* 'делать, как то' и некоторые другие⁴⁷.

Мы не располагаем соответствующими данными по отдельным монгольским языкам Китая, поэтому затрудняемся сказать, имеются ли в них подобные пары слов с указанными значениями.

В других монгольских языках некоторые слова, связанные так же, как и указательные местоимения, с противопоставлением в них дифференцирующим показателем корня *т* и без него, не заключают в себе значение «ближний» — «дальний», а их противопоставление иного характера. Ср. несколько примеров из калмыцкого языка: *ару тару* 'разбросанный', 'разбрызанный', *аджвэр таджвэр* 'волнистый', 'короткий' (о волосах шерсти). Подобные пары, один из компонентов которых начинается с *т*, употребляются в качестве повторов: *асхад тасхад* 'выливать-переливать', хотя второе слово не обладает самостоятельным значением.

⁴⁷ Подробнее см.: Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, стр. 156.

Вопросительные местоимения. В эту группу в баоаньском языке входят местоимения *каң* 'кто', *јаң*, 'что', *анэ* 'который', *кэтоң* 'сколько'.

Как известно, наиболее распространенным в современных монгольских языках вариантом вопросительного местоимения является *кэн* 'кто'. Своеобразие *каң* связано с особенностями его фонетики: наличием, в частности, гласного *а* вместо употребляемого в других монгольских языках *э* (ср. совр. монг., бур. *кэн*).

Г. И. Рамstedт основы *ка-ке* и *ја-је* в вопросительных местоимениях считал древними, но писал, что «трудно судить о том, какое исконное различие существовало в значении этих четырех основ»⁴⁸.

Вопросительные местоимения *каң*, *јаң*, *анэ*, субстантивирясь, изменяются так же, как и имена существительные:

Именительный	<i>каң</i>	<i>јаң</i>	<i>анэ</i>
Родительный	} <i>каңэ</i>	} <i>јаңэ</i>	} <i>анэнэ</i>
Винительный			
Дательно-местный	<i>каңдэ</i>	<i>јаңдэ</i>	<i>анэдэ</i>
Исходный	<i>каңсэ</i>	<i>јаңсэ</i>	<i>анэсэ</i>
Орудный	} <i>каңлэ</i>	} <i>јаңлэ</i>	} <i>анэбалэ</i>
Соединительный			

Как и в указательных местоимениях и именах существительных, совпадающими по форме здесь являются падежи родительный и винительный. В падежах орудном и соединительном чаще встречается форма на *-лэ* вместо ожидаемой *-балэ*. В баоаньском языке местоимения *каң* и *јаң* множественного числа не образуют. Когда же необходимо передать идею собирательности, нечленимой множественности, то эти местоимения используются в удвоенном виде: *каң каң?* 'кто и кто?', *јаң јаң?* 'что и что?'. В нем эти местоимения не принимают и суффикса принадлежности, как, например, в калмыцком языке: *кен?* 'кто?' — *кеним?* 'кто мой?', *кенич?* 'кто твой?', *кенимдн?* 'кто наши?', *кенин?* 'кто ваши?'. Следовательно, в баоаньских примерах будут встречаться лишь формы местоимений, не осложненные суффиксами принадлежности, например: *нудэ танэ кэтэ каң ро?* 'кто сегодня приходил к вам?'; *чэнэ нэрэ јаң јі?* 'как твое имя?'; *чэ нэдэ анэнэ окэгі?* 'какой (из них) дашь мне?'; *чадэ хэнэ кэтоң јі?* 'сколько у тебя овец?'.
Несколько слов о местоимениях *годжэ* (~ *гонцэ*) и *ханэ*. Местоимение *гэджэ* (~ *гонаң*) мы считаем возвратным местоимением. Оно встречается со значением 'сам'. Ср. несколько

⁴⁸ Г. И. Рамstedт, *Введение...*, стр. 76.

примеров: *чэ сутэла годжэ шджэ* (дцз.) 'чем сидеть, ты лучше сам иди'; *бэ нджэцнэ сэбэтэла гонаң нджэ* (тж.) 'чем ждал его, сам пойду'.

Местоимение *годжэ* склоняется так же, как и имена существительные:

Именительный	<i>годжэ</i>
Родительный	<i>годжэнэ</i>
Винительный	
Дательно-местный	<i>годжэдэ</i>
Исходный	<i>годжэсэ</i>
Орудный	<i>(годжэбэлэ)</i>
Соединительный	

Родительный падеж этого местоимения выступает в предложении в функции определения и соответствует по значению русскому «свой», «собственный»: *амэ годжэнэ агунэ ма сэбэджо* 'мать очень ждет свою дочь'. В остальных монгольских языках (например, в современном монгольском и калмыцком) ему соответствуют *өөрөө* и *эврэн* ('сам').

В баоаньском языке местоимение *ханэ* 'все', 'весь' имеет обобщающее значение: *энэнэ ханэдэ хуаджі окэ* 'раздай всем'; *бэдэ ханэ бадэ харэджі шджэ* 'мы все выходим на улицу'; *мангэ ханэлэ хамтэ жүжэ* 'пойдемте-ка мы с вами (всеми) вместе'.

Это местоимение склоняется так же, как и имена существительные, в предложении выполняет функции разных членов.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Имена числительные в баоаньском языке, обозначая количество и порядок предметов, делятся в основном на те же ряды, что и в остальных монгольских языках. Однако в отличие от последних порядковые и разделительные числительные образуются в нем несколько иначе.

Количественные числительные

Наименование единиц (в сравнении с другими монгольскими языками):

Баоаньский	Дунсянский	Монгорский	Язык желтых уйгуров
<i>нэгэ</i>	<i>нэ</i>	<i>ниге</i>	<i>нэгэ</i> 'один'
<i>буар</i>	<i>буа</i>	<i>бдр</i>	<i>бур</i> 'два'
<i>бураң</i>	<i>буран</i>	<i>буран</i>	<i>бурван</i> 'три'
<i>дэраң</i>	<i>джіэруан</i>	<i>дэран</i>	<i>ддрвэн</i> 'четыре'
<i>тавоң</i>	<i>тавуан</i>	<i>тавэн</i>	<i>тавэн</i> 'пять'

Баоаньский	Дунсянский	Монгорский	Язык желтых уйгуров
<i>джірбон</i>	<i>джыбуан</i>	<i>джіэбон</i>	<i>джузбон</i> 'шесть'
<i>дэлоң</i>	<i>дэлэн</i>	<i>дэлбн</i>	<i>дэлбн</i> 'семь'
<i>німаң</i>	<i>німаң</i>	<i>німан</i>	<i>наймаң</i> 'восемь'
<i>јэсоң</i>	<i>јэсун</i>	<i>шдзен</i>	<i>ісэн</i> 'девять'

Дагурский	Современный монгольский	Монгольский письменный	
<i>нэк</i>	<i>нэгэн</i>	<i>nigen</i>	'один'
<i>хојір</i>	<i>хоёр</i>	<i>хоуар</i>	'два'
<i>буарбаң</i>	<i>гурван</i>	<i>γurban</i>	'три'
<i>дүрбэң</i>	<i>дөрвөн</i>	<i>dürben</i>	'четыре'
<i>таваң</i>	<i>таван</i>	<i>tabun</i>	'пять'
<i>джірбон</i>	<i>дзурган</i>	<i>γirγuγan</i>	'шесть'
<i>дэлоң</i>	<i>дэлбн</i>	<i>doluγan</i>	'семь'
<i>наймаң</i>	<i>найман</i>	<i>naiman</i>	'восемь'
<i>јисэң</i>	<i>ёсөн</i>	<i>yisün</i>	'девять'

Из сопоставлений видно, что баоаньский язык ближе всего стоит к языкам, распространенным на территории провинций Цинхай и Ганьсу, чем к остальным монгольским языкам.

Особенности баоаньских числительных первого десятка сводятся в основном к следующему:

1) числительные *бураң* 'три' и *дэраң* 'четыре' употребляются без спиранта *в*, наличного в этих же числительных других монгольских (кроме дунсянского и монгорского) языков;

2) числительные от *бураң* 'три' до *јэсоң* 'девять' имеют в исходе заднеязычный *ң*, что сближает в этом отношении баоаньский с дагурским языком, например: *дэраң* (бн.) — *дүрбэң* (даг.) 'четыре'; *тавоң* (бн.) — *таваң* (даг.) 'пять' и др.;

3) в наименованиях числительных первого десятка отсутствуют долгие гласные, известные в числительных других монгольских языков. В баоаньском: *долоң* 'семь', *джірбон* 'шесть', в современном монгольском соответственно *дэлбн*, *зурган*.

В этой связи следует заметить, что в языке желтых уйгуров (монголоязычных) числительные «пять» и «пятьдесят» различаются лишь по долготе и краткости гласных первого слога: *тавэн* 'пять' — *тавэн* 'пятьдесят'. Хотя в обозначении числительного «пять» в дагурском и монгорском языках в первом слоге также имеется долгая гласная *ā* (*таваң* [даг.], *тавэн* [мг.]), наименование числительного «пятьдесят» образуется в них по-особому.

Еще Г. И. Рамstedт писал, что моголы Абдилла и Рустам,

от которых он записывал могольский материал, употребляли числительные *nikan* 'один', *qojor* 'два', *γurbon* 'три', *d'wrbōn* 'четыре' и *tabun* 'пять', известные в других монгольских языках; для числительных, начиная с шести, у моголов употребляются персидские слова⁴⁹.

Наименования десятков (в сравнении с другими монгольскими языками):

Баоаньский	Дунсянский ⁵⁰	Монгорский	Дагурский
<i>habpaң</i>	<i>haruan</i>	<i>харван</i>	<i>харбаң</i>
<i>хороң</i>	—	<i>хорін</i>	<i>хорің</i>
<i>бобараң</i>	—	<i>ходжін</i>	<i>бочің</i>
<i>дэрэраң</i>	—	<i>теджін</i>	<i>дүчің</i>
<i>тавараң</i>	—	<i>тајін</i>	<i>табің</i>
<i>джірбораң</i>	—	<i>джіран</i>	<i>джарбаң</i>
<i>далараң</i>	—	<i>далан</i>	<i>далаң</i>
<i>німараң</i>	—	<i>најан</i>	<i>најің</i>
<i>јэсараң</i>	—	<i>јірін</i>	<i>јірэң</i>

'десять'
'двадцать'
'тридцать'
'сорок'
'пятьдесят'
'шестьдесят'
'семьдесят'
'восемьдесят'
'девятисто'

Язык желтых уйгуров	Современный монгольский	Монгольский письменный
<i>харван</i>	<i>арвән</i>	<i>arban</i>
<i>хорән</i>	<i>хорін</i>	<i>xorin</i>
<i>бучән</i>	<i>гучін</i>	<i>γuēin</i>
<i>дбчән</i>	<i>дөчін</i>	<i>döčin</i>
<i>тавән</i>	<i>тавін</i>	<i>tabin</i>
<i>джіран</i>	<i>джарән</i>	<i>jaran</i>
<i>далан</i>	<i>далән</i>	<i>dalan</i>
<i>најан</i>	<i>најән</i>	<i>nayan</i>
<i>јірән</i>	<i>ерән</i>	<i>yeren</i>

'десять'
'двадцать'
'тридцать'
'сорок'
'пятьдесят'
'шестьдесят'
'семьдесят'
'восемьдесят'
'девятисто'

Особенностью баоаньского языка является образование наименований десятков посредством сочетаний числительных наименований соответствующих единиц с числительным «десять». Однако при этом наблюдается следующее: 1) как и в остальных монгольских языках, баоаньские числительные от «тридцати»

⁴⁹ G. J. Ramstedt. *Mogholica. Beiträge zur Kenntnis der mogh. Sprache in Afganistan* [S. b., S. a.]. Следует заметить, что в работе «The Zirni Manuscript» (A persian-mongolian glossary and grammar by S. nobu Jwamura), Kyoto, 1961, засвидетельствовано существование неизменных нам до сих пор названий для трех числительных: *asun* 'шесть', *lan* 'восемь', *toson* 'девять'. Весьма примечателен тот факт, что в языках монголов в Афганистана общемонгольскими являются также *dolon* 'семь', *arban* 'десять'.

⁵⁰ Все наименования десятков, кроме «десять», в дунсянском языке заимствованы из китайского (см.: Б. Х. Тодаева, *Дунсянский язык*).

до «восьмидесяти» включительно образуются с изменением гласных в названиях чисел первого десятка; 2) в десятках к основам соответствующих наименований единиц присоединяют сокращенную, последнюю часть числительного «десять» — *paң*: *дэраң* 'четыре' — *дэрэраң* 'сорок', *тавоң* 'пять' — *тавараң* 'пятьдесят', *німаң* 'восемь' — *німараң* 'восемьдесят'.

Подобная комбинированная форма образования десятков, где второй элемент числительного представляет собой усеченное «десять» (ср. монг. письм. *tabin* 'пятьдесят', бн. *тавараң* 'пятьдесят'), имеет место во всех монгольских языках, но наиболее ярко она выражена в баоаньском языке.

Рассматривая различные наименования чисел, известные не только в баоаньском, но и в остальных монгольских языках, мы замечаем, что основой сложных числительных являются наименования числительных первого десятка. Обозначения числительных свыше «десяти» состоят из различных вариантов, комбинаций числительных первого десятка.

Комбинированные наименования употребляются для числительных от «одиннадцати» до «девятидесяти девяти» (исключая названия десятков) и от «сто одного» до «девятьсот девяти» (включая названия сотен).

Для иллюстрации приведем баоаньские числительные от «одиннадцати» до «девятнадцати» (в сравнении с другими монгольскими языками):

Баоаньский	Дунсянский ⁵¹	Монгорский
<i>harən nэгэ</i>	<i>шыјі</i>	<i>харан ниге</i>
<i>harən буар</i>		<i>харан бдр</i>
<i>harən бураң</i>		<i>харан бурән</i>
<i>harən дэраң</i>		<i>харан дэран</i>
<i>harən тавоң</i>		<i>харан тавен</i>
<i>harən джірбөң</i>		<i>харан джирбдң</i>
<i>harən дэлоң</i>		<i>харан дэлдн</i>
<i>harən німаң</i>		<i>харан нимаң</i>
<i>harэ јэсоң</i>		<i>харан шдзен</i>

'одиннадцать'
'двенадцать'
'тринадцать'
'четырнадцать'
'пятнадцать'
'шестнадцать'
'семнадцать'
'восемнадцать'
'девятнадцать'

Дагурский	Язык желтых уйгуров	Современный монгольский
<i>арбаң нэк</i>	<i>харван нэгэ</i>	<i>арвән нэгэн</i>
<i>арбаң хојір</i>	<i>харван бур</i>	<i>арвән хэдр</i>
<i>арбаң буарбаң</i>	<i>харван бууваң</i>	<i>арвән гууваң</i>
<i>арбаң дүрбэң</i>	<i>харван ддрэвэн</i>	<i>арвән ддрэвэн</i>

'одиннадцать'
'двенадцать'
'тринадцать'
'четырнадцать'

⁵¹ В дунсянском числительные свыше десяти заимствованы из китайского.

<i>харбаң таван</i>	<i>харван тавэн</i>	<i>арван таван</i>	'пятнадцать'
<i>харбаң джирбоң</i>	<i>харван джурбоң</i>	<i>арван дзурган</i>	'шестнадцать'
<i>харбаң дэлбн</i>	<i>харван дэлбн</i>	<i>арван дэлбн</i>	'семнадцать'
<i>харбаң найман</i>	<i>харван найман</i>	<i>арван найман</i>	'восемнадцать'
<i>харбаң јисэн</i>	<i>харван јсэн</i>	<i>арван есэн</i>	'девятнадцать'

В баоанском языке числительное «десять» в сочетании с названиями единиц принимает иное оформление, в данном случае оно звучит как *харэн*, причем в комбинации с числительным «девять» теряет конечный согласный *н*: *харэ јэсоң* 'девятнадцать'.

Как известно, в названиях сложных числительных всех монгольских языков единицы высшего порядка (десятки, сотни, тысячи и т. д.) предшествуют единицам низшего порядка. Ср. баоанские *харэн дэлоң* 'семнадцать', *тавараң бураң* 'пятьдесят три', *бураң джоң дэрэраң нимаң* 'триста сорок восемь' и т. д.

Эта характерная для всех монгольских языков система образования сложных числительных нарушается лишь в языке монголов, представители которых несколько веков (изолированно от других монгольских народностей) живут в иноязычном окружении в Афганистане. В нем проявляются черты индоевропейских языков, в частности иранских. Взаимное общение и постоянное соприкосновение с представителями различных иранских народностей не могли не вызвать соответствующее языкового влияния. Так, в сложных числительных (от 11 по 19) единицы высшего порядка следуют за единицами низшего порядка, при этом наблюдается: 1) слитное написание эти единиц (*tābun* 'пять' — *tābarbān* 'пятнадцать', *dōrbān* 'четыре' — *dōgarbān* 'четырнадцать'); 2) при наращении названия десятки *arban* к соответствующей единице последняя употребляется в сокращенном виде: *γurbān* 'три' — *γurarbān* 'тринадцать', *salan* 'восемь' — *salarbān* 'восемнадцать'⁵².

В баоанском «сто» выражается общемонгольским *джоң-нэгэн джоң* (ср. монг. письм. *јаγип*, совр. монг. зуун). Числительные от «тысячи» и выше в двух говорах баоанского языка передаются по-разному: в дахэцзяском говоре — числительными, заимствованными из китайского языка, а в тунжэньском — из тибетского, например: *ичан* (дцз.), *һдоң* (снэзэ) (тж.) — 'тысяча'; *шыван* (дцз.), *бэмтэр* (тж.) — 'сто тысяч'; *ибэван* (дцз.), *шэва* (тж.) — 'миллион' и т. д.

⁵² См. «The Zirmi Manuscript», p. 22.

Порядковые числительные в обоих говорах баоанского языка образуются иначе, чем в остальных монгольских языках. В баоанском языке отсутствует особый показатель порядковости предметов, баоань прибегают к сложным преобразованиям:

1) на соответствующее количественное числительное наращивается *нэ*, после которого следует слово *нджаң*, например: *тавоң* 'пять' — *тавоңнэ нджаң* 'пятый'; *нимаң* 'восемь' — *нимаңнэ нджаң* 'восьмой'; *долоң* 'семь' — *долоңнэ нджаң* 'седьмой' (в дахэцзяском);

2) перед соответствующим количественным числительным употребляется слово *ангэ*, например: *ангэ бураң* 'третий', *ангэ дэлоң* 'седьмой' (в тунжэньском);

К сожалению, ни записанные нами материалы, ни материалы экспедиционной группы, изучавшей баоанский язык во всех местах поселения баоань, не раскрывают точного значения *нджаң* и *ангэ*. Представители баоань, с которыми приходилось работать в экспедиции, не могли объяснить их смысл.

Собирательные числительные в баоанском языке представляют небольшую группу слов, которые образуются от основ количественных числительных при помощи суффикса *-лэ*: *бураң* 'три' — *буралэ* 'втроем'; *дэраң* 'четыре' — *дэралэ* 'вчетвером'. Однако параллельно употребляется и другая форма *-улэ*: *тавоң* 'пять' — *тавулэ* 'впятером'; *дэраң* 'четыре' — *дэрулэ* 'вчетвером'; *-улэ* — общий для всех монгольских языков суффикс собирательных числительных (ср. соответствующие пары слов: монг. письм. *γurbaп* — *γurbaγula*, совр. монг. *гурван* — *гурвул*, калм. *бурван* — *бурвул*, бур. *гурбан* — *гурбулан*, даг. *буарбаң* — *буарбал*, мгр. *буран* — *буранла*, дунс. *буран* — *бурала*, которые означают 'три' — 'втроем').

Из указанных двух форм собирательных числительных баоанского языка более распространенной и употребительной является вторая. Вот несколько примеров: *нджасэ нимулэ һамтэ лэзгэджэ* 'они работают ввосемьмером'; *мангэ тавулэ нхаң ро* 'мы пришли сюда впятером'; *абэ амэ буалэ һамтэ ндэвасэ ро* 'отец с матерью (вдвоем) приехали из деревни'.

Разделительные числительные в большинстве монгольских языков образуются при помощи специальных суффиксов. Баоанский отличается от других монгольских языков тем, что в нем разделительные числительные образуются путем повторения одного и того же количественного числительного, например: *бураң* 'три' — *бураң бураң* 'по три' (ср. совр. монг. *гурвад*, даг. *буарбад*, ж. у. *гурвад*, монг. письм. *γurbaγad*), *долоң* 'семь' — *дэлоң дэлоң* 'по семь' (ср. совр. монг. *доллод*, даг. *доллод*, ж. у. *доллод*, монг. письм. *doluγad*).

В баоанском, как и в большинстве монгольских языков, при приблизительном подсчете употребляется сочетание двух количественных числительных. В этом случае наименование меньшего числа предшествует наименованию большего: *буар-бураң* 'два-три', *дэраң-тавоң* 'четыре-пять', *тавоң-дэрибон* 'пять-шесть' и т. п.

Для числительных баоанского языка в отличие от таких монгольских языков, как бурятский, дагурский, калмыцкий, характерно то, что они не принимают после себя различных частиц личного или возвратного притяжания. В субстантивированном употреблении они склоняются как существительные и выполняют в зависимости от контекста функции различных членов предложения. В основном же числительные в баоанском языке, так же как и прилагательные, используются в качестве приименного определения, например: *тавоң мутон* 'пять деревьев', *долоң аву јаджэ* 'семь мальчиков'. Однако в нем наблюдаются случаи, когда числительное-определение занимает место после определяемого им слова: *хонэ бобарајі* 'имеется тридцать овец'. Подобное употребление количественных числительных замечено лишь в тунжэньском говоре.

Влиянием китайского языка следует объяснить употребление в баоанском языке слова *шоң* (дцз.) ~ *хон* (тж.) < кит. *шуан* для передачи значения 'пара'. Ср.: *хэй нэгэ шоң* (дцз. 'пара обуви'); *панзэ тавоң хоң* (тж.) 'пять пар браслетов'.

Как видно из примеров, и здесь определяемое занимает место перед определением.

ГЛАГОЛ

В баоанском языке глаголы характеризуются сложной системой форм, выражающих грамматические категории — вид, залага, времени, наклонения, лица и числа.

Основа глаголов может быть либо производной, либо производной, образованной от основ различных частей речи при помощи глаголообразующих суффиксов. Основа глагола самостоятельно употребляется лишь во 2-м лице единственного и множественного числа повелительно-желательного наклонения. Следовательно, основа глаголов одновременно является формой глагола 2-го лица единственного и множественного числа этого наклонения. Примеры: *рэ* 'приходи(-те)'; *шдэ* 'иди(-те)'; *нэ* 'падай(-те)'; *су* 'сядь(-те)'; *асхэ* 'спроси(-те)'; *о* 'дай(-те)'; *нджэ* 'смотри(-те)' и т. д.

Непроизводная основа глаголов в свою очередь может быть равна корню, например: *рэ*, *окэ*. Здесь корень и основа совпадают, представляя единую, неразложимую на составные части морфему. Как видно из этих примеров, корень час-

представляет собой и самостоятельное слово, известное в современном языке. Нередки случаи, когда выделяемый в том или другом слове корень оказывается омертвелым, утратившим самостоятельность своего значения в современном языке. Это касается не только корней слов баоанского, но и остальных монгольских языков. Однако в историческом плане этот вопрос может решаться лишь путем специального этимологического анализа, ибо корнем может оказаться и простейший элемент слова, неизвестный в современном языке в качестве самостоятельного слова.

Производная основа глагола образуется посредством присоединения к основам различных частей речи специальных суффиксов. Следует тут же оговорить, что нами зафиксировано лишь несколько суффиксов для образования глаголов от имен существительных и прилагательных. Но это не означает, что баоанский язык ограничивается только данными суффиксами.

Суффикс *-лэ*. При помощи этого суффикса глагол может быть образован от многих имен существительных. В этом случае семантика глагола целиком зависит от значения соответствующего существительного. Суффикс *-лэ* содействует преобразованию существительного в глагол.

Мы попытаемся классифицировать значения глаголов с суффиксом *-лэ* в зависимости от общего характера действия, связываемого с понятием, передаваемым тем или иным существительным:

матэблэ 'цвести', 'расцветать' (от *матэб* 'цветок'). В таких глаголах мы находим значение возникновения, развития того, что обозначено в именной основе. Основа имен существительных почти полностью сохраняет свое самостоятельное значение;

хичэлэ 'стричь', 'обрезать ножницами' (от *хичэ* 'ножницы'). Подобные глаголы передают значение применения, использования в действии предмета, обозначенного именной основой. Данное значение связано с семантикой существительных, обозначающих предметы, могущие выступать в качестве орудия или средства действия;

сэлэ 'поить водой', 'орошать, поливать водой' (от *сэ* 'вода'). Такие глаголы передают значение снабжения, наделения кого-то, чего-то данным предметом и образуются от основ существительных, допускающих такое образование.

Многозначность глаголов с суффиксом *-лэ* зависит от особенностей и семантической емкости именной основы, от которой образуется глагол.

Суффикс *-дэ*. Так же, как это наблюдалось у глаголов, образованных от имен существительных при помощи суффикса

-лэ, здесь конкретное значение глагола определяется семантической исходной именной основы:

бэлудэ 'точить' (*бэлу* 'брусок', 'точильный камень'). С этим суффиксом образуются глаголы, выражающие действие, совершаемое при помощи предмета, обозначенного именем, от которого образовался глагол. Это в основном глаголы переходного значения;

китаңдэ 'становиться холодным' (*китаң* 'холодный'), *ниңгаңдэ* 'становиться толким' (*ниңгаң* 'топкий'), *джуладэ* 'становиться мягким' (*джулаң* 'мягкий'). Здесь налицо образование глагола становления. Как видно из примеров, в глаголах, образованных от прилагательных, глагольное значение зависит от семантики исходного прилагательного.

Суффикс *-чал*. Глаголы, образованные при помощи суффикса *-чал*, имеют значение уподобления, например: *абэчал* 'поступить так, как это делает отец' (*абэ* 'отец'); *шазчал* 'делать так, как ребенок' (*шазэ* 'ребенок')

Суффикс *-р*. Его значение близко к значению упомянутого суффикса *-дэ* (при образовании глаголов от основ прилагательных). Глаголы с этим суффиксом по семантике являются глаголами становления, обозначающими различные процессы и состояния: *нитар-* 'отсыреть', 'стать сырым' (*нитаң* 'сырой'), *гэгар-* 'посветлеть', 'стать светлым' (*гэгаң* 'светлый').

Глаголы с суффиксом *-р* в баоаньском языке являются непереходными. При присоединении суффикса *-р* конечный согласный основы имени прилагательного — *н* выпадает: *нитаң* — *нитар-*.

В баоаньском языке имеется значительное количество слов заимствованных из китайского языка, в том числе и глаголов. Эти заимствования представляют собой слова с общим значением глаголов, но в баоаньском языке они употребляются в качестве глаголов, лишь принимая суффикс *-гэ*.

Таким образом, будучи включены в баоаньскую речь, эти заимствования подчиняются грамматическим нормам баоаньского языка, которые требуют специального оформления глагольным суффиксом *-гэ*. Приведем несколько примеров:

Китайский	Баоаньский
<i>ва</i> ('копать')	<i>вагэ-</i>
<i>гуа</i> ('вешать')	<i>гуагэ-</i>
<i>па</i> ('ползать')	<i>пагэ-</i>
<i>бянь</i> ('гнестить')	<i>бангэ-</i>
<i>дань</i> ('носить на плечах')	<i>дангэ-</i>

Несмотря на то что заимствованные глаголы в баоаньском языке обязательно присоединяют к себе суффикс *-гэ*, основное

лексическое содержание китайского глагола полностью сохраняется.

В некоторых других монгольских языках (например, в бурятском и калмыцком) заимствованные из русского языка глаголы включаются в грамматическую систему этих языков при помощи известного в монгольских языках суффикса *-ла* (*-л*), который присоединяется к форме основы или инфинитива русского глагола: русск. *агитировать* — бур. *агитировала-*, *агитировадла-*, калм. *агитировадьл-*. Примеры показывают, что в бурятском и калмыцком языках окончание инфинитива заимствованного из русского языка глагола озвончается. В калмыцком существует и другой прием заимствования глаголов, когда подряд следуют два глагола, один из которых (заимствованный из русского языка) ставится в форме инфинитива, а другой (глагол *кех* 'делать' из калмыцкого языка) — в форме причастия будущего времени: русск. *ликвидировать* — калм. *ликвидировать кех*; русск. *выбирать* — калм. *выбирать кех* и т. п. Здесь стоит друг за другом два глагола, но основное лексическое значение несет первый из них, второй играет глаголообразующую роль.

По всей вероятности, в баоаньском языке мы сталкиваемся с такой же грамматикализацией заимствованных глаголов. Однако в баоаньском языке непосредственно к глаголу, заимствованному из китайского языка, наращивается *-гэ*, связанный своим происхождением с баоаньским глаголом *ке-* 'делать'. Следовательно, в баоаньском языке мы имеем дело со сложной формой глагола, состоящей из глагола китайского языка + *гэ*: кит. *па* 'ползать' + *гэ* > в баоаньском — *пагэ-*. По-видимому, в глаголах типа *гуагэ-*, *пагэ-* и других ныне не ощущается значение двух самостоятельно существующих глаголов, так как *гэ-* служит здесь лишь для включения в баоаньскую грамматическую систему китайских *гуа*, *па* и т. д., отсутствующих в баоаньском языке.

В этой связи уместно привести несколько примеров из того же калмыцкого языка, в котором *ке-* 'делать' и *гэ-* 'говорить', 'сказать' встречаются в сращенном виде с первым, основным компонентом. Ср.: *тиг-* 'делать так, таким образом', 'говорить так, таким образом'; *иг-* 'делать этак, этаким образом', 'говорить этак, этаким образом', где глаголы *ке-* и *гэ-* дали континированный *-г*.

В калмыцком языке имеется еще группа глаголов на *-с*, встречающаяся с глаголом *ге-* 'говорить'. По мнению Г. И. Рамstedта, суффикс *-сал/-се* в тюркских языках восходит к самостоятельному глаголу *са-* 'хотеть', 'желать'. Однако тюркологи оспаривают это положение, считая, что ни в мертвых, ни в современных тюркских языках подобная основа

глагола на *sa-* со значением 'хотеть', 'желать' не обнаруживается⁵³.

В баоанском языке зафиксирован суффикс *-дэ*, близкий по значению к суффиксам *-чк*, *-чх* (~*ч*) во многих других монгольских языках. Как известно, последние относятся к суффиксам образования глагольных видов⁵⁴.

Баоанский суффикс *-дэ* ставится непосредственно после основы глагола, например: *шэлэ дэбэң джила гэдэ* 'лампу поставили на стол' (*гэдэ* состоит из *гэ-* 'ставить', 'класть' + *-дэ* + *-о* — суффикса глагола прошедшего времени); *чэ судэ* 'вы сидите' (*судэ* состоит из *су-* 'сидеть' + *-дэ*).

Круг глаголов, с которыми используется этот суффикс, весьма широк — это могут быть как глаголы движения, состояния, так и глаголы чувственного восприятия.

Следует отметить, что суффикс *-дэ* не участвует в образовании глагола с новым значением. В зависимости от контекста он вносит два оттенка значения:

1) *-дэ* придает исходной основе глагола оттенок подчеркнуто выраженной просьбы, желания, чтобы 2-е лицо совершило это действие: *чэ тэнэ мэлэ гэдэ* 'поставь это перед той вещью'; *чэ мэнэ шазэ нэгэ тэрэдэ* 'подержи моего ребенка'; *чэ оңшэдэ* (тж.) 'ты почитай'; *чэ мэнэ орондэ судэ* 'вы сядьте на мое место'; *энэ нэгэ ајибэ чанэ удэ* (диз.) 'выпей эту чашку чая';

2) *-дэ* придает исходной основе глагола оттенок энергично осуществляемого действия и притом такого, которое может производиться до его завершения: *нэ шазэ куң гигума ладэ нэ* (тж.) 'как только все уйдут, этот мальчик заплачет'; *чэ амэ тадэ шдэжэгудэ бэ чодэ ндэжэдэво* (~*ндэжэдэ*) (диз.) 'рассмотрел тебя, когда ты шел к матери'.

Нам представляется, что этот оттенок завершенности дей-

ствия, придаваемый глаголу суффиксом *-дэ*, не зависит от того, стоит ли глагол в прошедшем времени или нет. Если даже суффикс *-дэ* имеется в глаголе прошедшего времени, где отчетливо выражено действие прошедшее совершенное, он сохраняет оттенок до конца завершенного действия.

Вообще следует заметить, что просьба, пожелание, побуждение, выраженные глаголами с суффиксом *-дэ* (например, *кэлдэ, рэдэ, нэдэ* и т. д.), кажутся более настоятельными и, может быть, более грубыми по сравнению с приказанием, побуждением, передаваемыми глаголом 2-го лица, т. е. без суффикса *-дэ*: *рэ, у, нэ* и т. д. Однако многое зависит от интонации, с какой произносится этот глагол, от значения всего контекста.

Заметим, что при присоединении к суффиксу *-дэ* форманта, начинающегося на гласный, гласный первого суффикса (т. е. *-дэ*) выпадает (*нэдэ* состоит из *нэ* 'падай' + *-дэ* + *-о*).

Залоги в баоанском языке выражают различные отношения субъекта к действию, находящие свое выражение в форме глагола.

В отличие от остальных монгольских языков в баоанском имеются лишь действительный, побудительный и совместный залоги глагола. От действительного залога образуются формы остальных залогов — побудительного и совместного.

Действительный залог. По отношению к объекту глаголы действительного залога делятся на переходные и непереходные.

Основы переходных глаголов по своей морфологической структуре не имеют никаких отличий от основ непереходных глаголов, что можно иллюстрировать следующими примерами:

Переходные глаголы	Непереходные глаголы
<i>тани-</i> 'узнать', 'распознать'	<i>намэра-</i> 'отдыхать'
<i>чина-</i> 'варить'	<i>шинэ-</i> 'смеяться'
<i>ту-</i> 'гнать', 'погонять'	<i>идэр-</i> 'уставать'
<i>м-дэ-</i> 'знать', 'ведать'	<i>мосэ-</i> 'лететь', 'улетать'
<i>ндэжэ-</i> 'смотреть', 'видеть'	<i>рэ-</i> 'приходить', 'приехать'
<i>нйтэ-</i> 'играть'	<i>лэ-</i> 'плакать'
<i>урэ-</i> 'приглашать'	<i>харэ-</i> 'вернуться', 'возвращаться'
<i>мэсэ-</i> 'надевать', 'одеваться'	<i>мартэ-</i> 'забывать'
<i>чиджэ-</i> 'кормить', 'выращивать'	<i>дар-</i> 'мерзнуть', 'зябнуть'
<i>окэ-</i> 'давать'	<i>бэсэ-</i> 'радоваться', 'веселиться'

⁵³ Любопытно отметить, что в калмыцком языке глаголы на *-с* (с последующим *ге-*) имеют значение 'хотеть', 'желать', например: *одс гелэ* 'хотел пойти' (*од-* 'пойти' + *с* + *ге-*) и т. д. Причем глаголы на *-с* в данном значении сохраняют эту форму лишь в сочетании с глаголом *ге-*, другое сочетание с каким-либо иным глаголом не может быть. Форму глагола на *-с* плюс *ге-* возможно заменить только сочетанием деепричастия *цэ* с глаголом *сед-* 'хотеть', 'желать': *би эндр ора хэрс гелэв-эндр о хэрхэр седлэв* 'я хотел сегодня попозднее вернуться домой'. Мы находим различия в значениях данных сочетаний.

⁵⁴ В. Котвич, затем и Г. И. Рамstedт считали, что эти суффиксы в своем происхождении представляют собой сокращенную форму глагола *orki-* 'бросать', первоначально присоединяемую к деепричастной форме на *-зу*.

Иного мнения по этому вопросу придерживается Г. Д. Санжеев, который полагает, что глагол *orki-* 'бросать' и суффикс *-эк* — это явление разного происхождения и образования; что суффикс *-эк* предположительно восходит к глагольной основе *оби-* 'отправляться'.

При делении глаголов на переходные и непереходные мы учитываем факт наличия или отсутствия направленности действия на какой-нибудь объект: глаголы переходные передают действие, которое направлено на прямой объект, выраженный винительным падежом; глаголы же непереходные обозначают действие, не переходящее на прямой объект, и поэтому не требуют постановки имени в винительном падеже. Следовательно, принадлежность тех или иных глаголов к переходным или непереходным устанавливается в баоанском языке лишь по семантико-синтаксическим признакам.

Дифференциация производных глаголов по их переходности и непереходности достигается посредством суффиксов, при помощи которых эти глаголы образуются от основ различных имен и глаголов.

Наиболее распространенной формой переходного глагола служит форма побудительного залога на *-бэ*, придающая любому непереходному глаголу значение переходного глагола. Ср. *ор-* 'войти', 'входить' — *орбэ-* 'вводить', 'заставить войти'.

Побудительный залог в баоанском языке выражает отношение действия к его исполнителям. В побудительном залоге реальным исполнителем действия — субъектом — является грамматическое дополнение, выступающее в двух падежах — винительном и дательном-местном. В совершении того или другого действия, выраженного глаголом в форме этого залога, принимают участие два или более лица. В этом случае отношения между участниками действия складываются таким образом, что одно из действующих лиц побуждает к совершению действия, тогда как другое лицо реально исполняет это действие (но не по своему желанию или почину, а по воле побуждающего лица).

В баоанском имеется лишь один суффикс побудительного залога, а именно *-бэ*: *мэсэ-* 'надевать (носить)' — *мэсэбэ-* 'заставить надевать (носить)', *нджэ-* 'смотреть' — *нджэбэ-* 'заставить смотреть'; *сү-* 'сидеть', 'жить' — *сүбэ-* 'заставить сидеть', 'заставить жить'.

В побудительной конструкции, как уже указывалось, должно называться два (или более) лица. При этом название побуждающего лица стоит в именительном падеже, а название реального исполнителя — или в винительном или в дательном-местном падежах. Приведем несколько примеров:

1) непосредственный исполнитель действия — в винительном падеже: *мангэ нджангэ субэдо* 'мы заставили (принудили) его сесть'; *чэ нэдэ оңшэбэ* 'ты заставь меня прочитать' (в баоанском, как и в монгорском языке, личные местоимения винительном и дательном-местном падежах обычно совпадают

имея одинаковую форму); *мангэ махшэ нджасэнэ айбэжэ* 'завтра мы их напугаем (заставим напугаться)'; *чэ нэдэ тэгэ нэбэ* (тж.) 'ты не заставляй меня падать';

2) непосредственный исполнитель действия — в дательном-местном падеже: *тэ пэджэгнэ гэгэдэ пэджэбэ* (тж.) 'то письмом заставь написать старшего брата'.

В речи монголов уезда Тунжэнь в этом случае также используется дательном-местный падеж: *чэ сэнэ унагладэ уба* 'ты напои коров' (букв. 'ты позволь напиться воды коровам'); *чэ айзэдэ мэргу вабаба* 'заставь сестру выстирать одежду'.

Следует иметь в виду, что для выражения побудительного залога совсем не обязательно присутствие в предложении названий субъектов действия. Так, часто можно встретить предложения, где лицо, побуждающее к совершению действия, не передается отдельным словом. Ср.: *нджасэ нэдэ пэджэг пэджэбэ* 'они заставили его написать письмо' и *нэдэ пэджэг пэджэбэ* 'заставили его написать письмо'. Отсюда можно заключить, что отсутствие во втором предложении указания на лицо, по воле которого совершается действие, т. е. *нджасэ* 'они', не препятствует передаче данных отношений. Здесь существенным представляется наличие в глаголе суффикса побудительного залога *-бэ* (*пэджэбэ-*) и связанная с этим суффиксом специфическая конструкция с реальным исполнителем действия в дательном-местном падеже.

Необходимо подчеркнуть, что постановка названия непосредственного исполнителя действия в винительном или в дательном-местном падеже не зависит от того, образован ли побудительный залог от переходных или непереходных глаголов. Во всех монгольских языках, в том числе и в баоанском, глаголы, образованные от непереходных глаголов, в побудительном залоге становятся по своему значению переходными: *рэ* 'приходить' — *рэбэ-* 'заставить прийти'; *иджэ-* 'пойти' — *иджэбэ-* 'заставить пойти' и т. д.

Заметим, что в отличие от баоанского остальные монгольские языки (например, современный монгольский, бурятский, калмыцкий) имеют следующие особенности образования и употребления глаголов побудительного залога:

1) наличие в этих языках нескольких суффиксов данного залога, ставящихся в зависимости от качества конечного звука основы глагола;

2) постановка названия непосредственного исполнителя действия также и в орудном падеже;

3) возможность образования комбинированных залоговых форм.

В этой связи интересна гипотеза В. Котвича о генезисе некоторых форм побудительного залога в алтайских языках,

образующихся сочетанием соответствующей основы глагола в форме 2-го лица единственного числа и глагола *gekü* 'говорить'. В. Котвич писал: «Такой оборот равнозначен форме образующейся путем присоединения каузативного суффикса к основе глагола: монг. *bičikü* 'писать', *bičigülkü-biči gekü* 'приказать (позволить) написать' = 'сказать: пиши!'⁵⁵.

От других монгольских языков баоаньский отличается тем, что в нем отсутствует отдельно выраженная форма взаимного залога (-*ла*). В нем в единой форме (суффикс *-чи*) совпали по значению два залога — взаимный и совместный. В остальных монгольских языках взаимный залог обозначает взаимонаправленное действие, при котором два или несколько лиц действуют как бы на равных началах. Совместный залог в этих языках указывает на то, что субъект является соучастником в совершении действия. В баоаньском языке мы встречаемся с несколько иным явлением:

1) суффикс *-чи* в зависимости от семантики отправного глагола употребляется или во взаимном или в совместном значении. Ср.: *аву јаджэлэ нэгэ нэгэнэ экэчиджэ* 'мальчики дрались, били друг друга'; *нджасэ бэдабалэ блэдэ нджэ тэчиджэ* 'они встретились с нами на горе';

2) в большинстве случаев глаголы с суффиксом *-чи* начинают действие, совершаемое многими;

3) для передачи указанных значений в баоаньском языке неважно, от основы каких глаголов (переходного или непереходного) образуется данная залоговая форма глагола.

Применительно ко многим другим монгольским языкам тенденция объединения значения взаимного и совместного залогов была обнаружена давно.

Так, еще А. Бобровников обратил внимание на то, что в некоторых глаголах значения взаимного и совместного залогов совпадают⁵⁶.

Следовательно, в баоаньском, как и в дунсянском, в отличие от других монгольских языков, мы можем говорить об общей тенденции к использованию единой формы для двух залогов⁵⁷.

Вообще следует заметить, что категория залога в баоаньском языке представлена слабо. В нем, если не считать взаимного залога, единственно продуктивной формой является форма побудительного залога. Страдательного залога, об-

начающего, что субъект действия подвергается воздействию со стороны, в баоаньском языке нет.

Г. Д. Санжеев высказывал предположение о том, что в монгольских языках от побудительного залога некогда отпочковался страдательный залог⁵⁸. Поэтому не удивительно, что в монгольском языке раннего периода, не имеющем специальной формы для страдательного залога, его функции мог выполнять побудительный залог. С аналогичным явлением мы сталкиваемся в некоторых языках монгольской группы, представленных на территории КНР, — монгорском, дунсянском и баоаньском. В указанных языках нет форм страдательного залога, функции последнего выполняют глаголы действительного или побудительного залога.

Наклонения и времена

Наклонений в баоаньском два: повелительно-желательное и изъявительное.

Повелительно-желательное наклонение обозначает действие, совершение которого должно наступить по воле и инициативе говорящего лица. Здесь имеются в виду не только приказание совершить действие, но также желание и просьба о совершении того или иного действия. Глаголы повелительно-желательного наклонения категорией времени не обладают, так как действия, передаваемые этими глаголами, по своей природе ориентированы на простекание в будущем. Причем эти действия могут относиться или к непосредственно наступающим, или некоторым более или менее отдаленным моментам будущего.

Форма повелительно-желательного наклонения 2-го лица единственного и множественного числа морфологически не разграничена и совпадает с основой глагола. Следовательно, все глаголы 2-го лица имеют повелительно-желательное наклонение по общей для всех монгольских языков норме: *рэ* 'приходи', 'приходите'; *нйтэ* 'играй', 'играйте', *су* 'сиди', 'сидите'. Приведем несколько примеров: *чэ малбэнэ абэдэ вэрбэ дэ* 'передай отцу'; *та махшэ тараң ачэ* 'вы завтра повезите зерно'; *мэнэ аудэ энэнэ тэгэ окэ* (дцз.) 'это не отдавай моему мальчику'; *та нэ хэлэнэ дэбоң гэдэ* 'вы поставьте это на стол'; *чэ тэндэ һджэджэ кэлдэ* (тж.) 'пойди туда и расскажи'; *та энэнэ мэнэ гэгэдэ окэ* (мгр.) 'вы это передайте моему старшему брату'. Примеры показывают, что только формой 2-го лица данного наклонения может быть пе-

⁵⁵ В. Котвич, *Исследование...*, стр. 197.

⁵⁶ Подробнее см. А. Бобровников, *Грамматика монгольско-калмыцкого языка*, Казань, 1849, стр. 127-128.

⁵⁷ Учитывая близость в образовании и семантике форм взаимного залога в баоаньском (суффикс *-чи*) и в остальных монгольских языках (суффикс *-ла*), мы сохраняем за ним наименование «взаимный залог».

⁵⁸ См. Г. Д. Санжеев, *Грамматика бурят-монгольского языка*, М.—Л., 1940, стр. 63.

редана воля, желание, просьба говорящего, непосредственно обращенные к исполнителю этого действия.

Поскольку форма 2-го лица является формой повеления, приказа, обращенной к присутствующему лицу (или лицам), она имеет в виду приказание более категорическое и настоятельное.

Несмотря на то что в образовании глаголов 2-го лица повелительно-желательного наклонения во всех монгольских языках не наблюдается никаких отклонений от общей для этих языков нормы, у них заметны различия в передаче форм числа. В языках дагурском, калмыцком и бурятском, в которых распространены показатели лица и числа, форма 2-го лица (например: *ир*, *яв* и др.) относится только лишь к единственному числу, тогда как во всех остальных монгольских языках — и к единственному, и к множественному числу.

Как уже отмечалось, в баоанском языке довольно часто заимствования глаголов из китайского языка, причем, входя в баоанскую речь, эти глаголы обязательно оформляются грамматическим элементом *-гэ*.

К основам собственно баоанских глаголов этот элемент *-гэ* не может быть присоединен. Подобное явление известно и в дунсянском языке, в котором глаголы, заимствованные из китайского языка, принимают элемент *-ji*, например: *гуа* (кит. 'вешать' — *гуа ji*), *ва* 'копать' — *ва ji* и др. По элементам *-гэ* (в баоанском), *-ji* (в дунсянском) можно определить, что мы имеем дело с глаголами, заимствованными из китайского языка. Как можно видеть, глаголы, заимствуемые из китайского языка, во 2-м лице единственного и множественного числа всегда сохраняют *-гэ*: *пагэ* 'копай', 'копайте' *кайшигэ* 'начинай', 'начинайте'.

Формой пожелания 1-го лица единственного и множественного числа выражается: 1) желание, намерение говорящего совершить какое-нибудь действие и 2) обращение, призыв к 2-му лицу принять участие в совершении действия. В этом случае форма обращения произносится с особой, повелительной интонацией. Нужно отметить, что в зависимости от числа действующих лиц данная форма глагола получает несколько иной оттенок значения. Форма пожелания 1-го лица образуется при помощи суффикса *-jэ*. Примеры: *мангэ базардэ жу* 'поедемте мы в город'; *мангэ ханэ ча жуэ* 'мы все выпьем чай'; *бэ кундэ мэсгу хайэ* 'я сошью сыну одежду'; *бэ кэтэ харэжэ* (дцз.) 'сейчас я вернусь домой'; *чэ сэ идэр мангэ жуэ* 'если ты не устал, пойдем'; *бэ лусэ нэгэ асхэ* (тж.) 'я куплю одного мула'; *мангэ да асхэя* 'мы сейчас спросим'; *чэ рэтэла бэ вабаја* (тмгр.) 'пока ты вернешься, я постираю'.

Форма пожелания 3-го лица, образуемая от основы глагола присоединением суффикса *-гэ*, выражает пожелание, чтобы действие было совершено третьим лицом. Используя эту форму 3-го лица глагола повелительно-желательного наклонения, говорящий обращается непосредственно не к тому лицу, которое должно совершать это действие, а передает это пожелание, повеление через посредство второго лица, т. е. собеседника. Примеры: *нджаң нохаңгэ рэгэ* 'пусть он придет сюда'; *нджаң мбуинэ алэгэ* (дцз.) 'пусть он убьет змею'; *нджаң нджэсэ нджэсэ* 'если он уходит, пусть уходит'; *чэ годжэ рэ, мэчэ куң тэгэ рэгэ* (тж.) 'ты сам приходи, другой пусть не приходит'; *нджаңдэ вэсоң бадэбагэ* (тмгр.) 'пусть заставят его накосить сена'.

Форма пожелания (суффикс *-сэ*) служит для выражения действия, исполнение которого говорящий считает желательным. Эта форма иногда передает готовность оказать какую-либо услугу, помочь при совершении того или иного действия. Таким образом, исполнение желания рассматривается только как предполагаемое. Ср. примеры из дахэцзянского говора: *бэ нджигэ дэбоңсэ энэ ачаңгэ субасэ, чэ гар ноңдэ абджи шджэ* 'я бы снял выюк с осла, а ты бы его внес в дом'; *бэ мэсгунэ буасэ* 'я выстирала бы одежду'; *чэ нджаңдэ шингэ пэджэсэ* 'написал бы ему письмо'; *нджасэ асоңлэнэ сэласэ* 'если бы она наполнила скот'; *нджасэ вэсоң бадэсэ* 'когда бы они скосили сено'; *аву јаджэ мангэ һамтэ нйтэсэ* 'если бы мальчик поиграл вместе с нами'.

Должно отметить, что такие формы глаголов повелительно-желательного наклонения, как *-аарай*, *-аач*, *-гтун* (по гармонии гласных), передающие обращение ко 2-му лицу с соответствующими им оттенками значения, по-видимому, неупотребляемы в баоанском языке. Ни одна из них не зафиксирована в собранных нами материалах. В этом отношении баоанский язык сближается с языками монгольским, дунсянским, в которых также отсутствуют указанные формы повелительно-желательного наклонения.

В заключение приведем формы глаголов повелительно-желательного наклонения:

Наименование форм	Суффиксы	Примеры
1-е л.	-jэ (основа)	<i>һамэрајэ</i> <i>һамэра</i> <i>һамэрагэ</i>
2-е л.		
3-е л.		
Форма пожелания для всех лиц	-сэ	<i>һамэрасэ</i>

Изывительное наклонение служит для простой констатации, утверждения или отрицания того, что действие соверше-

но в настоящем, прошедшем или будет происходить в будущем. Если действия, выражаемые глаголами повелительного, желательного наклонения, всегда ориентированы на будущее (ближайшее или отдаленное), то в глаголах изъявительного наклонения они точно определены во времени.

В баоанском языке в зависимости от момента высказывания различаются три времени: настоящее, будущее и прошедшее.

Настоящее время обозначает действие, совершающееся в момент высказывания, и образуется присоединением к основе глагола суффиксов *-джі* или *-джо*: *тарэ-* 'сажать' — *бэ тарэджі* 'я сажаю', *чэ тарэджо* 'ты сажаешь', *нджаң тарэджо* 'он сажает'; *вар-* 'заканчивать', 'находить' — *бэдэ варджі* 'мы заканчиваем', *та варджо* 'вы заканчиваете', *нджасэ варджо* 'они заканчивают'.

В некоторых других монгольских языках, например в современном монгольском и калмыцком, существует единая форма настоящего и будущего времен *-на* (по гармонии гласных). Точное время действия возможно уловить лишь из соответствующего контекста, из наличия или отсутствия в предложении разного рода обстоятельств времени. Когда же необходимо особо подчеркнуть, что то или другое действие происходит именно в данный момент, то употребляется составной глагол: основной глагол ставится в форме соединительного деепричастия, а вспомогательный — в настоящее-будущем времени: *тэр зогсож байна* 'он стоит'; *би дахиж байна* 'я следую', *бид олж байна* 'мы находим'.

Применительно к баоанскому языку можно говорить об общей тенденции употребления форм составных глаголов (установления точности момента совершения действия) и отсутствия простой формы глаголов настоящего времени. Если, например, в современном монгольском и калмыцком языках наряду с рассматриваемыми образованиями составных глаголов (деепричастие на *-ж* + вспомогательный глагол) широко распространена форма настоящего-будущего времени на *-на*, в баоанском последняя форма не встречается.

В баоанском языке мы встречаемся с интересным явлением — разграничением глаголов настоящего времени по лицам.

В настоящем времени различаются формы трех лиц единственного и множественного числа. Постановка того или иного суффикса зависит здесь от действующего лица:

а) если речь идет о действии, относящемся к 1-му лицу обоих чисел, то встречается суффикс *-джі*;

б) если же речь идет о действии, относящемся ко 2-му или 3-му лицу единственного или множественного числа, употребляется суффикс *-джо*, например:

Единственное число

Множественное число

<i>бэ суджі</i> 'я сижу'	<i>бэдэ суджі</i> 'мы сидим'
<i>чэ суджо</i> 'ты сидишь'	<i>та суджо</i> 'вы сидите'
<i>нджаң суджо</i> 'он сидит'	<i>нджасэ суджо</i> 'они сидят'

Здесь изменение гласных в суффиксе глагола настоящего времени служит грамматическим средством — показателем того, кто является действующим лицом. Эти формы глаголов широко распространены в баоанском языке; в монгольском им соответствуют *-ни*, *-на*. Во всех остальных монгольских языках они отсутствуют. Так, например, в современном монгольском языке в изъявительных формах глаголов нет особых личных показателей — любая из форм глагола (настояще-будущего и прошедшего времен) будет относиться к любому из трех лиц обоих чисел. Данные формы будут указывать лишь на время совершения действия, а не на действующее лицо.

Несколько иначе обстоит дело в языках дагурском, бурятском и калмыцком. В отличие от других монгольских языков в них при глаголах изъявительного наклонения употребительны лично-предикативные показатели местоименного происхождения. Ср. *-би*, *-ши* (даг.), *-б*, *-м*, *-ш* (бур.), *-в*, *-ч* (калм.) — для единственного числа; *-бā*, *-тā* (даг.), *-бдл*, *-т* (бур.), *-вдн*, *-т* (калм.) — для множественного числа. Эти показатели предикативности получили широкое распространение и употребление; без них нельзя образовать формы глаголов изъявительного наклонения 1-го и 2-го лица обоих чисел. Следовательно, до сих пор в монгольских языках мы сталкивались с лично-предикативными показателями местоименного происхождения. При этом лично-предикативные показатели не составляют свойства лишь одних глагольных форм, они оформляют все части речи, выступающие в роли сказуемого.

Существенным для баоанского языка является то, что суффиксы глаголов настоящего времени изъявительного наклонения являются сложными — со вторым компонентом глагольного происхождения:

	Суффикс	Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>-джі</i>	<i>бэ јуджі</i> 'я иду'	<i>бэдэ јуджі</i> 'мы идем'
2-е л.	<i>-джо</i>	<i>чэ јуджо</i> 'ты идешь'	<i>та јуджо</i> 'вы идете'
3-е л.		<i>нджаң јуджо</i> 'он идет'	<i>нджасэ јуджо</i> 'они идут'

Форма настоящего времени состоит из соединительного деепричастия на *-джі* данного глагола и основы вспомогательного глагола со значением «есть», «имеется». Примеры:

нйтэджі (соединительное деепричастие от глагола *нйтэ* 'играть') + *ji* (~*i*) > *нйтэджі* (глагол настоящего времени 1-го лица обоих чисел); *нйтэджі* + *о* > *нйтэджэ* (глагол настоящего времени 2-го или 3-го лица обоих чисел).

Вспомогательный глагол со значением «есть», «имеется» встречается в баоанском языке в нескольких вариантах, т. е. в виде *vi*, *ji* (~*i*), *va*, *o*. Возможно, что разнообразие вариантов этого глагола в данном языке связано с его использованием в качестве обязательного компонента сложного суффикса или самостоятельного сказуемого с учетом действующего лица. При этом с глаголами-предикатами употребляются лица *i* и *o*. Можно высказать предположение о том, что *i* и *o* само себе представляют самостоятельную форму настоящего времени. Различная огласовка суффиксов, подобная той, которую мы имеем в баоанском, встречается и в некоторых других монгольских языках, вообще богатых архаическими чертами. Таким образом, это явление можно считать возникшим на монгольской почве, хотя оно не представляется для нас до конца ясным.

Однако разграничение глаголов настоящего времени лицам могло происходить и под влиянием других языков, представителями которых общались баоань. Здесь можно отметить случай употребления связок в тибетском языке.

Ю. Н. Рерих указывал, что для современного тибетского языка характерны развернутые формы глаголов настоящего времени, образуемые посредством падежных частиц и связок. Он писал: «Личного спряжения в тибетской грамматике нет, хотя в современном языке намечается стремление обозначить лицо при помощи связок: *на дро-ги-јо* 'я иду'; *кхо дро-ги* 'он идет'»⁹. Существенным моментом здесь является то, что в первом предложении, где речь идет о первом лице действия, употреблена связка *јо*, а во втором, где речь о третьем лице — связка *ду*. Связка *ду* в равной степени может употребляться и ко второму лицу. Все эти формы составных глаголов в баоанском и тибетском языках связаны между собой благодаря наличию в них глагола-связки, указывающего действующее лицо. В баоанском же этот глагол-связка в позиции после деепричастной формы отпавшего глагола ослабляется до положения форматива, указывающего на время и лицо.

Аналогичное явление наблюдается и в монгольском языке. Правда, в нем мы имеем в настоящем времени суффиксы *-на* (для 1-го лица обоих чисел) и *-на* (для 2-го и 3-го лица обоих чисел): *бу гулені* 'я говорю', *чи гулена* 'ты говоришь', *гулена* 'он говорит'; *будангула орні* 'мы входим', *танг*

орона 'вы входите', *несге орона* 'они входят'. Подобное разграничение глаголов по лицам намечается и в прошедшем времени: суффикс *-джи* — для 1-го лица обоих чисел, *-джа* — для 2-го и 3-го лица обоих чисел.

Следует обратить внимание на образование настоящего времени глагола и в дунсянском языке. В дунсянском глагол настоящего времени передается формой *-джывэ*, состоящей из суффикса соединительного деепричастия *-джи* и связки *вэ* (>*вэі*). Однако в дунсянском данный суффикс глагола настоящего времени не содержит в себе указания на действующее лицо — во всех трех лицах обоих чисел будет встречаться форма глагола с одним и тем же суффиксом *-джывэ*: *бі јавуджывэ* 'я иду', *чы јавуджывэ* 'ты идешь', *һэ јавуджывэ* 'он идет'.

Особо следует сказать о глаголах настоящего времени в дагурском языке. В нем глаголы настоящего времени изъявительного наклонения образуются посредством суффикса *-бэі*: *ба даудабэіба* 'мы зовем', *ші даудабэіші* 'ты зовешь', *аи даудэібі* 'они зовут'. Когда необходимо передать значение конкретного настоящего времени, употребляется сложный суффикс *-джаба*, состоящий из суффикса соединительного деепричастия *-джи* и вспомогательного глагола настоящего-будущего времени *а*- 'быть', например: *хасб-* 'спрашивать' — *хасбджабэі* 'спрашивает'.

Изложенное выше можно суммировать в табл. 9.

Будущее время выражает действие, которое будет совершаться после момента высказывания. Оно образуется от основы глагола присоединением одного из двух суффиксов: *-м* или *-нэ*.

Глаголы с суффиксом *-м* более употребительны. Примеры: *чэ су, нджаң рэм* 'ты посиди, он придет'; *бэдэ јусаңбалэ танім* 'мы познакомимся с уехавшим' *бэ энэ гачэ лэ мэдэм* (дцэ.) 'я не пойму этих слов'; *нудэ һджэсэ нджаң дэрэм* 'если он поедет сегодня, то замерзнет', *мангэ мохшэ хонэ джарэм* (тж.) 'завтра мы зарежем овцу'.

Круг глаголов, употребляемых с суффиксом *-нэ*, более ограничен. В основном это глаголы такого типа, как *мэдэ* 'понимать', *тани* 'узнавать', *лә* 'плакать'; *ногэ тэ пэджэг лэ мэдэнэ* 'он не усвоит тибетского письма'; *нджаң лэгэнэ* (тж.) 'он будет работать'; *шджібаң агу да лэ лана* (тмгр.) 'маленькая девочка теперь не будет плакать'.

Мы уже говорили об использовании единой формы на *-на* для передачи настоящего-будущего времени глаголов в современном монгольском и калмыцком языках. Разграничение форм настоящего и будущего времен достаточно четко лишь в языках баоанском, монгольском и дунсянском.

⁹ Ю. Н. Рерих. *Тибетский язык*, М., 1961, стр. 81.

Языки	Суффиксы глаголов настоящего времени	Лицо	Число	Показатели лица и числа	Примеры
Баоаньский	-джі	1-е	ед. и мн.	-і	бэ бэдэ } <i>јуджі</i>
	-джо	2-е, 3-е	ед. и мн.	-о	чэ, та нджаң, нджасэ } <i>јуджо</i>
Монгорский	-ні	1-е	ед. и мн.	-і	бу, будангула јүні
	-на	2-е, 3-е	ед. и мн.	-а	чи, тасге } <i>јуна</i> те
Дагурский	-бэй	1-е	ед.	-б'і	б'і јаубэйб'і
			мн.	-ба	ба јаубэйба
		2-е	ед.	ш'і	ш'і јаубэйш'і
			мн.	-тā	тā јаубэйтā
Калмыцкий	-нā	1-е	ед.	-в	бі јовнāв
			мн.	-вдн	бідн јовнāвдн
		2-е	ед.	-ч	чі јовнāч
			мн.	-т	та јовнāт
Бурятский	-нā	1-е	ед.	-б	бі јабнāб
			мн.	-бдi	бідэ јабнāбдi
		2-е	ед.	-ш	ші јабнāш
			мн.	-т	та јабнāт

Языки	Суффиксы глаголов настоящего времени	Лицо	Число	Показатели лица и числа	Примеры
Дунсянский	-джывэ	1-е, 2-е, 3-е	ед. и мн.		бі біджэн чы, та, нэ, нэла } <i>јауджывэ</i>
Современный монгольский	-нā	1-е, 2-е, 3-е	ед. и мн.		бі, бідэ } <i>јавнā</i> чи, та, тэрэ, тэдэ

Примечание: 1) если в языках дагурском, калмыцком, бурятском и современном монгольском возможно образование глаголов настоящего времени и без посредства формы соединительного деепричастия с вспомогательным глаголом, то в дунсянском и баоаньском языках эта возможность исключается; 2) в то время как в калмыцком и дагурском языках распространена сращенная форма (соединительное деепричастие + вспомогательный глагол.), например: калм *јовжāх*, даг. *јауджгү*, в современном монгольском и бурятском отдельно встречаются формы двух глаголов (типа *јавж бйх*); 3) в монгорском языке в настоящем времени глаголы используются лишь суффиксы *-ні* и *-на*, также ставящиеся в зависимости от действующего лица; 4) из таблицы видно, что показатели лица дагурского и бурятского — местного происхождения; в калмыцком — глагольного; 5) особняком стоит монгорский язык. В нем отсутствует сложная глагольная форма (суффикс соединительного деепричастия + вспомогательный глагол).

Несколько слов о территориальном распространении форм будущего времени. Как самостоятельные формы, глаголы на *-м* и *-нэ* составляют принадлежность монгольских языков, распространенных в провинциях Цинхай и Ганьсу. В этих языках образование глаголов будущего времени идет своим путем, обособленным от остальных монгольских языков. Показателен в этом отношении баоаньский язык, сохранивший два самостоятельных суффикса будущего времени: *-м* и *-нэ*. Наличием суффикса *-м* он сближается с монгольским письменным монгорским (диалект хуцзу) языками, тогда как употреблением суффикса *-нэ* — с дунсянским языком. Следует учесть, что *-тш* (*-ти*, *-т*) в монгольском письменном является суффиксом глагола настоящего-будущего времени, тогда как *-м* в баоаньском и монгорском языках — суффиксом будущего времени. Следовательно, в баоаньском и монгорском языках

за формой -м закрепилось значение только будущего времени.

Г. И. Рамstedт писал, что *-туй* (*-ти*, *-т*) монгольского письменного языка выступает как окончание настоящего времени изъявительного наклонения. По Рамstedту *-туй* «представляет собой специфическую форму на *-т* с удлинением гласного, существовавшую еще в древнем языке и употребляющуюся в тех случаях, когда имя выполняло в предложении функцию сказуемого»⁶⁰.

При этом Г. И. Рамstedт замечал, что настоящее время на *-туй*, *-ти* «в современных диалектах не употребляется только язык монголов Западного Ганьсу (монгор) да еще в некоторые единичные малоизученные языковые островки являются его хранителями...»⁶¹.

И действительно, лишь баоаньский и монгорский языки сохранили суффикс *-м* в первоначальном, «чистом» виде тогда как в других монгольских языках он не зарегистрирован. Это заставляет связать данную форму на *-м* с формами на *-туй* (*-ти*, *-т*) и признать их общими по происхождению. Лишь в процессе развития указанных языков эти формы дифференцировались: *-туй* продолжала функционировать как суффикс глаголов настоящего-будущего времени изъявительного наклонения в монгольском письменном и в языке памятников XIII—XIV вв., а *-м* стало употребляться как показатель глаголов будущего времени в монгорском и баоаньском языках. Территория распространения формы на *-м* действительно совпадает с очерченными выше Г. И. Рамstedтом пунктами.

Прошедшее время выражает действие, которое кончилось в прошлом, до момента высказывания (I прошедшее), а также давно происходившее действие (II прошедшее).

I прошедшее время образуется при помощи суффикса (*~во*): *мэдэ* 'знать'—*мэдэ* 'знал'; *кэлэ* 'говорить'—*кэлэ* 'говорил'; *у* 'пить'—*у-о* (*~уво*) 'пил'. Примеры показывают, что при присоединении суффикса *-о* к основе глагола, оканчивающейся на гласный *э*, этот конечный гласный выпадает: *рэ* 'приходить'—*рэ+о*>*ро* 'пришел'; *кэлэ* 'говорить'—*кэлэ+о*>*кэло* 'сказал' и т. д. Основы глаголов, оканчивающихся на другие гласные, кроме *э*, этому правилу не подчиняются: *сү* 'сидеть'—*сү+о*>*сү-о* 'сидел'.

Приведем несколько примеров: *абэ рэдэси јаджэвалэ то* 'отец вернулся, поиграл с ребенком'; *нджаңнэ окэң бзданэ нохаң ро* 'пришла сюда его младшая сестра'; *шинэ мэсгу хэ-о* 'мальчику сшили новую одежду'; *нд*

амэбалэ јудэ (дцз.) 'он ушел с матерью'; *бэ нджаңнэ аунэ ндјэбэдэ* (тж.) 'я услал его сына'; *нджаң абэдэнэ кэлдо* (тмгр.) 'он сказал его отцу'.

Как можно видеть из примеров, I прошедшее время выражает результат совершенного самим предметом действия, как уже готовый, данный.

Баоаньский суффикс *-о* (*~во*) соответствует в остальных монгольских языках суффиксу *-в* (*~ва*): совр. монг. *ирэв* калм. *ирв*, мгр. *гулева* 'говорил'; дунс. *мэдјіэвэ* 'знал'; ж. у. *орува* 'пошел [дождь]', бур. *оробо* 'вошел'.

В этом отношении особняком стоит дагурский язык. В нем суффиксом *-бэй* оформляется глагол настоящее-будущего, а не прошедшего времени.

Г. И. Рамstedт указывал, что «в дагурском диалекте значение этого суффикса настолько изменилось, что образования с ним глагольная форма выражает также и настоящее совершенное время»⁶². «Это явление,— писал он,— возможно, должно быть объяснено более поздним тунгусским словоупотреблением и прежде всего — влиянием солодского языка: *те-дегвей* 'знал—знает', *игвей* 'дал—дает'»⁶³.

II прошедшее время, выражая давно происходившее действие, образуется при помощи суффикса *-дјэ*: *лэ* 'плакать'—*лэдјэ* 'плакал'; *мартэ* 'забывать'—*мартэдјэ* 'забыл'; *ндэлэ* 'резать'—*ндэлэдјэ* 'резал' и др.

Суффикс *-дјэ* изредка чередуется с *-чэ*. Ср. несколько примеров: *амэ бадэ хадјэ* 'мать вышла на улицу'; *энэ куң хдло ндэвэ рэдјэ* 'этот человек пришел из отдаленного селения'; *ханэ вадјірсэ јучэ* 'все ушли с поля'; *сэ мэ-нэ эбдэгдэ куңчэ* (дцз.) 'вода дошла до моих колен'; *нджаң вградэ нтэрдјэ* 'он промок от дождя'; *ндјасэ гудэ јудэ-дјэ* (тж.) 'они вчера ушли'.

Из всех монгольских языков только в монгорском языке встречаются суффиксы прошедшего времени *-дјі*, *-дја*, ставящийся в зависимости от лица субъекта действия. Баоаньский *-дјэ* соответствует современному монгольскому *-жээ*, калмыцкому *-ж*, монгорским *-дјі* и *-дја*. В остальных монгольских языках — дунсянском, дагурском и в языке желтых уйгуров они отсутствуют.

Прошедшее время на *-лаа*, выражающее законченное действие, отсутствует в языках, распространенных в провинциях Цинхай и Ганьсу, — в монгорском, дунсянском, баоаньском и желтых уйгуров. В дагурском языке *-лэ* представляет основную форму прошедшего времени, тогда как в остальных язы-

⁶⁰ Г. И. Рамstedт, *Введение...*, стр. 104.

⁶¹ Там же, стр. 105.

⁶² Там же, стр. 122.

⁶³ Там же, стр. 122—123.

ках она существует параллельно с другими показателями прошедшего времени.

Для баоаньского, как и для остальных монгольских языков, характерна та особенность, что каждая определенная группа глагольных форм располагает только ей присущей частицей отглаголия. Причем эти частицы всегда препозитивны.

С глаголами изъявительного наклонения употребительны две частицы — *лэ* и *сэ*.

Частица *лэ* (ср. монг. письм. *ий*, даг. *ул*, мгр. *л*, дун. *улэ*, совр. монг. *ул*) употребляется при глаголах будущего времени: *бэ идэрсэдэ лэ хамэрам* 'хотя я устал, не стану отдыхать'; *бэ нэ каң видэ лэ кэлэм* (тж.) 'я об этом никогда не скажу'; *нджасэнэ каң видэнэ лэ танінэ* (дцз.) 'он никогда из них не узнает'; *нджасэ энэнэ мандэ лэ окэна* 'этого с нам не дадут'; *буда энэнэ лэ абэм* (тмгр.) 'мы это не купим'.

Частица *сэ* (ср. монг. письм. *есе*, даг. *сэ*, мгр. *сэ*, дун. *эсэ*, совр. монг., калм. *эс*) применяется при глаголах прошедшего времени: *нджасэ нэгэ сэ олджэ* 'они его не нашли'; *аэ нэгэлэнэ сэ урджэ* (дцз.) 'старшая сестра их не пришла'; *бэ тэроң вэтэд жи сэ ро* 'я не пришел, так как голова'; *бэ нджанэ сэ таниджэ* (тж.) 'я его не узнал'; *бура оҗджі бэ сэ ро* (тмгр.) 'я не пришел из-за дождя'.

Приведем таблицу суффиксов изъявительного наклонения (табл. 10).

Таблица 10

Время	Лицо	Суффикс	Примеры
Настоящее	1-е	-джі	<i>рэджі</i>
	2-е, 3-е	-джо	<i>рэджо</i>
Будущее	1-е, 2-е, 3-е	-м, -нэ	<i>рэм, рэнэ</i>
Прошедшее	1-е, 2-е, 3-е	-о (-во)	<i>ро</i>
		-джэ	<i>рэджэ</i>

Глагол *ві* [*ji(i), va, o*]

Глагол *ві* (с его вариантами), по-видимому, близок к голыской письменной форме причастия *виі* 'сущий'.

В баоаньском языке глагол *ві* в начальной форме, следовательно, с именной частью составного сказуемого, показывает,

передаваемое составным сказуемым действие локализуется в настоящем времени. В отличие от глагола-связки в других монгольских языках, в частности от глагола-связки *бай-* 'есть', глагол *ві* не имеет изъявительных форм.

Можно предположить, что разнообразие вариантов данного глагола-связки объяснимо его использованием в составе именного и причастного сказуемого с учетом действующего лица. В некоторых случаях с подлежащим, передаваемым местоимением 1-го лица обоих чисел, употребляется глагол *ві* (~ *ji*), а с подлежащим, выражаемым местоимением 2-го или 3-го лица обоих чисел, — тот же глагол в виде *ва* (~ *o*). Ср. примеры: *бэ Бэджіңдэ һджэсаң ві* 'я ездил в Пекин'; *энэ саңэ јахса ва* 'эта местность красива'.

Однако следует оговорить, что подобное разграничение по лицам не выдерживается до конца. В собранных нами лично и баоаньской экспедиционной группой материалах мы сталкиваемся с факультативным (в смысле обозначения лица действия) употреблением глагола *ві* [*ji(i), va, o*]: *бэдэ энэ саңэ дэ јусаң ві* 'мы ходили по этим местам'; *энэнэ бэ гэсаң о* 'это я положил'; *энэ нджанэ годжэнэ мэсу ва* 'это одежда — его (самого) одежда'; *нджасэ гунзо кэджі танэ саң ва* (дцз.) 'он работает лучше вас'; *тэлэ ши нэтэчон јі* 'они — артисты'; *һанисэ мэлэ рэсаң чэ о* 'пришедшим раньше всех оказался ты'; *нідэ асоң ві* 'у меня есть скот'; *тэ імаң дугэ о* (тж.) 'та коза — младшего брата'.

Как можно видеть, при употреблении *ві* (*ji, va, o*) с причастием прошедшего времени время действия определяется причастной формой.

Наши зафиксированы лишь следующие формы глагола *ві* (табл. 11).

Таблица 11

Настоящее время глагола	Причастие			Деепричастие		
	настоящего времени	будущего времени	прошедшего времени	условное	уступительное	предварительное
<i>ві</i>	<i>вічоң</i>	<i>вігу</i>	<i>вісаң</i>	<i>вісэ</i>	<i>вісэдэ</i>	<i>вігума</i>
<i>јі</i>	—	—	—	(<i>јісэ</i>)	(<i>јісэдэ</i>)	—
<i>ва</i>	—	—	—	—	—	—
<i>о</i>	—	—	—	—	—	—

Приведем примеры из разных говоров.

Дахэцзяский: *нэдэ бэджібэң ду ві* 'у меня есть маленький брат'; *энэ фэнэ вігу талаң* 'это — дымящиеся дрова'; *бада кітаң вісэдэ гар ноңдэ хулуң ва* 'хотя на улице хо-

лодно, но в доме тепло'; *хулуң вігума халэ јудэ* 'как только настает тепло, все уезжают'; *гар ноңдэ заң* (кит. *цзэң јисэ нэгэ шірде* 'если в доме грязно, то подмети'; *нохаң ташэ гарлэ чоң ва* 'здесь мало каменных домов'; *нджас шу оншэджі манээ наму о* 'они читают книгу медленнее, чем мы'.

Тунжэньский: *бэ Лабраңдэ нджэсаң ві* 'я ходил в Лабран'; *ногэ сэр вічоң куң* 'он человек, имеющий деньги'; *на нан тан вісаң* 'здесь была равнина'; *јантэң чоң јисэдэ твараң ві* 'самое меньшее — есть 50 штук'; *шілаң гэгэң* 'вечером светло'; *нджаң манээ јуджі бордон о* 'он ходит быстрее нас'; *энэ аву холэджі бордоң ва* 'этот мальчик бежит быстро';

гэгэ нджаңса ондэр ва (тмгр.) 'старший брат выше [ростом]'.

Табл. 10 и примеры показывают, что:

1) глагол «есть», застывший в виде *ві* (*јі, ва, о*), воспринимается как глагол-связка настоящего времени лишь в составных сказуемых со знаменательным компонентом, выделенным именными частями речи (существительным, прилагательным, числительным или местоимением);

2) глагол-связка *ві* (и его варианты), являясь компонентом причастного сказуемого, несет чисто служебную функцию. Время действия сказуемого определяется в этом случае временем причастной формы;

3) *ва* и *о* существуют лишь в этой форме, не образуя других. Взятые сами по себе, они употребляются в качестве связки настоящего времени;

4) в отличие от других монгольских языков в баоаньском глагол-связка *ві* не сочетается с деепричастной формой, следовательно, не принимает участия в образовании глагольного составного сказуемого. Нами не были зафиксированы примеры на этот тип сказуемого.

Глагол *да-* 'мочь', 'быть в состоянии'

Следует отдельно остановиться на обороте с глаголом *да-* 'мочь', используемым для придания значению основному глаголу оттенка модальности. Данный глагол в баоаньском не имеет самостоятельного употребления; он присоединяется к «чистой» основе отглагольного глагола: *рэ-* 'приходить' + 'мочь' > *рэдэ-*. Ср. калм.: *ке-* 'делать', *чадэ-* 'мочь' > *чадэ-* 'может делать'. В калмыцком языке аффриката *ж* перед первым глаголом в потоке речи закономерно выпадает перед начальной аффрикатой следующего глагола: *кеж* + *на* > *кечаднэ*.

Подобное явление наблюдается и в баоаньском языке. В нем суффикс соединительного деепричастия, начинающийся на аффрикату, и первый слог следующего за ним глагола, также начинающийся на аффрикату, как бы взаимно друг друга поглощают, объединив в одно слово основу первого и конец второго глагола: *вэр-* 'держать' — *варджі* (соединительное деепричастие) + *дэ-* 'мочь' (<*бидэ-*> *вэрдэ-* 'может держать'. Примеры: *чэ нохаң рэдэгу мбу?* (дцз.) 'можешь ли ты приехать сюда?'; *хар халгэдэ сэ ајібэнэ вэрдэго мбу?* 'сможешь ли ты удержать на ладони чашку с водой?'; *чэ пэджэдэму?* 'можешь ли ты написать?'; *чэ нэнэ вэлэдэгэ хо* (тж.) 'это не сможешь взвалить на спину'.

Причастие

В баоаньском языке известны три формы причастия: настоящего, будущего и прошедшего времени.

Причастие настоящего времени выражает действие настоящее, совершающееся в данный момент, а также свойство или качество, присущее данному субъекту. Это причастие — единственная глагольная форма, которая, употребляясь субстантивно, служит средством образования отглагольных имен деятеля. Оно образуется от основы глагола при помощи суффикса *-чоң*, например: *мэдэ-* 'знать' — *мэдэчоң* 'знающий', 'знаток'; *рэдэбэ-* 'охотиться' — *рэдэбэчоң* 'охотящийся', 'охотник'; *сэрэбэ-* 'учить' — *сэрэбэчоң* 'учащий', 'учитель'; *лэ-* 'плакать' — *лэчоң* 'плачущий', 'плакса'.

Причастия настоящего времени могут выступать в функции различных членов предложения: *нджаң саң рэдэбэчоңгэ о* 'он является хорошим охотником'; *нджаңнэ куң хонэ адалмоң* 'его сын — пастух овец'; *бэдэ лэчоң јаджэнэ хардэ тэрэдо* 'мы взяли на руки плачущего ребенка'; *бадэ морэ тобэчоңнэ* 'урэ' 'позови того, кто на улице седлает (букв. 'седлающего') коня'; *энэнэ алмаң тубэчоң бэдандэ окэ* (дцз.) 'это дали нам те, кто собирает (букв. 'собирающие') груши'; *нэ ндаң сабэчоң нэбуі* 'это собака, стерегущая дверь'; *мэрэ бэраң судалмоң куң* (тж.) 'человек, ведущий трех коней'; *сэрэчоң амбібала* (кит. *ияньби*) *пэджэдэшо* 'учащийся пишет карандашом'; *вэсоң бадэчоң рэдэ* (тмгр.) 'пришел косарь' (букв. 'кошащий сено').

Баоаньский суффикс *-чоң* соответствует общему для всех монгольских языков суффиксу *-гчй*, который вслед за А. Бобровниковым⁶⁴ именуют суффиксом однократного причастия.

⁶⁴ А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 136.

В остальных монгольских языках, кроме баоаньского, дунгурского, монгорского и дунсянского, существует и причастие многократное, выражающее такое действие, которое является обычным, постоянным. Ср.: совр. монг. *явдаг*, бур. *я ад* калм. *йедг*, в языке желтых уйгуров *јаедг* — 'идуши имеющий обычное действие идти'.

Причастие будущего времени обозначает действие, которое должно совершиться в будущем. Это причастие образуется от основы глагола посредством присоединения суффикса *-гу* (в тунжэньском говоре *-го*): *су-* 'сидеть', 'жить'; *сугу* 'сядет', 'собирающийся сидеть'; *дэр-* 'замерзнуть' — *дэгу* 'замерзнет', 'подлежащий замерзанию'; *рэ-* 'приходить'; *рэгу* 'придет', 'собирающийся прийти' и др. Ср. примеры: *нджасэ нхаң рэгу куңлэнэ сабэджэ* (дцз.) 'они ожидают людей, собирающихся сегодня приехать'; *мохшэ Сэла нджэго куң қаң ј?* 'кто тот, который собирается завтра ехать в Синин?'; *чадэ кэлго гачэ ву?* (тж.) 'имеешь ли что сказать?'

Следует отметить, что причастия будущего времени баоаньском языке в зависимости от выполняемой функции в предложении имеют различные варианты суффикса.

Причастия с суффиксом *-гу* (тж. *-го*) встречаются в основном в функции определений, а также различного рода дополнений. Примеры: *дэргусэ айджі нджаң сэ ро* 'он не пришел так как побоялся холода'; *нджаң рэгудэ чэ тэрачэ* (дцз.) 'когда он приходил, ты спал'; *хэңгэрэ суджигунэ осэба* (тж.) 'заставьте подняться лежащего'; *тэхэңдэ чинаджигонэ гэ* 'достань то, что варится в котле'; *тэ лаго шаджэ* (тж.) 'тот — мальчик, который заплачет'. В этих примерах причастия будущего времени стоят в различных падежах.

Однако причастие будущего времени широко используется в предикативной функции, оформляется разными вариантами суффикса. В этом случае суффикс *-гу* в зависимости от стоящего лица меняет свою огласовку: с подлежащим в 1-м лице обоих чисел употребляется *-гі*, а с подлежащим во 2-м или в 3-м лице обоих чисел — *-го*: *нджэгу* 'собирающийся сидеть' — *бэ* (эдэ) *нджэгі* 'я (мы) увижу', *чэ* (та, ндэ) *нджасэ* *нджэго* 'ты (вы, он, они) увидишь'. Причастия в 2-м и 3-м лице в предикативной функции приближаются по значению к глаголу будущего времени изъявительного наклонения, обозначая действие, которое должно совершиться в будущем.

Примеры причастия будущего времени на *-гі* (с подлежащим — местоимением 1-го лица единственного и множественного числа): *бэ энэ махшэ этэлджі лэгэгі* 'я собираюсь делать завтра утром'; *бэ чэнэ таңлэ хоро олтэла бу* 'я посижу у тебя допоздна'; *бэдэ шилаң нджасэнэ нохаң*

'вечером мы их пригласим сюда', *бэ часэңбалэ нятэгі* 'я собираюсь поиграть снежком'; *бэ мэңшудэ һандэрлэ шджэгі* 'я собираюсь идти, чтобы покататься на льду'; *мангэ чинаджі* 'я собираюсь вернуться послезавтра'; *бэ моххарэгі* (дцз.) 'мы собираемся вернуться послезавтра'; *бэдэ сэ шэсэ лэгэгі* 'я намерен работать с завтрашнего дня'; *бэдэ сэ лэгэтэлэ тэ ндэвадэ һджэгі* 'чем нам быть без дела, лучше поехать в ту деревню'; *мохшэ чабсоң сэ орсэ бэ һджэгі* (тж.) 'если завтра не будет снега, я пойду'; *бэ морэ фунэгі* (тмгр.) 'я поеду верхом'.

Примеры причастия будущего времени на *-го* (с подлежащим во 2-м и 3-м лице единственного и множественного числа): *чэ мохшэ сэраго* 'ты будешь учиться завтра'; *нджаң (~нджаңдэ) мохшэ дэрго* 'он завтра замерзнет'; *чэ да ологго* 'ты теперь проголодаешься'; *нджаң вэсоң бадэго* (тж.) 'он будет косить сено'; *чэ да ју, нджасэ хуинэ југо* 'ты иди сейчас, а мы пойдем потом'; *нбуи хэчагума нджасэ харджі нджэго* 'как только залает собака, они выйдут смотреть'; *та нджаңдэ сэрабэджі окэго* 'вы научите их'; *нджаң махшэ тарэго* (дцз.) 'он будет сеять завтра'.

Иногда в предложениях с причастием будущего времени на *-гі* может отсутствовать отдельное выражаемое подлежащее, оно подразумевается: *нджаң надэ окэсэ јаңнэ кэлгі?* 'что [я] скажу, если он мне даст?'; *сэр гисэ јаңбалэ абгі?* (тж.) 'если нет денег, на что же [я] куплю?'. Однако следует отметить употребление *-гі* и при 2-м лице при условии, если в предложении имеется какое-либо вопросительное местоимение: *чэ энэ халбалэ јаң джасэгі?* 'что ты будешь делать с этим огнем?' (јаң 'что').

Значение и характер оформления подобного типа сказуемых требуют дальнейшего уточнения. Возможно, наличие формы на *-гі* при 2-м лице вызвано употреблением вопросительного местоимения, вопросительным типом предложения.

Необходимо особо сказать об отрицании *шо* (тж. *хо*) 'не', 'нет' при причастии будущего времени. Отрицание *шо* также меняет свой гласный в зависимости от того, в каком лице употребляется подлежащее: с подлежащим в 1-м лице обоих чисел встречается сказуемое, передаваемое причастием будущего времени с отрицанием *ши* (тж. *хи*), с подлежащим во 2-м или 3-м лице обоих чисел — причастием сказуемое с отрицанием *шо* (тж. *хо*). При этом характерно, что суффикс причастия будущего времени *-гу* (тж. *-го*) превращается в *-гэ*: *натэгу* 'будет играть', 'собирающийся играть' — *бэ нятэгэ ши* 'я не буду играть', *нджаң нятэгэ шо* 'он не будет играть'. Ср. несколько примеров: *бэ годжэнэ аву јаджэнэ экэгэ ши* 'я не буду бить своего мальчика'; *чэ нохаң рэгэ шо* 'ты не станешь сюда приходить'; *куң олоңбалэ энэ гардэ рэгэ шо*

(дцз.) 'много людей в этот дом не приходят'; *бэ чэбалэ һа тэ сүгэ хі* 'я буду сидеть вместе с тобой'; *нджаң мох һджэгэ хо* (тж.) 'завтра он не поедет'.

С баоаньским *шо* может быть соотнесено калмыцкое отпадение *ш*, ставящееся в будущем времени: *ир-* 'приходить', *ирх* 'придет', 'приходящий' (причастие будущего времени), *ирхш* 'не придет'.

Как баоаньское *шо*, так и калмыцкое *ш* восходят к 'не', 'нет' в письменном монгольском.

Итак, причастие будущего времени в роли сказуемого употребляясь без отрицания, при подлежащем 1-го лица единственного и множественного числа вместо -гу принимает суффикс -гэ, а при подлежащем 2-го и 3-го лица обоих чисел суффикс -го; причастие будущего времени в функции сказуемого, употребляясь с отрицанием (*ши* — при подлежащем 1-го лица обоих чисел, *шо* — при подлежащем 2-го и 3-го лица обоих чисел), меняет суффикс -гу на -гэ.

В баоаньском языке с формой причастия на -гу употребительно слово *кэр* (ср. монг. письм. *keregtei*, совр. монг. *рэгтэй*, калм. *кергтэ* — 'нужный', 'необходимый'; 'нужно', 'необходимо'), придающий образуемому сочетанию модальный оттенок: *нджаң да шджэгу кэр* 'сейчас ему нужно идти'; *бэ оншэгу кэр* (дцз.) 'мне необходимо почитать'.

Следует отметить, что в данном языке некоторые причастия будущего времени, употребленные вне причастного оборота, самостоятельно, используются в значении имени существительного.

В этом плане интересны *мэсгу*, *ндэгу* и *вэтэгу*.

мэсгу 'одежда' (*мэсэ-* 'надевать', 'одеваться'): *нджэ мэгунэ банджоң чорчэ* 'рукава его одежды изорвались'; *мэсгу буагусэ чэ кэтэ ва* (дцз.) 'когда я стирала одежду был дома'; *чэ мэсгонэ һаво* 'ты шила одежду'; *чэ мэ нэ буаджо* (тж.) 'ты стираешь одежду'; *энэ шаджэ мэр шинэбаңгэ мэрсуджо* (тмгр.) 'этот мальчик надевает новую одежду'.

ндэгу 'пища' (*ндэ-* 'есть', 'кушать'): *этэсэ бэдэ ндэ джасэджэ* (дцз.) 'мы с утра не варили пищи'; *нджаңдэ гунэ висаң хо* 'у него ничего не осталось от пищи'; *нджэ эмэдэ нэгэ удэ ндэгу гисаң* (тмгр.) 'у его жены не оказалось пищи даже на один день'.

вэтэгу 'болезнь' (*вэтэ-* 'болеть', 'заболеть'): *бэ ндэ чэнэ вэтэго кунтэ о* (тж.) 'на мой взгляд, твоя болезнь'

няла тяжелую форму'; *тэр бајаңдэ вэтэгу шджэ, ламадэ шджэджэ* (тмгр.) 'к тому богачу пристала некая болезнь, он показался lame'.

Причастие прошедшего времени обозначает прошедшее действие, а также качество и состояние субъекта, сложившиеся в результате этого прошедшего действия.

Причастие прошедшего времени образуется от основы глагола при помощи суффикса -саң: *мэдэ-* 'знать' — *мэдэсаң* 'знавший'; *окэ-* 'дать' — *окэсаң* 'давший', *рэ-* 'приходить' — *рэсаң* 'пришедший'. Примеры: *энэнэ тандэ окэсаң о* 'это вам отдала'; *бэдэ мутоңбалэ лэгэсаң гар ноңдэ суджэ* 'мы живем в деревянном (букв. 'сделанном из дерева') доме'; *сусаңсэ лэгэсаң саң* 'чем сидеть, лучше работать'; *чэ нэдэ кэлсаңсэ мартэджэ* (дцз.) 'я забыл, что ты мне сказал'.

Следует заметить, что форма причастия прошедшего времени на -саң в предикативной функции весьма распространена в повествовательной речи для передачи прошедшего действия.

В баоаньском языке причастие прошедшего времени в предикативной функции может сопровождаться *-ни* или *-нэ*, указывающими на лицо действия: *нджаң һалсэ рэсаңни?* 'откуда он пришел?'; *нэ нэджэгнэ нджаң пэджэсаңнэ* (тж.) 'это письмо написал он'; *нджаң гудэ рэсаңни* (тмгр.) 'он пришел вчера'.

Подобного типа образования причастного сказуемого известны и в собственно монгольском языке. В монгольском языке причастие прошедшего времени на -саң в соответствии с лицом подлежащего принимает после себя гласный *i* или *a*, следовательно суффикс причастия прошедшего времени имеет следующий вид: для 1-го лица обоих чисел -*сани*, а для 2-го и 3-го лица обоих чисел -*сана* (*фуні-* 'ехать вверх' — *фунісани* [с 1-м лицом], *фунісана* [со 2-м или 3-м лицом]).

Что касается причастий в форме на -*саңни*, -*саңнэ*, то можно предположить, что они, подобно причастиям будущего времени на -*гэ*, -*го* в функции предиката, образуются при помощи глагола-связки *ви*.

Разграничение предикативных форм по лицам наблюдается исключительно в пределах распространения баоаньского и монгольского языков. Больше того, причастная форма на -*саңни* и -*саңнэ* встретились нам лишь в примерах из тунжэньского говора.

В остальных монгольских языках указанное явление неизвестно.

В заключение приводим общую таблицу суффиксов причастий в баоаньском языке (табл. 12).

⁶⁵ В речи монголов Тунжэнь часты чередования *р/ш*, поэтомуное слово встречается и как *мэргу* и как *мэшгу*.

Времена причастия	Суффиксы		Примеры
	непредикативные	предикативные	
Настоящее	-чоң		мэдэчоң
Будущее	-гу	-gi (1-е л.)	бэ бэдэ } мэдэги
		-го (2-е л., 3-е л.)	бэ, нджасң та, нджасэ } мэдэго
Прошедшее	-саң	-саң(ни) (1-е л.)	бэ, бэдэ мэдэсаң(ни)
		-саң(но) (2-е, 3-е л.)	чэ, нджасң та, нджасэ } мэдэсаң(но)

Деепричастие

Как и в остальных монгольских языках, деепричастия в баоанском языке выражают дополнительное действие, сопровождающее, уточняющее или поясняющее главное действие, передаваемое одной из форм управляющих глаголов (формой повелительно-желательного и изъявительного наклонений или причастной формой). Следовательно, деепричастия выражают действия, которые либо сопровождают действие, либо являются обстоятельствами действия управляющих глаголов.

Деепричастия сами по себе никаких указаний на время выражаемого ими действия не содержат; не передавая времени по отношению к моменту речи, они целиком зависят от времени основного, управляющего глагола. Деепричастия обозначают второстепенные действия либо как одновременные, либо как предшествующие, либо как следующие за основным действием, в силу чего они не могут выступать в функции сказуемого законченного предложения.

Значение и употребление деепричастий совершенно идентичны во всех монгольских языках. Особенность составляет лишь то, что не все формы деепричастий могут быть одинаково представлены в каждом отдельном языке монгольской группы и что некоторые деепричастные формы имеют ограниченную сферу употребления.

В баоанском языке имеются следующие деепричастия: соединительное, слитное, продолжительное, предварительное, условное, цели, предела и уступительное.

Соединительное деепричастие обозначает действие, происходящее одновременно, совпадающее с основным действием, выраженным управляющим глаголом. Это деепричастие образуется от основы глагола при помощи суффикса *-джи*. Примеры: *нджасэ јуджі ндаңдэ курджі рэджо* 'они шли-шли и добрались до ворот'; *окэн ду сульбэдэңгэ сэ абджи рэджэ* (дцз.) 'младшая сестра принесла ведро воды'; *тэ куң дог-лоджі нджэдо* 'тот шел и хромал'; *харваңнэ харэджі рэдо* (тж.) 'десять [человек] вернулись домой'; *шаджі бэдэ харджі рэдо* 'мальчик вышел на улицу'; *тараңнэ нжігэдэ ачэджі шожэ* (тмгр.) 'отвези зерно, погрузи на осли'.

Слитное деепричастие обозначает второстепенное действие, совершаемое одновременно с другим — основным действием. Оба действия сливаются в единый смысловой комплекс. Данное деепричастие образуется посредством суффикса *-ң* (в тунжэньском говоре известен еще вариант *-јаң*). Ср. несколько примеров: *бэ аймэнэ нджэң нджэң идэрджэ* 'я смотрела, смотрела, когда придет мать, и устала'; *нджасэ кэлаң јудо* (дцз.) 'они сказали и ушли'; *чэ лйјаң нэдэнэ* 'ты и плачешь и смеешься'; *бэ һамэраң һамэраң курджі ро* (тж.) 'я дошел до дома, лишь отдыхая в пути'.

Деепричастия на *-джи* и *-ң* по своим значениям и функциям совпадают, так как то и другое деепричастие обозначает одновременность протекания сопутствующего, второстепенного действия с действием, выраженным основным, управляющим глаголом.

Продолжительное деепричастие обозначает длительно протекающее действие, в процессе совершения которого происходит другое действие. Образуется от основы глагола присоединением суффикса *-сэр*. Примеры: *бэдэ нджасэнэ саб;сэр суджі* 'мы сидим, продолжая их ждать'; *нджасэ тэ мордэ јусэр јусэр кэлэджэ* 'они разговаривали, продолжая идти по дороге'; *аву јаджэ пэджэсэр суджо* (дцз.) 'мальчик сидит, продолжая писать'; *бура орсэр орсэр бэ мордэ јуджэ* 'я в пути, но дождь продолжает идти'; *тэ шазэ лй-сэр һэлэджі ро* (тж.) 'мальчик прибежал, продолжая плакать'.

Предварительное деепричастие обозначает такое действие, после которого немедленно наступает другое. Образуется при помощи суффикса *-гума*. В тунжэньском говоре встречается и параллельная форма *-тэхаң*. Примеры: *чанэ кэгума нджасң у шджэ* 'как только налили чаю, он выпил и ушел'; *нараң харэгума вэсоң һэджэ* 'как только взошло солнце, трава высохла'; *нджасң һамэрагума гунзэ кэлэ шджэ* 'как только он отдохнул, тут же пошел работать'; *мангэ нджігэдэ ачэгума јудо* (дцз.) 'как только погрузили вещи на осли, мы поехали'; *нджасң мохшэ нараң харэгума осэджэ* 'он

встал, как только вошло солнце'; *нджаң рэтэхаң бэ нджэ-дэжэ* 'как только он придет, я пойду'; *бэ дтэхаң јуджэ* (тж.) 'я ушел, как только поел'; *баджирдэ кургума гунзэ кэдо* 'как только прибыл на поле, стал работать'; *бэ нджэгтэгуа мэд.д* 'я узнал, как только увидел'; *тэрла бадэ варгума кэтэ шджэдо* (тмгр.) 'как только они кончили косить, ушли домой'.

Условное деепричастие обозначает действие, при условии наступления которого совершится другое, передаваемое основным глаголом. Образуется от основы глагола посредством суффикса *-сэ*: *бура орсэ чэ тэгэ шджэ* 'если пойдет дождь, ты не ходи'; *чэ дэрсэ халдэ нэ* 'если ты замерзнешь, погрейся у огня'; *удэр хулуң висэ бэ нэтэла шджэги* (дцэ.) 'если будет теплый день, я пойду играть'; *тэ шазэ нэтэс нэтэсэ* 'если тот мальчик хочет играть, пусть играет'; *нджасэ кэтэ висэ бэ урэджи рэжэ* (тж.) 'если они дома, я их приглашу'. Ср. эту форму деепричастия с дунс. *-сэ* (*мэджисэ* 'если узнает'), мгр. *-са* (*гулеса* 'если скажет'), ж. у. *-са* (*идеса* 'если поест').

Деепричастие цели обозначает действие-цель, для осуществления которого совершается другое действие, выраженное основным глаголом. Образуется от основы глагола при помощи суффикса *-лэ*: *чэ нджаңнэ гэгэнэ урэлэ шджэ* 'ты походи, чтобы пригласить его старшего брата'; *нджасэ мамба тэдэ нджэлэ шджэдэжэ* 'они пошли, чтобы показаться врачу'; *нджасэ хонэлэнэ сэлалэ шджэдэжэ* 'они пошли, чтобы напоить овец'; *амэ матэбдэ сэ кэлэ шожэдэжэ* (дцэ.) 'мать ушла, чтобы поливать цветы'; *нджаң асоңнэ абалэл нджэ* 'он ушел, чтобы пасти скот'; *азэ сэ вэлэлэ нджэ* (тж.) 'старшая сестра ушла, чтобы принести воды'; *нджаң да сэ рала шджэжэ* 'пусть он сейчас идет, чтобы заниматься'; *чэ нджаңдэ сэ вэлэла шджэба* (тмгр.) 'ты заставь его пойти за водой'.

В монгольском письменном языке зафиксировано деепричастие цели на *-ra* (*-re*): *irekū* 'прийти' — *irerē* 'чтобы прийти'; *oroхи* 'входить' — *orogā* 'чтобы входить'. На происхождение этой формы обратил внимание еще Г. И. Рамstedт. Он считал, что *-ra*, *-ra* представляют собой форму дательного падежа причастия на *-r*: *bolura* 'чтобы быть', *irere* 'чтобы прийти', *abura* 'чтобы взять', *kelere* 'чтобы сказать'⁶⁶.

В остальных монгольских языках (например, в современном монгольском, бурятском, калмыцком, дагурском) ни формы на *-лэ*, ни формы на *-ra*, *-re* нет. Вместо деепричастия цели в них употребляется причастие будущего времени: 1) в ору-

ном падеже, 2) в родительном падеже с послелогом *төлөө* или 3) с глаголом *гэх* в форме соединительного деепричастия. Все эти формы указывают на действие, являющееся целью совершения другого действия.

Деепричастие предела обозначает действие, до завершения которого происходит другое действие, выраженное основным глаголом. Образуется присоединением суффикса *-тэла* (*-тэлэ* в тунжэньском говоре): *ханэ һамэратэла бэ нджасэ-нэ танлэ нэгэ шджэжэ* 'пока они все отдыхают, я схожу к ним'; *чэ мэсгу буатэла бэ хэги* 'пока ты стираешь, я пошью'; *чэ вэсоң бадэтэла бэ јаджэ ндэбэјэ* (дцэ.) 'пока ты косишь сено, я накормлю ребенка'; *чэ рэтэлэ бэ сэбэјэ* (тж.) 'пока ты придешь, я подожду'.

Кроме того, данное деепричастие выражает действие, взамен которого целесообразней было бы совершиться другому действию, например: *хэнгэртэла шу оңшэсэ саң о* 'чем лежать, лучше читать книгу'; *чэ лэтэла нэтэлэ шджэсэ саң о* (дцэ.) 'чем плакать, лучше пошел бы поиграть'; *шазэнэ нэтэбэјэтэла оңшэбэ* (тж.) 'чем пускать мальчика на игры, лучше заставить его учиться'.

Уступительное деепричастие передает действие, вопреки которому совершается другое действие. Оно образуется при помощи суффикса *-сэдэ*: *китаң јисэдэ бэдэ сэраджэ* 'хотя и было холодно, мы учились'; *бура орсэдэ бэ шджэги* 'хотя и будет дождь, я пойду'; *идэрсэдэ нджасэ гунзонэ вар шджэ* (дцэ.) 'хотя они и устали, но работу закончили'; *бэ јаңгэдэји нэгэсэдэ нджаң лэ нэнэ* (тж.) 'хотя я и стараюсь рассмешить, он не смеется'; *нджаң эндэ сусада јама сэ кэло* 'хотя он и сидел здесь, ничего не сказал'; *нджаң нджэсада мэдэдэји гина* (тмгр.) 'хотя он и видит, не поймет, что это такое'.

В отличие от всех остальных монгольских языков в баоанском отсутствует форма разделительного деепричастия, обозначающая действие, совершаемое до наступления следующего за ним действия. В отдельных случаях в баоанском его заменяет соединительное деепричастие.

В этой связи следует обратить внимание на образование разделительного деепричастия в дагурском, монгорском и языке желтых уйгуров. В них разделительное деепричастие образуется при помощи суффиксов *-ā*, *-ād* (даг.), *-ā*, *-āну*, *-vā*, *-vāну* (мгр.), *-ā* (ж. у.).

Для баоанского языка, как и для дунсянского, характерно употребление основы глагола вместо некоторых форм деепричастий, иначе говоря, в этих языках отдельные деепричастные формы равны основе глагола, что не свойственно другим монгольским языкам. Таковы соединительные, слитные и разделительные (последнее — в дунсянском) деепричастия.

⁶⁶ Г. И. Рамstedт, *Введение...*, стр. 86.

Основа глагола, употребленная вместо этих деепричастий, только называет дополнительное действие, не придавая ему какой-либо временной характеристики. В сочетании с вспомогательным глаголом, в частности с весьма часто употребляемым глаголом *шджэ* 'идти', 'ехать', 'пойти', 'поехать', данная основа глагола передает значение основного действия: *аву јаджэ пагэсэр нэ шджэ* 'ребенок ползал, ползал и упал'; *агу нэбуисэ ай шожэ* 'девочка испугалась собаки'; *нджа ндаңнэ нэ шджэ* 'он открыл дверь'; *нджаң гарнэ нджид бэј суджэ* (дцз.) 'он стоит посреди комнаты'; *нджасэ ба джэјрнэ сэла вардо* 'они кончили орошать землю'; *бэ нэ гачэ нэ кэлэ мэдэм* (тж.) 'я могу говорить на этом языке'.

В дахэцзяском говоре подобные основы глаголов чаще других сочетаются с вспомогательным глаголом *шджэ* 'идти', 'ехать', 'пойти', 'поехать', например: *ла шджэ* 'заплакал', *ту шджэ* 'поднял пыль', *нэ шджэ* 'пригрело на солнце', *гшгэ шджэ* 'придавил ногой', *нэ шджэ* 'открыл', *хэңгэр шджэ* 'лежал'.

Глагол *шджэ* встречается также в форме своей основы. В этом случае, по-видимому, избегают присоединения к основе суффикса прошедшего времени *-джэ*, уже заключающей в себе данное сочетание звуков: *нэ шджэ* < *нэ шджэджэ* 'упал'. В примерах с другими деепричастными формами глагол *шджэ* употребителен в любой временной форме. Ср., следующие примеры: *чанэ у варгума шджэдэ* (тмгр.) 'он ушел, как только выпил чаю'; *нджаң алэрдэ мэсгу буалэ шджэджэ* (дцз.) 'она пошла к реке, чтобы стирать одежду'; *мэнэ ла чорэджэ нджэјрнэ шджэ* (тж.) 'подошвы моих тапок продырявились'.

Примечательно то, что эта особенность употребления глагольных форм (основы глагола вместо отдельных форм деепричастий) исключительно падает на монгольские языки Северо-Западного Китая. Ограниченность распространения подобных форм глаголов лишь пределами языков, представленных в провинциях Цинхай и Ганьсу, свидетельствует о том, что эти формы более исконные, старые. Ими, возможно, пользовались до образования некоторых собственно деепричастных форм.

НАРЕЧИЕ

Наречие в баоаньском, как и во всех остальных монгольских языках, характеризуется как неизменяемая часть речи, обозначающая признак действия, качества или предмета, употребляющаяся в предложении в качестве разного рода обстоятельств или определения.

Характерным признаком наречий является их неизменяемость по форме и соотносительность со многими именными частями речи.

Количество наречий в баоаньском языке невелико. В имеющихся в нашем распоряжении материалах мы зафиксировали около двух десятков.

По своему общему значению наречия делятся на качественные (в основном передающие качество действия) и обстоятельственные (указывающие на временные и пространственные отношения).

Качественные наречия по своей форме соотносительны с именами прилагательными. В баоаньском языке качественные наречия имеют следующие особенности:

1) в отличие от большинства остальных монгольских языков они ставятся в дательном-местном падеже: *бэ нэнэ сэхаңдэ джасэјэ* 'я это хорошо сделаю' (ср. совр. монг. *сайнар*, калм. *сәнэр*, *сэхнэр* — орудный падеж);

2) за соответствующим по значению наречием следует слово *гэджі* и все сочетание обозначает степень качества действия, например: *нджаң мэсгунэ хасэ саң гэджі хэге* 'если она шьет одежду, то пусть шьет хорошо'; *чэ хардэ энэнэ батэ гэджі вэрдэ* (дцз.) 'ты крепко держи это в руке'; *чэ бордоң гэджі холэ* 'ты бегай быстро'; *та саң гэджі лэгэ* (тж.) 'вы работайте хорошо';

3) занимают постпозицию по отношению к определяемому: *каң чосэ холэджі бордоң о* (дцз.) 'кто бегаёт быстрее тебя?'; *аву нэтэджі саң ва* (тмгр.) 'мальчик хорошо играет'. Подобная постановка наречного определения после определяемого им глагола свойственна лишь монгольским языкам, распространенным в провинциях Цинхай и Ганьсу.

Мы не располагаем данными о наличии в баоаньском таких наречий, как *суга*, *балба*, *тас*, *мулт*, известных в современном монгольском, дагурском и калмыцком языках. Эти наречия, сочетаясь, правда, с ограниченным кругом глаголов, указывают также на качественную характеристику действия. Ср. несколько примеров: совр. монг. *хуга татах* 'сломать', 'изломать', *балба цохих* 'разбить вдребезги'; даг. *хага татагу* 'выдернуть'; калм. *хаба таших* 'ломить', 'ныть'; *шувт татах* 'вырывать', *булт тусих* 'выбивать', где наречия *хуга*, *балба*, *хаба* в самостоятельном употреблении означают 'вдребезги', *шувт* — 'насквозь', *булт* — 'совсем'.

Качественные наречия, определяя в основном действие, указывают на образ или способ его совершения.

Обстоятельственные наречия в баоаньском языке по своим значениям делятся на наречия времени и места.

Обстоятельные наречия времени обозначают время совершения действия. Примеры:

махшэ (тж. *мохшэ*) 'завтра': *чэ махшэ нджасэнэ хамта ю* 'завтра поезжай вместе с ними'; *чэ махшэсэ кайши гунзо кэ* (дцз.) 'вы начинайте работать с завтрашнего дня'; *мангэ мохшэ югу?* 'мы завтра отправимся в путь?'; *бэ мохшэ нджэго хи* (тж.) 'я завтра не пойду'; *чэ махшэ шджэго мбу?* (тмгр.) 'пойдешь ли ты завтра?' Ср. баоанское *махшэ* 'завтра' с современным монгольским *маргааш* и калмыцким *манхдур*;

шилаң 'вечером': *нджаң базарсэ шилаң рэджэ* (дцз.) 'он вернулся из города вечером'; *чэ шилаң буданэ эндэ рэ* (тмгр.) 'вечером приходи к нам'; *шилаң* в значении 'вечером' встречается лишь в языках баоанском и монгорском;

этэ 'рано': *гагэ јусаң тансэ этэ о* 'старший брат ушел раньше вас'; *нджаң этэхаң харэги гэджэ шджэджэ* (дцз.) 'он ушел, чтобы пораньше вернуться домой'. В последнем предложении слово *этэ* встретилось с суффиксом *-хаң*, придающим оттенок временного предела действия. Баоанский *этэ* и дунсянский *эчиэ* соответствуют в других монгольских языках *эртэ* (монг. письм. *erte*);

нудэ 'сегодня': *нджасэ нудэ вэсоң бадэсаң мбу?* 'сходили ли они сегодня сено?'; *агу нудэ нга ла-о* 'сегодня девочка очень много плакала'; *та нудэ энэ гунзо кэ* (дцз.) 'вы сегодня сделайте эту работу'; *нджаңдэ нудэ асоң гисан* 'него сегодня нет скота'; *чэ нудэ јаң лэгэджэ?* (тж.) 'что ты сегодня делал?'. Баоанское *нудэ* 'сегодня' (ср. совр. монг. *өнөөдөр*, калм. *эндр*) представляет собой сращенные *эле едэ* 'этот день', т. е. сочетание указательного местоимения *энэ* 'этот' с существительным *удэ* 'день'. Подобное образование характерно для всех языков монгольской группы;

да 'сейчас', 'теперь': *да мангэ хамэрајэ* 'мы теперь отдохнем'; *чэ да нэдэ нжэргэдэ* (дцз.) 'сейчас помоги мне'; *да қоң ва* (тж.) 'теперь зима'; *бэ да ндаңнэ хадэ* 'сейчас закрою дверь'; *чэ ча ү, да хулуң ва* (тмгр.) 'пей чай, пока он горячий'. Баоанское *да* соответствует современному монгольскому *одоо*, калмыцкому *ода* с тем же значением 'сейчас', 'теперь' (ср. монг. письм. *edüge*);

гудэ 'вчера': *бэ нджаңбалэ гудэ тани-о* (дцз.) 'я вчера с ним познакомился'; *бэ нгудэ идэрджэ* (тж.) 'вчера я устал'; *нджаң нгудэ рэсаңни* (тмгр.) 'он пришел вчера'. Баоанское *гудэ* соответствует в современном монгольском *өцөгдөр*, а калмыцком *өцгдөр* 'вчера';

мэлэ 'сначала': *чэнэ ау нэнэ бэ мэлэ сэ мэдэ* (тж.) 'сначала я не знал, что это ваш сын'; *та мэлэ рэ бэдэ ју?* (дцз.) 'сначала вы заходите, [затем] поедем';

хуинэ 'после': *да унаңланэ сэла, хуинэ томэбнэ сэла* (тмгр.) 'сначала напои коров, потом — телят'.

Некоторые наречия могут переходить в разряд послелогов. Известна и в баоанском языке группа слов, выступающих в зависимости от изменения лексического значения и связей данного слова с другими то в роли наречий, то в роли послелогов. К ним можно отнести наречия *мэлэ* и *хуинэ*. Однако наречия в отличие от послелогов могут выступать самостоятельными членами предложения, а послелоги служат лишь для выражения синтаксических отношений между именами и глаголами.

Единичны наречия, связанные своим происхождением с просительными местоимениями. Примером может служить *кэджэ* 'когда': *тэ кэджэ базардэ шджэ?* (дцз.) 'когда тот уехал в город?'; *чэ кэджэ рэги?* (тж.) 'когда придешь?'; *нджасэ кэджэ рэву?* (тмгр.) 'когда они приехали?'

Обстоятельные наречия места указывают на место или направление действия. Примеры:

нохаң (наңнаң — тж.) 'здесь', 'сюда': *чэ махшэ бэданэ нохаң рэ* 'завтра приходи к нам сюда'; *нохаңсэ тэ баджирдэ куртэла холо гинэ* 'отсюда до того места — надалеко'; *нджаң бэданэ нохаңдэ буар јаң ро* (дцз.) 'он дважды приходил сюда'; *нджаң наңнаң рэм* 'он придет сюда'; *наңнаң хотоң куңлэ ханэ фэлаң мэдоң мэсэджэ* (тж.) 'здесь все женщины носят красивые брюки'. Неясным остается вопрос о происхождении *нохаң (наңнаң — тж.)* в баоанском языке. В остальных монгольских языках эти слова неизвестны;

таңлэ 'там', 'туда': *таңлэ гар бураң осгэджэ* 'там построили три дома'; *бэ танэ таңлэсэ мэдо* 'я узнал там (от вас)'; *чэ харэджэ абэнэ таңлэ нэгэ јаң шджэ* 'вернись и еще раз сходи к отцу (туда)'; *нджаң сугу таңлэ шджэ* (дцз.) 'он пошел туда, к сидящим'. Баоанское *таңлэ* по значению соответствует общемонгольскому *тэнд* 'там', 'туда';

шира (тж. *хэра*) 'вниз': *чэ шира тэгэ нджэ* (дцз.) 'не смотри вниз'; *қаңлэ хэрасэ рэсаң куң ји* (тж.) 'они — те, которые пришли снизу'. В двух примерах *шира* встретилось с противоположным значением — 'на', 'наверху': *аунэ гар шира тэгэ харбэ* 'не разрешай мальчику подняться на дом'; *чэ нитаң вэсоң шира тэгэ сү* 'не усаживайся на мокрую траву'.

Использование одного и того же слова в двух противоположных значениях необычно для монгольских языков. Требуется дополнительное изучение употребления баоанского *шира* в живой речи;

эндэ 'здесь', 'сюда': *чэ хонэ гэджэ імаңнэ эндэ туджэ рэ* (дцз.) 'вы приведете сюда и овцу и козу'; *буданэ эндэса базар куртэла чадаң ві* (тмгр.) 'от нас (отсюда) до города'

близко». Наречие *эндэ* этимологически восходит к указательному местоимению, но в баоанском, так же как и в остальных монгольских языках, оно застыло в формах дательного местного (*эндэ*) и дательного-местно-исходного (*эндэсэ*) падежей.

К данному разряду наречий относится и *һалэ* 'где?', 'куда?' (ср. совр. монг. *хаа*, *хаана*; калм. *хама*; бур. *хаа*, *хаана*): *чэ һалэ гунзо кэджэ?* (дцз.) 'где ты работаешь?'; *мэванэ һалэ гэгэ?* (тж.) 'куда положить мясо?'; *нджасэ һалэ шджэгу?* (тмгр.) 'куда они идут?'.
Обстоятельные наречия занимают место в начале предложения, когда они относятся ко всему высказыванию в целом. Если же они относятся к глаголу, то ставятся после подлежащего (когда имеются другие второстепенные члены предложения) или непосредственно перед глаголом.

Обобщая все изложенное о баоанских наречиях, следует отметить следующие особенности их употребления:

- 1) как качественные, так и обстоятельственные наречия чаще всего сочетаются с глаголами;
- 2) поскольку наречия лишены предикативной функции, они не могут сочетаться со служебными глаголами;
- 3) им не может предшествовать определение.

ПОСЛЕЛОГИ

Послелоги как чисто служебные слова выражают различные отношения между словами. Зачастую они дополняют и конкретизируют то, что может быть выражено падежной формой имени. Послелоги характеризуются следующими признаками: а) они не имеют своего полновесного лексического значения и потому самостоятельно не употребляются, а выражают лишь грамматические отношения между словами; б) послелоги служат показателем отношения дополнения и обстоятельства к сказуемому и потому являются средством, передающим грамматическое подчинение; в) часть послелогов имеет неполное склонение.

Послелоги, выражая грамматические отношения между отдельными членами предложения, поясняют их в пространственном, целевом и других отношениях.

В баоанском языке известны следующие послелоги: *дэбэң* 'на', 'наверху', *дэбэң* 'под', *һэндэ* 'в', *дэбэң* 'между', *һджэ(дэ)* 'между', *зуртэ* 'у', 'рядом', *куртэла* 'до', *мэлэ* 'перед', *хуинэ* 'после', *адэли* 'одинаково', 'одинаковый', *һалтэ* 'вместе'.

Среди них самую большую группу составляют послелоги, выражающие пространственные отношения:

дэбэң 'на' указывает на местонахождение предмета на чем-либо (на поверхности чего-либо) и управляет основной именн: *чэ бандэң дэбэң судэ, бэ шира сүи* (дцз.) 'ты садись на скамейку, я сяду внизу'; *хэлэ дэбэңгонэ абчэ рэ* (тж.) 'принеси то, что [находится] на столе'; *нджаң мэргунэ икан дэбэң гэдэ* (тмгр.) 'он положил одежду на кан';

дэбэң 'под' указывает на место под чем-либо и сочетается также с основной имени: *чэ джэнтунэ* (кит. *чжэньтоу*) *тэроң дэбэң гэдэ* 'подложи под голову подушку'; *та энэнэ шэлэ дэбэң гэ* (дцз.) 'вы положите это под стол';

һэндэ 'в' имеет оттенок направленности действия внутрь чего-либо, также сочетается с основной имени: *чэ таннэ* (кит. *тань* 'древесный уголь') *лузэ* (кит. *луца*) *һоңдэ гэдэ* 'подсыпь в печку угля'; *мангэ нджаңнэ гар (һоңдэ) шджэбэдо* (дцз.) 'мы заставили его войти в дом'; *тэр кургума гэр һоңдэ шджэдо* 'как только тот добрался, вошел в дом'; *чэ һгадур һоңдэ ваба* (тмгр.) 'ты умойся в тазу';

дэбэң и *һджэ(дэ)* 'между' указывают на местонахождение предмета и употребляются с именами в родительном падеже: *бэданэ дэбэң агуңгэ сү-о* 'девочка сидела между нами'; *гарлэнэ дэбэң дэмгэ о* 'между домами проходит стена'; *бэ нджасэнэ һджэ(дэ) сү-о* (дцз.) 'я сел между ними'; *чэ дэвиэнэ шэлэнэ һджэ(дэ) гэдэ* (тмгр.) 'вы поставьте тарелку на середину стола';

зуртэ 'рядом' встречается с основной имени или с именем в родительном падеже: *бэдэ һазар зуртэ суджэ* 'мы живем рядом с городком'; *агу айэнэ зуртэ бэиджо* (дцз.) 'девочка стоит рядом со старшей сестрой';

куртэла 'до' обозначает предел распространения действия, в частности — место, которым ограничивается, до которого доходит действие. В отличие от такого же послелога в других монгольских языках, он требует постановки имени в дательном-местном падеже: *һохаңсэ базардэ куртэла тавараң ли* (дцз.) 'отсюда до города — 50 ли пути';

мэлэ 'перед', сочетаясь с именем в родительном падеже, обозначает местонахождение предмета: *чэнэ мэлэ јаң шу гэджо?* 'что за книги перед тобой?'; *нджасэнэ гарнэ мэлэ јаң ва?* (дцз.) 'что это перед их домом?'.
Недостаточность примеров не дает возможности установить и некоторые другие значения этих послелогов. В большинстве остальных монгольских языков многие из перечисленных выше послелогов имеют несколько оттенков значений. Ср., в частности, такие послелоги, как *өмнө* 'перед', *хуртэл* 'до', *хойно* 'после', *ард* 'за' и некоторые другие; помимо передачи пространственных значений, они указывают на то, что действие распространяется на такой отрезок времени, ко-

торый определяется семантикой сочетающегося с ним слова.

В баоанском языке нет передаваемого отдельным словом послелого цели. В роли последнего используется форма соединительного деепричастия от глагола *ол-* 'становиться', т. е. *олджі*. Аналогичное образование и использование послелога цели наблюдается и в дунсянском языке: *волу-* 'становиться' — *волуджы* 'для', 'ради', 'за'. В баоанском *олджі* в функции послелога управляет именем в дательном-местном падеже, например: *бэ кундэ олджі энэнэ або* 'я купил это для сына'; *чэ надэ олджі шджэ* (дцз.) 'ты пойдй ради меня'.

В остальных же монгольских языках *олджі* соответствует послелог цели *төлөө*, сочетающийся с именем в родительном падеже: *чини төлөө* (совр. монг.) 'ради тебя'; *экиннь төлө көдллэв* (калм.) 'я работал ради своей матери'.

В баоанском языке зафиксирован и послелог *хамтэ* со значением совместности, соучастия в действии. Данный послелог управляет соединительным падежом, например: *чэ жаң куңбалэ хамтэ ро?* '(вместе) с кем вы приехали?'; *бэдэ нджанбалэ хамтэ јујэ* 'пойдемте и мы с ним'; *чабалэ хамтэ бэйджігу каң јі?* (дцз.) 'кто тот, который стоял с тобой?'.

В качестве самостоятельного слова *хамтэ* используется только в значении 'вместе', т. е. в значении наречия: *нджасэ хамтэ хаджо* 'они шьют вместе'.

Из всего изложенного видно, что в баоанском языке отсутствуют многие группы послелогов, распространенные в остальных монгольских языках, а именно такие, как послелоги времени, сравнения, причины. Здесь пока не все рисуется с достаточной ясностью. Дополнительные исследования, несомненно, внесут надлежащие уточнения и поправки.

ГЭДЖІ В РОЛИ СОЮЗА

В баоанском языке не зарегистрировано ни одного союза, известного в остальных монгольских языках (в частности таких, как современный монгольский *бөгөөд* 'да', 'и', *ба* 'и'; калмыцкий *болн* 'и', *кемр* 'если'; монгорский *да* 'и' и др.).

Баоанский язык в качестве соединительного союза со значением 'и' использует слово глагольного происхождения *гэджі*. Оно представляет собой форму соединительного деепричастия от глагола *гэ-* 'говорить', 'сказать'.

гэджі 'и' может употребляться при однородных членах предложения:

1) при однородных подлежащих: *чэ гэджі бэ буалэ хамтэ југі мбу?* 'пойдем ли мы (букв. 'ты и я вдвоем') вместе?'; *абэ гэджі куңбалэ хамэраджо* (дцз.) 'отец и сын отдыхают'; *нэ гэджі тэбалэ адэлі о* (тж.) 'это и то — одно и то же'; *нджан гэджі окэң буала базардэ шджэдо* 'она с дочерью уехала в город'; *аву гэджі шаджэла хамтэ нятэджі судо* (тмгр.) 'мальчик и остальные дети играли вместе'. Особо следует отметить, что часто имя, стоящее непосредственно за *гэджі*, оформляется или соединительным падежом или присоединяет *буалэ* 'вдвоем'. Подсобное использование имени в соединительном падеже вытекает из значения всего сочетания: речь идет о лицах, совместно совершающих то или другое действие;

2) при однородных дополнениях: *амэ чэ гэджі мэба чинаджэ* (дцз.) 'мать сварила и чай и мясо'; *нджан хонэ гэджі имаңнэ түджі рэдјэ* (тмгр.) 'он пригнал и овец и коз';

3) при однородных обстоятельствах: *нудэ гэджі нудэ чэ јаң лэго?* (тж.) 'что ты делал и вчера и сегодня?'

Приведенные примеры показывают, что *гэджі* в качестве соединительного союза 'и' выражает синтаксические отношения между однородными членами предложения — может связывать или подлежащие или второстепенные члены, т. е. равнозначные в смысловом и синтаксическом отношении величины.

ЧАСТИЦЫ

В баоанском языке имеется особая группа служебных слов-частиц, которая лишена самостоятельного лексического значения и служит для выражения различных модальных оттенков целых предложений, словосочетаний и отдельных слов.

Количество частиц в баоанском невелико, но по оттенкам значения они неоднородны. Пока представляется трудным определить, какого они происхождения, с какими частями речи этимологически связаны.

Баоанские частицы не могут свободно перемещаться в предложении, за каждой из них закреплено определенное место в структуре предложения: они могут быть препозитивными по отношению к тому слову, к которому относятся (например, частицы *лэ*, *сэ*), или постпозитивными (например: *а*, *ба*, *са*).

В нем преобладают частицы с модальным значением. Эта группа частиц делится на вопросительные, утвердительные и отрицательные.

Вопросительные частицы: *у*, *ба*, *гэрэ*. Наиболее распространенной из них является частица *у*, присоединяемая к соот-

встречавшей по контексту глагольной форме: агу лаву сэ ла-ву? 'девочка плакала или не плакала?'; чэ годжэнэ тараңа һэву? (дцз.) 'не высушил ли свое зерно?' та нэнэ мэдэну? 'знаете ли вы этого?'; чэ гудэ ру? 'ты пришел вчера?'; абэ рэджу сэ рэджу? 'пришел отец или не пришел?'; нджасэ һалэ сугу? 'где они живут?'; чэ нэнэ мэдэму? (тж.) 'знаешь ли ты это?'

Как видно из примеров, глаголы, причастия и деепричастия, оканчивающиеся на гласный (э или о), при частице у теряют гласный в исходе, например: мэдэ- 'знать' — мэдэнэ (глагол будущего времени), мэдэнэ+у > мэдэну (этот же глагол в форме вопроса).

Особенно употребительна данная частица с глаголом-связкой *vi*: кэтэ куң ву? 'есть ли кто-нибудь дома?'; энэ удэ јаң удэ ву? (дцз.) 'что за день сегодня?'. И здесь при сочетании с частицей конечный гласный глагола-связки выпадает.

Частицу у принимает и утвердительное слово, замыкающее все предложение, например: та јуджі идэрсан мбу? 'не устали ли вы от поездки?'; чэ нджаң годжэбалэ кэлсан мбу? (дцз.) 'говорил ли с ним сам?'; нэ мэнэ мэсго мбу? (тж.) 'моя ли эта одежда?'. При этом утвердительное слово (ср. совр. монг. мөн 'да', 'действительно'), выполняя функцию связки, сочетается в основном с причастием прошедшего времени или с именем существительным.

Вопросительная частица у всегда постпозитивна — ставится после того слова, к которому относится. В речи она, сопровождаемая вопросительной интонацией, придает различные эмоциональные оттенки высказыванию — радость, удивление и др.

Однако когда в предложении присутствует вопросительное слово, частица не употребляется, например: чэнэ нэрэ јаң ји? 'как тебя зовут?'

В баоанском языке употребительны вопросительные частицы ба и гэрэ в значении 'ли', 'разве', 'неужели'; при помощи их выражается не только вопрос, но и сомнение: энэ чэнэ азэ о ба? (дцз.) 'это твоя ли сестра?'; нэ нджаңнэ морэ о ба? 'разве это его конь?'; чэ лэ мэдэм ба? 'неужели ты не знаешь?'; нджаң тэнгэджі кэлджі гэрэ? 'разве он так сказал?'; чэ нэдэ лэ тані гэрэ? (тж.) 'разве ты меня не знаешь?'

Утвердительные частицы: ја, да, рі. Они употребляются, когда необходимо подтвердить верность положения, наличие того или иного факта и явления или когда нужно выразить согласие на какие-либо действия. Ср. несколько примеров: таңлэ куң олэң ва ја 'да, там было много людей'; нджаң мэдэм ја да 'да, он знает'; тэ банджірсан нэбуі о ја 'да

та собака — бешеная'; ја да бадаң бэлдэжі 'да, я сейчас приготавливаю пищу'; ја, тэнгэсэ бэ чадэ окіјэ (тж.) 'да, тогда я это тебе отдам'; бэ оңшэјэ да 'да, я почитаю'; бэ тэ-нэ урэджі рэјэ да 'да, я его вызову'; нэ сачэ һго ва рі 'да, это место просторное'; тэ морэ бурдэң ва рі (тж.) 'да, эта лошадь быстра'. В приведенных примерах частица рі встречается лишь после глагола-связки ва.

В отличие от вопросительных частиц утвердительные занимают место за тем словом, к которому относятся. В значении согласия на совершение действия утвердительная частица ја может выделиться и стоять в начале фразы.

Отрицательные частицы: лэ, сэ, ши (тж. хі) и гі (~гінэ). Характерной особенностью этих частиц является то, что они могут отрицать не любые, а лишь определенные члены предложения.

Частицы лэ и сэ всегда ставятся перед тем словом или группой слов, которые отрицаются.

Частица лэ употребляется: а) при глаголах будущего времени изъявительного наклонения: дндэбнэ каң видэ лэ мэдэм (дцз.) 'об этом деле никто не узнает'; окэн ду мохшэ лэ рэм (тж.) 'стрелка завтра не придет'; б) при причастиях настоящего и будущего времени: нджаң лэ мэдэго (~ мэдэ-чоң) гінэ (тж.) 'нет ничего, о чем он не узнает'.

Отрицание становится более очевидным в том случае, когда имеется противопоставление действий: нджаң да рэм лэ рэм? 'он сейчас придет или не придет?'; энэ куң бэданэ гачэнэ мэдэм лэ мэдэм? (дцз.) 'этот человек понимает нашу речь или не понимает?'

Частица сэ ставится: а) при глаголах прошедшего времени изъявительного наклонения: нджаң бэданэ нохаңнэ курджі сэ ро (дцз.) 'он к нам не приходил'; агу ласада амэ сэ тэро (тмгр.) 'хотя девочка и плакала, но мать не брала ее на руки'; б) при причастиях прошедшего времени: нджаң кэлтэлэ сэ кэлсан саң (тж.) 'лучше, если он ничего не скажет' и в) при некоторых деепричастиях: чэ рэсэ сэ рэсэ нэгэ о (дцз.) 'придешь ты или не придешь — все равно'.

Отрицание при помощи частицы сэ более категорично, если имеется противопоставление действий, например: чэ мэсгунэ буаву сэ буаву? (дцз.) 'ты выстирала свою одежду или не выстирала?'

Частице сэ баоанского языка соответствует *си* — в монголском, *эс* — в большинстве остальных монгольских языков. Ср.: совр. монг. *эс мэдэх* 'не знать'; даг. *ін эс мэдтэн* 'он не знал'.

Частицы ши (в тунженском хі) и гі (~гінэ) — постпозитивные частицы.

Частица *ши* (ср. *биш* в остальных монгольских языках) встречается в баоаньском при противопоставлении: *таңла жүдэгиу абэ ши гэгэ о* 'идущий там не отец, а старший брат'; *энэ бура ши часоң о* 'это не дождь, а снег'; *тэ саң вэсоң ши му вэсоң о* (тмгр.) 'то не хорошее, а плохое сено'; *энэ вэсоң ши мэдоф ва* (тмгр.) 'это не трава, а цветы'.

В некоторых других монгольских языках частица *биш* ставится и после причастных и деепричастных форм: совр. монг. *ирхээс биш арга үгүй* 'нет выхода, кроме как прийти'; калм. *тииглэн одхм биш* 'не пойдём туда'.

В отличие от остальных монгольских языков частица *ши* в баоаньском языке, если она следует после причастия будущего времени — сказуемого, меняет огласовку в зависимости от действующего лица. При этом суффикс причастия будущего времени *-гу* (тж. *-го*) переходит в *-гэ*. Ср. несколько примеров: *нджаң гачэ олоңбалэ кэлэ вэргэ хэ* (вместо ожидаемого *кэлэ вэргу хі*) 'он не прекращает говорить'; *кэджэ вэдэ бэ рэгэ хі* (а не *рэгэ хі*) (тж.) 'я никогда не приду'; *бэ да энэнэ ндэгэ ши* (а не *ндэгу ши*) 'это я сейчас не стану есть'; *агу махшэ рэгэ шо* (а не *рэгу ши*) 'девочка завтра не придет'; *чэ да кэтэ харэгэ шо* (а не *харэгу ши*) (дцз.) 'домой теперь не пойдешь'.

Частица *гі* (~ *гінэ*) соответствует по значению *үгүй* 'нет', 'нет', 'без' во многих других монгольских языках и ставится после именных и деепричастных форм: *надэ ау гі* (~ *гінэ*) 'у меня нет ребенка'; *тэ кэтэ кун гі* (~ *гінэ*) 'в том доме нет никого'; *нджаң да тэраджі гінэ* (тж.) 'он теперь не будет спать'; *нджаң годжэ кэтэ гінэ* 'его самого нет дома'; *нджаңдэ саң гар гінэ* 'у него нет хорошего дома'; *аву ја джэлэ хэчагу ноуісэ айджі гінэ* (дцз.) 'дети не побоялись лающей собаки'.

Следует заметить, что в других монгольских языках частица *үгүй* 'не', 'нет', 'без' с именными и причастными формами превращается в *-гүй* и пишется слитно со словом: *орж болохгүй* 'нельзя входить'; *усгүй газар* 'безводная местность'.

Имеющаяся в баоаньском языке частица *тэгэ* соответствует *bitegei* в монгольском письменном языке (ср. совр. монг. *битгий*, калм. *бичкэ*). Данная частица встречается лишь с глаголами повелительно-желательного наклонения, в частности с глагольными формами 1-го и 2-го лица обоих чисел, например: *чэ нараңдэ тэгэ сү* 'ты не сиди на солнце'; *нджаң надэ асхэсэ бэ тэгэ кэлэјэ* (дцз.) 'если он спросит у меня, я не скажу'.

Частица *тэгэ* всегда препозитивна.

В заключение приводим таблицу частиц, употребительных в баоаньском языке (табл. 13).

Частицы	Употребление		Примеры
	препози- тивное	постпози- тивное	
Вопросительные		<i>у ба гэрэ</i>	<i>лэву? морэ о ба? лэ тані гэрэ?</i>
Утвердительные	<i>ја</i>	<i>ја да рі</i>	<i>олоң ва ја јујэ да бордоң ва рі</i>
Отрицательные	<i>лэ сэ</i>	<i>ши гі (~ гінэ)</i>	<i>лэ рэм сэ ро бура ши часоң о гар гінэ тэгэ ју</i>

МЕЖДОМЕТИЯ

В баоаньском языке выделяются следующие группы эмоциональных междометий:

1) выражающие чувство радости, удивления, восторга, удовлетворения: *а*, *ак-ку*, *ас-са*. Приведем несколько примеров: *а*, *чэ рэсаң мбу?* (тж.) 'ой, ты пришел?'; *ак-ку*, *энэ шу јахса ва ја!* 'ах, какая интересная книга!'; *ас-са*, *нудэ нараң хулун ва!* (дцз.) 'ой, жаркий же сегодня день!';

2) выражающие чувство досады, сожаления, боли: *ајо*, *ад-ду*, *аја*. Примеры: *ајо*, *мэнэ тэроң вэтэдјо* 'ай, у меня болит голова'; *ад-ду*, *харнэ ндофбалэ ндолэдјэ* (дцз.) 'ой, руку ножом порезал'; *аја*, *бэданэ нокэр вэтэ шдјэ* (дцз.) 'ах, заболел наш товарищ';

3) выражающие чувство презрения, отвращения: *аш-шу*, *эб-бэ*. Примеры: *аш-шу*, *нудэ бадэ кітан ва* (дцз.) 'бр-р-р, сегодня на улице холодно'; *аш-шу*, *кітан ва рі* (тж.) 'ой, какой холод'; *эб-бэ*, *энэ кэтэ заң* (кит. *цзән*) *ва* (дцз.) 'ах, грязно же в этом доме'.

Следует заметить, что многие различные в звуковом отношении междометия могут выражать одно и то же чувство, если они произносятся с одинаковой интонацией. Следовательно, при установлении значения междометий особую роль играет интонация, с которой они произносятся.

Особенность междометий баоаньского языка составляет и то, что они по своему строению резко отличаются от междометий остальных монгольских языков, кроме монгорского и

дунсянского. Большинство баоанских междометий состоит из сочетания гласного и согласного. При этом характерно, что согласный исхода первого слога, как правило, повторяется в начале второго слога. Ср. *ак-ку, ад-ду, аш-шу* и т. д.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Известно, что в синтаксисе монгольских языков есть много нерешенных вопросов, много разногласий как по содержанию самого предмета синтаксиса, так и по характеристике отдельных его явлений. Следовательно, синтаксис продолжает оставаться наименее разработанным разделом грамматики монгольских языков.

Правда, монголоведение располагает замечательным трудом А. Бобровникова⁶⁷, в котором достаточно подробно освещены основные вопросы синтаксиса. Однако следует заметить, что эта работа базировалась на материалах старописьменных — монгольского и калмыцкого языков. Специальных монографических исследований по синтаксису отдельных живых монгольских языков еще нет; отсутствует полное и всестороннее описание структурных особенностей основных типов как простых, так и сложных предложений в этих языках.

К синтаксическому строю баоанского языка следует подходить не так, как мы подошли бы к неизвестному языку, хотя баоанский до настоящего времени и не был описан в литературе. Изучение этого языка непосредственно в среде говорящих на нем людей, анализ записанных текстов дает нам возможность утверждать, что в баоанском языке способы сочетания слов в предложении, типы и структура предложений в основном такие же, как и в остальных монгольских языках. Итак, при изучении синтаксического строя языка мы должны, с одной стороны, исходить из наиболее общих, известных в других монгольских языках синтаксических категорий, существование которых и в баоанском не вызывает сомнений, с другой — пытаться выявить полно те немногочисленные особенности в синтаксическом строе, которые отличают баоанский от многих других монгольских языков.

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В баоанском, как и в других монгольских языках, мы различаем следующие члены предложения: а) подлежащее, б) сказуемое — главные члены предложения; в) дополнения,

г) определения и д) обстоятельства — второстепенные члены предложения.

Для примера разберем такое предложение: *нудэ бэ нджаңбалэ лахшэнэ анджо* (дцз.) 'сегодня я с ним обменялся платком', в котором *нудэ* 'сегодня' — обстоятельство времени, *бэ* 'я' — подлежащее, *нджаңбалэ* 'с ним' — косвенное дополнение, *лахшэнэ* 'платком' — прямое дополнение и *анджо* 'обменялся' — сказуемое. Это предложение, выражая вполне законченную мысль, состоит из различных членов предложения. Среди них мы находим главные, которыми, собственно, и передается законченная мысль, — *бэ* и *анджо*, и второстепенные, поясняющие и уточняющие: главные члены предложения, — *нудэ*, *нджаңбалэ*, *лахшэнэ*. В данном предложении отсутствует лишь один возможный член предложения — определение, которое может характеризовать с какой-то стороны любой из членов предложения.

Подлежащее. Обычный способ выражения подлежащего — употребление имени существительного в именительном падеже: *агу годжэнэ равэнэ самлэджо* (дцз.) 'девушка причесывает свои волосы'; *амэ кэтэсэ рэджо* (тж.) 'мать пришла из дому'. Однако подлежащее может быть выражено и любой другой склоняемой частью речи — местоимением, числительным, прилагательным. Приведем несколько примеров: *нджасэ нокэрэчиджэ* (дцз.) 'они помогал друг другу'; *чэ мэне агунэ сэ нджэгтэсаң мбу?* (тмгр.) 'не видел ли моей дочки?'; *хабраңэ харэджи рэдэджэ, нимаңэ тэдадэжэ* 'десять из них вернулись, а восемь убежали'. Как и во всех монгольских языках, в баоанском подлежащие, передаваемые субстантивированными числительными и прилагательными, принимают частицу притяжания 3-го лица *-нэ*: *нимаңэ* 'семеро [из них]', *саңнэ* 'хороший [из них]'. При подобных субстантивированных именах *-нэ* в качестве показателя подлежащего обязательна. В противном случае эти имена, не имеющие специального форманта, воспринимались бы как второстепенный член предложения.

Сказуемое. В зависимости от способа выражения в баоанском выделяются два типа сказуемых: а) образованные простыми формами глаголов любого склонения и времени и б) образованные сочетанием глагола в форме соединительного деепричастия с вспомогательным глаголом; сочетанием именной или причастной формы с глаголом-связкой. Первый тип сказуемого мы назовем простым, а второй — сложным.

Простое сказуемое передается

1) изъявительными формами глаголов:

а) глаголом настоящего времени: *нджаң ндаңнэ хэджо* (дцз.) 'он закрывает дверь'; *тэ шазэ нэсэ аиджо* (тж.) 'тот

⁶⁷ А. Бобровников, *Грамматика...*

мальчик меня боится': *абэ мутоң һдолэджо* (тмгр.) 'отец рубит дерево';

б) глаголом будущего времени: *бэ энэ куңнэ танім* (дцз.) 'я узнаю этого человека'; *Сэлаңдэ куң олоңнэ бэдэ мэдэм* (тж.) 'мы узнаем, много ли народа в Синине'; *тэ нбуйсэ айнь* (тж.) 'он побоится собаки'; *энэ куңнэ бэ лэ мэдэм* (тмгр.) 'этого [человека] мы и не узнаем';

в) глаголом прошедшего времени: *нджасэнэ хонэ тарбо-лэджэ* 'их овцы стали тучными, жирными'; *нджаң јаджэлэ-балэ јучэ* (дцз.) 'он уехал с детьми'; *тэ Лабраң(дэ) һджо* (тж.) 'тот уехал в Лабран'; *нджасэ да толмэбдэ шджэбэ* (тмгр.) 'они сейчас ушли за теленком';

2) повелительно-желательными формами глаголов.

Следует особо остановиться на употреблении в качестве подлежащего личного местоимения 2-го лица единственного числа *чэ* 'ты' при сказуемом, выраженном повелительно-желательным наклонением. В этом случае сказуемое приобретает собственно повелительное значение, т. е. выражает желание говорящего, чтобы 2-е лицо совершило данное действие. Ср. несколько примеров: *энэнэ чэ нджэ* (дцз.) 'посмотри на это'; *тэ пэджэгнэ гэргэндэ окэ* (тж.) 'то письмо передай учителю'; *нэдэ тэгэ мартэ* (тмгр.) 'меня не забывай'. Наличие суффиксов вида и залога не изменяет общего значения данной формы: *чэ нджаңнэ гарнэ нджэбэ* (дцз.) 'заставь показать его дом'; *ндаңнэ созэбалэ созэдэ* (тж.) 'закрой дверь на замок'; *чэ бэданэ нохаңнэ нэгэ рэдэ* (дцз.) 'приходи к нам (сюда)'.
При подлежащем в 1-м лице единственного или множественного числа сказуемое может обозначать желание, чтобы совершилось действие, и передается глаголом с суффиксом *-јэ*: *бэ нджаңбалэ кэлэјэ* 'я с ним поговорю'; *мангэ һамэ-рајэ* (дцз.) 'мы отдохнем'; *бэ јудэјэ* (тж.) 'я пойду'.

Когда же подлежащее передано личным местоимением 3-го лица любого числа, то сказуемое принимает суффикс *-гэ* и выражает пожелание, чтобы лицо, не участвующее в данном разговоре, совершило то или иное действие, например: *нджасэ шунэ нэдэ окэгэ* (дцз.) 'пусть они мне книгу отдадут'; *нджаң мэнэ кэтэ рэгэ* (тж.) 'пусть он придет ко мне домой'.

Сложное сказуемое в баоанском языке делится на глагольное и именное в зависимости от того, какая часть речи является основным элементом сложного сказуемого.

Сложное глагольное сказуемое выражается:

а) сочетанием соединительного деепричастия основного глагола и вспомогательного глагола. Это широко распространенный тип глагольного сказуемого, в котором основное зна-

чение сказуемого заключено в деепричастной форме, вспомогательный же глагол указывает на время совершения действия. Чаще всего в подобных сочетаниях встречаются глаголы *рэ* 'приходить', *окэ* 'дать', *вар* 'кончать' и некоторые другие. Приведем несколько примеров: *чэ шджэджі ногэнэ нохаң урэджі рэ* 'пойди и пригласи его сюда'; *нджаңнэ таңлэсэ абджі рэво* 'от него (оттуда) принесли'; *нджасэ һорулэ-һорулэ һамтэ луфладжі варо* (дцз.) 'они собирались по три человека'; *бэ сујан сујан дэрджі рэдо* 'я сидел, сидел и замерз'; *бэ хэгонэ хаджі вардо* (тж.) 'я сшила то, что нужно было сшить'; *лэ мэдэчоң кэтэ орджі рэджо* 'в дом вошел незнакомец'; *нджасэнэ тэрсэ манэ тэмэр гурдјэгнэ абджі рэ* (тмгр.) 'принеси от них нашу железную лопату';

б) сочетанием основы глагола с вспомогательным глаголом. Такой способ образования сложного глагольного сказуемого встречается лишь в монгольских языках, распространенных в провинциях Ганьсу и Цинхай. Остальным монгольским языкам (современному монгольскому, калмыцкому, бурятскому, дагурскому и монгольским диалектам Китая) он неизвестен. Основа как структурный элемент слова в так называемом «чистом» виде, входя в состав сказуемого, передает основное значение. Баоанские материалы показывают, что с основой глагола сочетаются в качестве вспомогательного чаще всего два глагола: *шджэ* 'идти', 'пойти', 'ехать' (ср. совр. монг. *очи-*, калм. *од-*, бур. *ошо-*, дунс. *эчы-*, монг. письм. *оџи*) и *вар* 'кончать' (ср. совр. монг. и калм. *бар-*, бур. *бара-*, дунс. *бара-*, монг. письм. *baga-*). Примеры:

агу јаджэ кэлаң кэлаң ла шджэ 'девочка рассказывала и плакала'; *һанэ гардэ луфла шджэдјэ* 'все они собрались в доме'; *нджаң хулуң чабалэ амаңнэ тігэ шджэ* (дцз.) 'он обжег рот горячим чаем'; *бэ лэ шджэм. Бэ шджэсада чэнэ гачэгэ лэ кэлэм гэджі мосэ шджэ* 'я не полечу. Если и полечу, то и тогда твои слова не передам. И улетела'; *нджаң рэдафла шджэгудэ нджаңнэ бас нэгэ ндэ шджэ* (тмгр.) 'когда он охотился, его съел тигр'; *мангэ тэ фурэ тарэ вардо* (тмгр.) 'мы кончили сеять те семена'.

В примерах *агу тэда шджэ* 'девочка убежала'; *нджаңнэ нараң һэ шджэ* (дцз.) 'его пригрело солнце' глагол *шджэ* выступает в роли вспомогательного глагола и его форма в таких случаях совпадает с основой этого глагола. В баоанском, как мы уже отмечали, принято иногда избегать двух одинаковых слогов в одном глаголе. По-видимому, для краткости и удобства произношения вместо *шджэдјэ* употребляется сокращенное *шджэ*. О правильности этого предположения говорит употребление глагола *шджэ* в настоящем времени. В этом случае глагол *шджэ* утрачивает слог *дјэ*, присоединяя суф-

фике настоящего времени -джо, например: *унаң мэргэ шджэ* 'корова бодается' (*шджэ* вместо *шджэджэ*).

Ср. несколько примеров на самостоятельное употребление глагола *шджэ*:- *бэдэ сагардэ шджэджэ* 'мы едем в город'; *нджаң вагэлэ шджэджэ* (дцз.) 'она идет копать [землю]'; *нджасэ Гасэрдэ шджэ* (тж.) 'они едут в [деревню]'; *Гасэр нджасэ удэ чэна жкэлэ шджэджэ* (дцз.) 'сегодня они уехали убивать волков'; *тэр кэтэ шджэдо* (тмгр.) 'тот пошел домой'.

Однако следует обратить внимание на то, что употребление глагола *шджэ*- возможно как в полной, так и в сокращенной форме.

Именное сказуемое выражается:

а) местоимением с глаголом-связкой: *гар бадэ бэі суджэ гу каң о?* (дцз.) 'кто тот, который стоит на улице?';

б) прилагательным с глаголом-связкой: *саң куңнэ кэлэ саң ва* (тмгр.) 'добрый человек скажет хорошее'; *энэ шу на роң о, ондэр о* (дцз.) 'это дерево и тонкое и высокое'; *нэ сачэ кітаң ва* (тж.) 'эта местность — холодная';

в) числительным с глаголом-связкой: *нджаңдэ хонэ хар ваң ва* (тж.) 'у него (имеется) десять овец'.

Во всех приведенных примерах употребляется один и тот же глагол-связка. Без него существительное, местоимение, прилагательное, числительное редко выступают в роли сказуемого. Глагол-связка *ві* (*жі, ва, о*) выступает лишь в форме настоящего времени, и все сложное сказуемое в результате этого воспринимается как сказуемое в настоящем времени.

Личные местоимения и имена существительные в роли знаменательной части сложного сказуемого принимают суффикс принадлежности -гэ: *нэгэ гар чэнэгэ мбу?* (дцз.) 'не твой ли этот дом?'; *нэ лусэ абэгэ о* 'этот осел — отца'; *тэ асоң та нэгэ о* (тж.) 'тот скот — ваш'. Местоимения и имена существительные с -гэ указывают на принадлежность предмета тому или иному лицу.

В баоанском очень широко употребляются простые причастные сказуемые, сопровождаемые частицами и без них:

а) сказуемое выражено причастием прошедшего времени: *эмэ эрэ буалэ сусаң* 'жили муж и жена'; *эмэнэ ладжі оң басаң хо* (тмгр.) 'жена его расплакалась и не хотела отдавать своих детей'; *чэ рэсаң мбу?* (тж.) 'ты пришел?';

б) сказуемое выражено причастием будущего времени: *кэлджэго мба* 'ты верно сказал'; *чэ нджэгэ хисаң мбу?* (тж.) 'ты не должен был идти?'.
В последнем примере из тунжэньского говора отрицательная частица, стоящая за причастной формой, оформляется

суффиксом причастия прошедшего времени -саң: *нджэгэ хисаң*. Форма *хисаң* образовалась в результате того, что между отрицательной частицей и суффиксом причастия прошедшего времени -саң, по-видимому, употреблялся один из вариантов глагола-связки *ві*.

Согласование подлежащего со сказуемым. Синтаксические отношения между подлежащим и сказуемым в баоанском отличаются некоторым своеобразием. Встречающиеся случаи согласования в лице главных членов предложения зависят от того, какой частью речи выражено подлежащее. Согласование сказуемого с подлежащим в лице имеет место тогда, когда подлежащее выражено личным местоимением. Таким образом, показатель лица глагола-сказуемого зависит от формы личного местоимения.

Достаточно устойчивым в баоанском языке является употребление формы сказуемого с показателем *і* при подлежащем, выраженном личным местоимением 1-го лица, и формы сказуемого с показателем *о* при подлежащем, переданном личным местоимением 2-го или 3-го лица.

В баоанском языке согласуются с подлежащим в лице сказуемые, выраженные:

1) глаголом настоящего времени. В этом случае подлежащее выражается: а) личным местоимением 1-го лица единственного или множественного числа: *бэдэ ча уджі* 'мы пьем чай'; *бэдэ тужэн куңлэ хамтэ суджі* (дцз.) 'мы живем вместе с монгорами'; *бэ толчэланэ сэладжі* (тмгр.) 'я пою водой теллят'; б) личным местоимением 2-го или 3-го лица единственного или множественного числа: *чэ тосоң ноңдэ мэба чинаджэ* 'ты изжаришь мясо на масле'; *нджаң бор мэгу мэсэджэ* 'она носит короткую одежду'; *нджасэ джаңбэг тубэджэ* (дцз.) 'они собирают орехи'; *та вэсоң бадэджэ* 'вы косите сено'; *нджаң мандэ шинэджэ* (тмгр.) 'он над нами смеется'; в) именем существительным в именительном падеже (сказуемое — глаголом настоящего времени с суффиксом -джэ): *мордэ куңгэ јуджэ* 'по дороге идет один человек'; *имаңлэ сэ уджэ* 'козы пьют воду'; *амэ сэлэ шджэджэ* (дцз.) 'мать идет доить'; *шаджэла нятэджэ* 'дети играют'; *нджаңнэ шаджэ ладжэ* (тмгр.) 'его ребенок плачет';

2) причастием будущего времени: а) формой на -гі, при которой подлежащим может выступить личное местоимение 1-го лица обоих чисел: *бэ энэ чэмбібалэ н: джэгі* 'я напишу этим карандашом'; *бэдэ курджэ рэсаңдэ шджэгі* 'мы пойдем к приехавшему'; *нджаң гэджі бэ буалэ хамтэ шджэгі* (дцз.) 'мы с ним (букв. 'он и я вдвоем') вместе поедем'; *нэ рачэнэ бсэ бэ сохтэгі* 'если выпью это вино, я опьянею'; *бэ нджандэ сэрабэджэ окэгі* (тж.) 'я научу его'; *гічоңла рэ-*

дэ, бэ джэмба окэги, абла рэ 'бедные, приходите. Я буду раздавать подаяния, приходите за ними'; бэ кэтэ суги хо буда чэнэ хуинэ дабаги (тмгр.) 'я не останусь дома. Мы последуем за тобой'; б) формой на -го, при которой употребляются подлежащие, выраженные местоимением 3-го лица или существительным в именительном падеже, например: нджан тарэго (дцз.) 'он посеет'; нджаң мохшэ рэго 'он придет завтра'; азэ тэрмандэ нджэго (тж.) 'старшая сестра пойдет на мельницу'; нджаң гэджі нокэр буала махшэ базардэ шджэго (тмгр.) 'завтра он и его товарищ поедут в город'.

3) причастие прошедшего времени. Особого замечания требует этот тип сказуемого, так как причастие прошедшего времени может самостоятельно использоваться в функции сказуемого, может иногда присоединять к себе и специальный показатель сказуемого, ставящийся в зависимости от действующего лица. О происхождении *i* и *o* в суффиксах глагольных форм уже говорилось в морфологии. Здесь следует также подтвердить, что *ni* и *no*, присоединяющиеся к причастной форме (в предикативной функции), не имеют сколько-нибудь широкого употребления и используются без строгого деления по лицам. В наших примерах из тунжэньского говора *ni* и *no* с причастием прошедшего времени даны при подлежащем — местоимении 3-го лица: нджаң халсэ рэсаңни? 'откуда он пришел?' нджаң хэнэ тавоңдэ рэсаңно 'он вернулся пятого числа'.

Дополнения выражают объект, на который прямо или косвенно распространяется действие, передаваемое сказуемым.

Прямое дополнение возможно при переходных глаголах или непереходных глаголах в побудительном залоге, выражается формой винительного падежа любой склоняемой части речи. Приведем несколько примеров: чэ тэханэ нэң чиджэдэ жу? 'не накормишь ли кур?'; гэгэ равэнэ хичэлэгум ро 'брат вернулся, как только подстриг волосы'; ча ајивэлэ нэ гэджі шаолэнэ (кит. шао) шэлэ дэвоң гэдэ 'чашки и ложки поставь на стол'; каң видэ нджаңнэ сэ нджэдэджэ (дцз.) 'его никто не видел'; нэ сэнэ тэдэ кэ 'налей эту воду в посуду'; бэ хонэнэ джаро (тж.) 'я зарезал овцу'; абэ гэджі шаджэланэ кэтэ гэдэ 'отец с детьми остался дома'; мэбан чинаджі джуларба 'свари мясо так, чтобы оно было мягкое'; азэ сэ абла шджэ кэрэб 'сестре надо идти за водой'; ндо каң урэджі ва? (тмгр.) 'кто меня звал?'

Косвенное дополнение в баоаньском языке выражается формой дательного-местного, исходного, орудного или соединительного падежей и обозначает предмет, на который действие распространяется не непосредственно, а косвенно.

а) косвенное дополнение в дательном-местном падеже: бэ эңэнэ баджірдэ дэсэсэ, чэ сүдэ 'я это постелю на землю'

ты садись'; абэ куңнэ ндэвадэ шджэбэчэ 'отец заставил сына поехать в деревню'; чэ годжэдэ лахшэңгэ аб 'ты купи себе платок'; бэ чодэ гораң јаң кэло (дцз.) 'я говорил тебе трижды'; нудэ бэ цгардэ нджо 'я сегодня ходил в храм'; мэнэ аунэ Лабрандэ нджэбэдо 'заставь моего сына поехать в Лабран'; чэ каңдэ кэло? 'кому ты говорил?'; чадэ хонэ кэтоң жі? (тж.) 'у тебя сколько овец?'; тэ сачэдэ куң вісаң хо 'в той местности не было людей'; энэнэ шджібаң агудэ окэ (тмгр.) 'это отдай маленькой девочке';

б) косвенное дополнение в исходном падеже: чэ энэсэ чадалаң ндэ 'ты наедайся этим досыта'; аву јаджэлэ агу јаджэлэсэ шунэ буладжэ 'мальчики отняли у девочек книги'; шинэ тавоңсэ харваңдэ куртэла бэ базардэ жі (дцз.) 'с пятого по десятое я был в городе'; морэ лусэсэ бордоң 'лошадь быстрее мула'; да бэ кэтэсэ ро 'сейчас я пришел из дому'; нэ чабсоңсэ чіхаң о 'это — белее снега'; нджаң нэсэ ондэр (тж.) 'он выше меня'; нджаң морэса надо 'он упал с лошади'; манэ гэр нджаңнэ гэрса холо гі (тмгр.) 'наш дом находится недалеко от его дома';

в) косвенное дополнение в орудном падеже: агу јаксабалэ сарэ хараң мэтэгэ 'девушка подобна [по красоте] луне и солнцу'; нджаң фэлаң, нофоң, шіра ндасоңбалэ матэблэнэ хаджэ (дцз.) 'она шила [вышивала] красными, зелеными и желтыми нитками'; бэ гэргэнгэбала нэджо (тж.) 'я писал ручкой учителя'; чэ самбала равэ самлэ (тмгр.) 'расчеши волосы гребенкой';

г) косвенное дополнение в соединительном падеже: унаң толчэблэбалэ јуджэ 'идут коровы с телятами'; гэгэ мэчэбалэ (мэчэлэ) һамтэ јудо (дцз.) 'старший брат ушел вместе с другими людьми'.

Определение указывает на признак, свойство или принадлежность. В баоаньском языке определение может относиться как к главным, так и к второстепенным членам предложения. Определения можно подразделить на два вида — примыкающие и притяжательные.

Примыкающие определения передаются различными частями речи:

а) именем существительным (обычно характеризует определяемое слово по признаку материала): мутоң гар 'деревянный дом' (букв. 'дерево дом'), ајсоң малбэ 'меховая шапка' (букв. 'мех шапка'), шіро гар 'саманный дом' (букв. 'саман дом');

б) именем прилагательным, указывающим на качество определяемого: энэ аруң сэ ші, заң (кит. цзән) сэ о 'это не чистая, а грязная вода'; чэ ніңгаң гадгэдэ нэджэ (дцз.) 'ты пиши на тонкой бумаге'; шджібаң агу амэбала һамтэ ро (тмгр.) 'маленькая девочка пришла вместе с матерью';

в) указательным местоимением: *энэ агу тавоң наслэджэ* 'этой девочке исполняется пять лет'; *энэ шу мэнь гарсэ он-дэр о* 'это дерево выше моего дома' (дцз.).

Притяжательные определения характеризуют определяемое по признаку принадлежности. Такие определения выражаются:

а) именем существительным в родительном падеже: *нджасэ морэнэ нгэнэ тобэджэ* 'они оседлали коня' (букв. 'коня седло оседлали'); *энэ шулэнэ лабчоң нэджэ* (дцз.) 'листья этих деревьев осыпаются'; *мутоңнэ лабчоң когэ ва* 'листья деревьев — зеленые'.

В отличие от остальных монгольских языков в баоанском наблюдается употребление имени существительного в именительном падеже в роли притяжательного определения: *хонэ арсоң* 'шкура овцы' (букв. 'овца шкура'), *га арсоң* 'листья шкура' (букв. 'лиса шкура');

б) местоимением в родительном падеже: *энэ чэнэ анджисан мбу?* 'это твой плуг?'; *чэ мэнь агунэ сэ нджэгтэсаң мбу?* 'не видел ли мою дочку?'; *тэр нджаннэ гэрдэ курдо* (тмгр.) 'он добрался до его дома'.

Как уже отмечалось, определение может быть выражено различными частями речи. Определения, передаваемые числительными, прилагательными и причастиями, в основном не отличаются от таких же определений в других монгольских языках.

Так же, как и в дунсянском языке, в баоанском постановка нескольких следующих друг за другом однородных определений, выраженных различными частями речи, при одном определяемом нетипична. Наиболее характерны для него следующие друг за другом два определения, относящиеся к тому или другому члену предложения, например: *энэ нэгэ ајібэ чэ-нэ рдэ* 'выпей эту одну чашку чая'; *нджаннэ гэгэнэ гар хо-ло гинэ* (дцз.) 'дом его брата недалеко'.

Обстоятельство, как второстепенный член предложения, поясняет сказуемое, указывая на место, время и степень действия или состояния:

а) обстоятельства места чаще всего бывают выражены наречиями места: *нджасэнэ таңлэ бэданэ нохаңсэ хулуң о* 'там теплее, чем здесь'; *мангэ нохаңсэ таңлэ холэјэ* 'мы побежим отсюда туда'; *бэ нджаннэ айэнэ нохаң рэгудэнэ джэлаво* (дцз.) 'я встречал его сестру, когда она приезжала сюда'; *нджан наңнаң сэ ро* 'он сюда не приходил'; *ши нятэчоңлэ наңнаң ро* (тж.) 'сюда пришли люди, участвующие в спектакле';

б) обстоятельства времени могут быть выражены наречиями времени и именами существительными в исходном падеже: *энэ матэб дэ матэблэджэ* 'эти цветы теперь расцвела'; *чэ*

махшэ нджасэнэ хамтэ ју 'ты завтра поезжай вместе с нами'; *гудэсэ нго кі фйлэджэ* (дцз.) 'со вчерашнего дня дует сильный ветер'; *чэ рамэ гэджі ндјэ* (тж.) 'скорее иди'; *мэ-банэ да чинаджэ* (тмгр.) 'мясо сейчас сварили';

в) обстоятельства меры и степени представлены в баоанском языке словами *нга* и *мохлэ* 'очень', показывающими степень проявления действия: *гар ноңдэ мохлэ кітаң ва* 'в доме очень холодно'; *амэ годжэнэ агунэ мохлэ савэдјэ* (дцз.) 'мать очень ждет свою дочь'; *абэ амэ куң буалэнэ джолбэдјэ нга бэсэсаң* (тмгр.) 'мать и отец очень обрадовались встрече с сыновьями'.

Порядок слов в предложении в основном тот же, что и в остальных монгольских языках⁶⁸.

В баоанском языке в отличие от некоторых других монгольских языков логический субъект в причастном и деепричастном оборотах выражается несколько иначе: там, где в других монгольских языках он был бы передан именем в винительном или в родительном падежах, в баоанском чаще всего он ставится в именительном падеже. Логический субъект стоит в именительном падеже при причастиях:

а) прошедшего времени: *нджан чэ шджэсаңса хуинэ буданэ эндэ рэдјэ* 'он пришел к нам после того, как ты ушел'; *гэгэ бэ рэсаңса хуинэ шджэдэ* (тмгр.) 'старший брат уехал после того, как я пришел'; *бэ вэлэджі рэсаң аробнэ чэ абчэ рэ* 'ты принеси корзину, которую я нес за спиной'; *чэ рэсаңнэ бэ мэдэджі джолбэлэ ро* (тж.) 'я узнал, что ты приехал, и пришел навестить';

б) будущего времени: *чэ кэлэджіго гачэнэ бэ лэ гогэнэ* 'я не понимаю, о чем будешь ты говорить'; *чэ нгэрджігодэ бэ ро* (тж.) 'я приходил тогда, когда ты собирался спать'.

Логический субъект может ставиться в именительном падеже и при деепричастиях:

а) условном: *чэ сэ рэсэ бэ лэ рэм* 'если ты не придешь, я не приду'; *чэ вэтэджісэ бэ мам окэјэ* (тж.) 'если ты заболел, я дам лекарство'; *чэ шджэса бэ дэ шджэі* 'если ты пойдешь, то и я пойду'; *чэ махшэ сэ рэса бэ рэгэ хі* (тмгр.) 'если ты завтра не придешь, то и я не приду';

б) предела: *бэ сэ абджі рэтэла чэ эндэ судэ* 'пока я не принесу воды, ты посиди здесь'; *чэ рэтэла бэ вабаја* (тмгр.) 'я постираю, пока ты вернешься'; *бэ хавэджі сэ рэтэла чэ савэ* 'ты жди, пока я не вернусь'; *чэ нджэтэлэ бэ чадэ кэлэјэ* (тж.) 'пока ты не уехал, я скажу тебе все'.

⁶⁸ См. Б. Х. Толаева, *Дунсянский язык*, стр. 69—70.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ

ДАЗЭГ ГЭДЖИ НАРТА БУАЛЭ¹

Дазэг гэджэ харта буалэ авјэ варсаң. Дазэгдэ сэхаң шанчэггэ јисаң. Хартадэ сэхаң нэдэң буар јисаң. Дазэг хартадэ зэлу јисаң.

Нэгүдэнэ харта төрлэ шдјжээгэ гэджэ шдјжэсаң. јуджэ олэ мөрдэ курсэ кі фулэдјжэ хартанэ нэдэңдэ шашэ орсаң. Нэдэңсэ нэмсөң чурдјжэ сэ ндјжэгтэсаң.

Харта гэджэ сумүгэсаң: «Нэдэ нэдэң гисэ дэ сэхаң шанчэггэ висэ саң јисаң». Энгэбјжэ доблоң доблоң күтэ харэдјжэ рэсаң.

Нэгүдэнэ дазэг хартанэ күтэ нятэлэ рэгүдэнэ сумүгэсаң: «Нэдэ нэдэң буар висэ јантэг саң јисаң». Морнэ ндјжэгтэгүсэ холодэгүнэ јэ ндјжэгтэго». Энгэдјжэ хартанэ күтэ рэсаң.

Дазэг хартадэ хунлайдјжэ кэлсаң: «Мангэ буалэ энтэг саң о. Мэнэ рэхаң шанчэг гэдјжэ чэнэ тэр вөхтэсаң нэдэңбалэ андјжэјэ». Харта «ја, андјжэјэ» — гэсаң.

Дазэг ндјжаң харта гачэдэ лэ курсэ гэдјжэ айдјжэ рамэ ханэнэ урэдјжэ рэдјжэ мэхуі кэсаң.

Дазэг кэлсаң: «Бэ энэ сэхаң шанчэг гэдјжэ хартанэ вөхтэсаң нэдэңбалэ андјжэгі гэдјжэ ма. Бэ тандэ мэдэгэјэ». Энгэдјжэ харта бэсэдјжэ андјжэдјжэ окэсаң.

Тэсэ хуинэсэ гэдјжэ харта сэхор олсаң. Јаң видэгнэ ндјжэгтэдјжэ гисаң. Ндјжаң нјжэрлэсэ шичэдјжэ бадјжир дөбөн орсаң. Да сэ хардјжэ рэсаң.

КРЫСА И КРОТ

Когда-то крыса и крот были дружны. Крыса отличалась красивым хвостом, а крот — красивыми глазами. Но крыса оказалась хитрее, чем крот.

Однажды крот отправился гулять. Когда он проделал половину пути, поднялся сильный ветер, в глаза ему попали пыль

¹ Текст записан баоаньской группой экспедиции:

и песчинки. Из глаз потекли слезы, он ничего не смог увидеть.

В пути он задумался: «Хорошо было бы, если бы вместо моих глаз я имел бы красивый хвост». Дальше он не смог идти, захромал и вернулся домой.

Как-то крыса отправилась к кроту, чтобы поиграть. В пути она в свою очередь подумала: «Если бы у меня были глаза [крота], как было бы хорошо. Я смогла бы видеть и на далеком расстоянии». С этими мыслями она пришла к кроту.

Крыса решила обмануть крота и сказала: «Мы с тобой — хорошие друзья. Сделаем обмен — я дам тебе свой красивый хвост, а ты мне свои уродливые глаза». Крот ответил согласием.

Крыса подумала, что крот может и не сдержать своих слов, поэтому сразу собрала всех своих знакомых зверей и сообщила им: «Я собираюсь свой красивый хвост обменять на его уродливые глаза. Это я всем хотела сообщить». Крот этому обрадовался, и обмен состоялся.

С этого времени крот стал слепым. Он ничего не стал видеть. Стыдясь своих друзей, он зарылся в землю и больше не показывался.

ДЖЭМЭГЭНДЭН²

Нэгэ ваңдэ куң нэгэда гисаң, эмэ тавоң джоң жисаң. Тэрса гэдэжэ ламадэ шдэжэбасаң. Рэсаң шаджэдэ Джэмэгэндэн гэдэжэ нэрэнэ окэсаң.

Джэмэгэндэн тавоң насоңса нэдэжэг сэрасаң. Харэн тавоң насоңдэ куртэла нэдэжэг ханэнэ мэдэсаң.

Тэрсэнэ ваң ндэжаңдэ кэлсаңдэ: «Да чэ нго олдэжэ ван олгу кэрна» — гэдэжэ эмэ абсаң.

Тэрса хуинэ ндэжаң абэдэ — «Бэ гичоңдэ джэмба окэса» — гэдэжэ асхэсаң. — «Чэ годжэ мэдэ» — гэдэжэ абэнэ кэлсаң.

Да бэ джэмба окэ кэрна гэдэжэ сачэ ханэ видэ: «Гичоңла рэдэ, бэ джэмба окэги, абла рэ» — гэдэжэ кэлсаң.

Гичоңла рэдэжэ годжэла жаң варса абдэжэ. Ндэжаң миңго, антаң, морэ гэдэжэ джэмба окэсаң.

Мэчэгэнэ сачэдэ ндэгу гина, куң нга нгудэджэ. Ндэжаң нэ миңго тэр сачэдэ вар шдэжэ.

Тэ сачэнэ ваң нэгэ амаңдэ шдоң ги куңгэ шдэжэбаджэ. «Чэ шдэжэса саң ва. Мэсгу, кулдэгу бэ чодэ окэжа. Чэ тэ сачэса норогіндэнэ окэса абдэжэ рэ» — гэдэжэ кэлсаң.

Нэгудэнэ тэ куң рэдэжэ: «Бэ гачэ мэчэгэ јі, чэ джэмба окэджо гэдэжэ буила ро» — гэдэжэ кэлсаң.

Джэмэгэндэн: «Чодэ жаң кэр абдэжэ шдэжэ» — гэсаң. «Надэ јамэ ханэ лэ кэр. Окэса надэ норогіндэнэ окэ, мэчэла лэ кэр» — гэдэжэ кэлсаң.

Джэмэгэндэн: «Норогіндэ окэджэ лэ олна. Мэчэ кэрса окэја» гэса «Мэчэ лэ кэр, чэ тэрнэ окэдэса чэнэ джэмба шо, бэ шдэжэги» — гэсаң. «Миңго, ханэнэ чэ вэлэладэса асоңдэ ачэдэжэ окэја» гэса тэ куң ндэжаң: «Норогіндэнэ сэ окэса миңго ханэ лэ кэр» — гэдэжэ хор ордэжэ шдэжэсаң.

Тэрса ваң: «Да бэ норогіндэнэ чодэ окэја. Чэ удэргэ шдэжэдэжэ лэ олна, шдэжэса шилаң шдэжэ» — гэсаң.

Ваң шдэжэдэжэ норогіндэнэ абдэжэ рэдэжэ тэ куңдэ окэсаң.

Тэрса хуинэ нэгэ куң ваң абэдэ рэдэжэ: «Бэ гогэдэжэ, чэнэ куң джэмба окэджэ варбаса да норогіндэнэ куңгэдэ окэ шдэжэ» — гэдэжэ кэлсаң.

Ваң ндэжаңнэ эмэдэ шдэжэдэжэ хэйлсаң: «Чэнэ куңдэ јамэ ханэнэ хардэ окэса варба шдэжэ, јамэла варсада норогіндэнэ мэчэ куңгэдэ окэ шдэжэ» — гэдэжэ кэлдэжэ. «Да надэ куң лэ кэр» — гэдэжэ харэдэжэ шдэжэдэжэ.

Тэрсанэ хуинэ Джэмэгэндэннэ урэдэжэ «норогіндэнэ куңгэдэ окэджэ» — гэдэжэ хэйлсаң.

«Джэмэгэндэннэ вэрдэжэ шдэжэдэжэ алэдэ» — гэдэжэ ваң кэлдэжэ. Ндэжаңнэ эмэ гэдэжэ шаджэ буала лэдэжэ хэйлэдэжэ.

Тэрса олэ(нэ) алэдэја, олэ(нэ) хар кулнэ ндолэдэја гэдэжэ кэлсаң. Тэрсанэ ханэ ндэжаңнэ вэрдэжэ. Харнэ бофэлдэджэ ндэва; сачэ ханэбалэ нэшкоң јубасаң. Куңла ханэ ндэжэджэ лэсаң. Ндэжаңнэ эмэ шаджэ буала нбрнэ мазадэжэ, хуинэ дабадэжэ шдэжэсаң.

Нэгэ саң куңгэ шдэжэдэжэ ваңдэ асхэсаң: «Чэнэ куң алэдэжэ лэ олна. Бэ ндэжэса сачэ мэчэгэдэ шдэжэбаса саң» — гэдэжэ кэлдэжэ.

Ваң: «Та годжэла мэдэ» гэдэжэ кэлдэжэ. Тэ куң ндэжаң харэдэжэ рэдэжэ ханэдэ: «Мангэ алэдэжэ олгі хэ. Бэ ндэжэса сачэ мэчэгэдэ шдэжэбэдэја» — гэдэжэ кэлса ханэла. «Тэр да мба, мангэ ханэ јудэ, абэдэ асхэја» — гэдэжэ шдэжэсаң.

Абэ кэлсаңда: «Сачэ мэчэдэ шдэжэса харэң буар хоң сүдэжэ хуинэса рэса тэгэм» — гэдэжэ ндэжаң кэлсаң.

Ханэла рэдэжэ Джэмэгэндэндэ: «Чэ шдэжэдэжэ харэң буар хоң сүдэжэ рэ» гэса ндэжаң: «ја, бэ шдэжэ, абэнэ амаңнэ бэ чоңлаја» — гэсаң.

Тэрсанэ ханэ ндэжаңнэ андабасаң. Ндэжаң кутэ рэдэжэ «Бэ сачэ мэчэгэдэ шдэжэги, эмэ шаджэла кутэ су» — гэдэжэ кэлсаң.

Эмэ кэлсаңда: «Бэ кутэ сүгі хэ. Буда чэнэ хуинэ даба-

² Текст записан мною от монгора Х. Рэмбэм, 44 лет, жителя уезда Тунжэнь, провинции Цинхай, КНР.

гi» гэса Джэмэгэндэн: «Мэнэ хуинэ шджэса бэ мордэ куңгэ буиса каң видэ окэм» — гэсаң.

Эмэнэ: «Куңгэдэ окэсада олорджи һгусада хуинэ дабаја» — гэджэ.

Тэрса нджаңнэ амэ сэр тавоң джоң окэджи мордэ хар-
басаң. Амэ «Мэнэ куң нэдэ тэгэ мартэ» — гэджи кэлсаң.
Ндэванэ куңла нджаңдэ сэр нэгэ окэджи мордэ јубасаң.

Джэмэгэндэн мордэ харджи шджэгудэ бураң куң рэ-
саң.

— Чэ каң јi? — гэджи асхэсаң.

— Бэ Джэмэгэндэн јi, — гэсаң.

— Чэ Джэмэгэндэн јиса морэ олэ(нэ) окэ, — гэджи бу-
саң.

— Ја, тэдэ окэја гэса эмэнэ: «Энэ окэса мангэ ндэгунэ
вэлэдэги хо» гэджи кэлсаң. Нджаң тэ куң бурладэ нэгэ нэ-
гi гэджи окэсаң.

Тэрса гэджи мордэ куң мэчэ буар рэсаң.

— Чэ һалэ шджэджи, чэ каң јi? — гэджи асхэсаң.

— Бэ Джэмэгэндэн јi — гэса «Буда буаладэ шаджэ гi,
чэнэ куң буаланэ буда буаладэ окэдэ» гэджи кэлджэ.

— Ја, — гэджи окэги гэса эмэнэ ладжи окэбасаң хо.

Нджаң эмэдэ «Чэ талаң туһэла шджэ» — гэджи хун-
ладжи шджэбасаң.

Тэрса хуинэса куң буаладэ нэгэ нэги окэджи шджэба-
саң.

Эмэ харэджи рэджи лэса «Чэ тэгэ лэ, мэнэ хуинэ јуса
бэ јамэ һанэнэ окэм» — гэджи кэло. «Да буала јуја» —
гэджи шджэсаң.

Мордэ шджэджи сохор куңгэ рэсаң.

— Чэ каң јi? — гэджи асхэсаң.

— Бэ Джэмэгэндэн јi, — гэсаң.

— Чэ Джэмэгэндэн јиса нэдэ нэдоң гинэ, чэнэ нэдоңнэ
нэдэ окэ, — гэджи кэлсаң.

— Ја, — гэджи һдоһэнэ вэрджи нэдоңнэ абги гэса эмэнэ
ладжи сэ аббасаң. Нджаң эмэдэ: «Чэ шджэ» — гэджи ју-
басаң.

Тэрсанэ нджаң һдоһэнэ вэрджи годжэнэ нэдоңнэ мантал-
джи тэ куң нджаңнэ нэдоңдэ гэсаң. Тэ куң нэдоңһала јамэ
һан нэ нджэгтэсаң, бураң мэргэджи шджэсаң.

Эмэ рэджи нэдоңдэгэ чисоңнэ нджэджи лэсаң. Лаң рэ-
джи харса вэрджи шджэсаң.

Мордэ куңджи мэчэ куңгэ рэджэ.

— Джэмэгэндэн рэджи гэджи бэ буила рэво, — гэджэ.

— Ја, чодэ јаң кэрса окэја, — гэсаң.

— Нэдэ чэнэ эмэ кэр, — гэса.

— Ја, — гэджи эмэнэ окэсаң.

Тэрсанэ нджаң нэгэ мордэ курсаңса хуинэ мэчэ куң эмэ-
нэ нджаңдэ окэсаң. «Да чодэ кэрна» — гэджи окэ шджэ.

Джэмэгэндэндэ ндэгунэ висаң хо. Эмэнэ тангэдэ ндэва-
гэ ва, буала тэндэ буила јуја — гэджи шджэсаң.

Нджасэ буала ндэвадэ курджи јамэ у вэрсанса хуинэ
сэр окэгу гисан. «Да буала јаңнэ окэги» гэджигу самдэ ндэ-
ва гi олсаң.

Тэрса шджэджи сэдэ курсаң. «Бэ јамэ һанэнэ джэмба
окэджэ» — гэджи эмэнэ харса сарджи сэдэ кутэлсаң.

Тэрса шүгэ ноңдэ курсаң. Тэ сачэдэ куң висан хо. Сугу
гар гина. Нджасэ шүгэ дорэ сусаң. Эмэнэ шу ноңса ндэгу
олджи рэджи чиджэсаң.

Эмэнэ куң буаланэ гиладжи ноңдэ шджэджи сэгэ джол-
бэсаң. «Энэ сэ куң буаланэ сачэдэ шджэджи вигу гэджи —
Чэ шджэса мэнэ куң буаладэ — Абэ амэ буаладэ јамэ вэ-
тэджи гина гэджи кэлэ» — гэсаң.

Куң буала нэгэ удэ сэ тэдэ нэтэ шджэгудэ сэ ноңса
«Абэ амэ буаладэ јамэ вэтэджи гина» — гэджи дун хар-
саң.

Джэмэгэндэн нджасэ буала ташэнэ гаргэ джарэ шджэ.
Нимаң жоң шджэсаң.

Нэгудэ эмэ: «Да буала јуја, бэ куң буала гиладжэ» —
гэсаң.

Джэмэгэндэн: «Һарэң буар хоң сэ харса шджэги хi» —
гэджи кэлсаң.

Нэгэ удэнэ эмэ чэчэбэигэнэ нджэгтэсаң.

«Чэ мэнэ кэң буаланэ тэндэ шджэму? Нэдэ гачэгэ ва» —
гэсаң.

Чэчэбэи: «Бэ лэ шджэм. Бэ шджэсада чэнэ гачэ лэ кэ-
лэм» — гэджи мосэ шджэ.

Тэрса шджэджи нэгэ бэнджэр джолбэджи: «Чэ мэнэ
куң буаланэ тэндэ шджэму? гачэгэ ва» гэса — «Бэ шджэм» —
гэджэ. Эмэ: «Абэ амэ буаладэ јамэ вэтэджи гина, бураң
хоңса чодэ рэги гэджи кэлдэ» — гэсаң.

Бэнджэр шджэджи куң буаладэ кэлсаң.

Хуинэса һарэң буар хоң олджи — «Да буала јуја» — гэ-
джи мордэ харсаң.

Тэ сачэнэ куңла рэджи, антаң, миңго вэрджи морэ ту-
джи нджэла рэсаң. Нджаңнэ куң буаланэ окэсаң. Абэ амэ
куң буаланэ джолбэджи ца бэсэсаң.

Куң буала — «Абэнэ нэдоң һалэ јi?» — гэсаң. — «Нэдоң-
нэ сохоргэдэ окэдо» — гэсаң.

Тэрса шджэджи мэча ндэвала эмэлэ харджи рэджэ. «Чэ
годжэнэ нэдоңнэ харджи рэба» — гэджи кэлсаң. Джэмэгэн-
дэн харнэ хэлгэһала нэдоң буаланэ нэгэ вэргудэ нэдоңнэ
харджи рэсаң. Эмэлэгу нэдоңса саңгэ рэсаң.

Тэ сачэнэ ваң гогэджі урэсаң.
«Чэ норогіндэнэ окэджі, мэнэ сачэдэ ца саң ва, гичоңла
һанэ бајдэдјэ» — гэджі норуннэ харбаджі ндјсаңдэ
окэсаң.

Тэрса годжэнэ ндјсаңнэ сачэнэ куңла һанэ «Джэмэгэн-
дэн рэдјэ» — гэджі джолбэсаң. Джэмэгэндэн ндјсаңнэ са-
чэдэ харэдјі рэдјі ваң олдјі саң сусаң.

ДЖЭМЭГЭНДЭН

Когда-то жил один ван. Он имел пятьсот жен, но от них
не было детей. Поэтому он послал человека к ламе. Благода-
ря молитвам одна из его жен родила сына. Его нарекли Джэ-
мэгэндэн.

Пяти лет Джэмэгэндэн начал обучаться грамоте. К пятнад-
цати-двадцати годам он преуспел во всех науках.

Тогда ван-отец сказал ему: «Теперь ты взрослый, смог бы
занять должность вана. Но сперва тебя необходимо женить».
И сына женили.

Заняв должность вана, сын спросил у отца: «Могу ли
раздать подаяния бедным людям?» — «Сам решай подобные де-
ла», — ответил ван-отец.

Джэмэгэндэн, решив раздать подаяния, повсеместно объя-
вил: «Бедные люди! Я хочу раздать подаяния; кто желает,
приходите за подаянием».

Бедняки приходили к нему и брали что желали. Так он
раздал все свое имущество, лошадей, а также серебро и зо-
лото.

В это время в другой местности случилась засуха, люди
умирали от голода. У Джэмэгэндэна, оказавшегося в той мест-
ности, кончились деньги на подаяния.

Ван той местности позвал к себе одного старца, чтобы
отправить его к Джэмэгэндэну. Перед отправкой ван сказал
ему: «Хорошо бы тебе сходить к нему. Я обеспечу тебя
одеждой и обувью. Мое условие таково: если тебе Джэмэгэн-
дэн отдаст свою драгоценность — талисман, то принеси и отдай
ее мне».

И вот пришел тот старец к Джэмэгэндэну и сказал: «Я —
из другой местности. Я слышал, что ты раздаешь подаяния и
пришел просить об этом». На это Джэмэгэндэн ответил: «Бери
что тебе нужно и отправляйся».

Тогда старец сказал: «Мне ничего не нужно. Если хочешь
дать мне что-нибудь, то отдай свой талисман. Кроме него мне
ничего не нужно».

Джэмэгэндэн ответил: «Я не могу дать тебе талисман. Про-
си что-нибудь другое».

Старец ответил: «Мне ничего другого не надо. Если ты не
можешь дать свой талисман, то выходит, что твои подаяния
ненастоящие. Я отправляюсь домой».

На это Джэмэгэндэн ответил: «Если тебе мало будет се-
ребра и вещей, которые ты смог бы понести на спине, то от-
правлю их навьюченными на животных».

Старец рассердился и хотел было уйти, сказав «кроме та-
лисмана, мне ничего не надо», как Джэмэгэндэн остановил
его: «Я отдам тебе талисман. Но пробирайся с ним домой толь-
ко вечерами, днем не ходи».

С этими словами Джэмэгэндэн достал свой талисман и от-
дал старцу.

Прошло несколько дней. К вану-отцу пришел какой-то чело-
век и доложил: «Я слышал, что ваш сын раздал все подаяния
и даже отдал какому-то старцу свой талисман».

После этого разговора ван-отец пришел к своей жене и
раскричался: «Дай только волю моему сыну, он раздаст все.
Он отдал чужим людям не только все имущество, но и тали-
сман. Мне такой сын не нужен». С этими словами он вернул-
ся к себе. Затем он пригласил к себе Джэмэгэндэна, отругал
за то, что тот раздал все вещи и талисман.

Через некоторое время ван-отец позвал людей и приказал
им схватить Джэмэгэндэна.

Узнали об этом его жена и двое детей и расплакались.
Приглашенные отцом-ваном должны были решить, как по-
ступить с его сыном. Некоторые советовали убить Джэмэгэн-
дэна, а другие — отрубить ему руки и ноги.

Затем его схватили, связали руки, сняли одежду и голым
повели по незнакомым местам. Люди смотрели на него и пла-
кали от жалости. Жена и двое его детей следовали за ним и
тоже плакали, раздирая до крови лица.

Пришел к вану-отцу какой-то добрый человек и сказал:
«Хотя твой сын и провинился, но убивать его нельзя. По-мое-
му, лучше было бы услать его в другое место».

На это ван-отец ответил: «Вы сами решайте».

Этот добрый человек пришел к остальным людям и сказал:
«Мы не можем убить Джэмэгэндэна. По-моему, его надо от-
править в другое место». Тогда все согласились с ним и снова
пришли к вану-отцу, чтобы посоветоваться с ним.

Ван-отец сказал: «Если услать его в другое место, то пусть
проживет там двенадцать лет и лишь по истечении этого сро-
ка он сможет вернуться домой. Так будет лучше».

Тогда все отправились к Джэмэгэндэну и сказали: «Уходи
отсюда. Возвращайся сюда лишь через двенадцать лет». На
это он ответил: «Хорошо, я уйду, не смею перечить словам
отца».

После этого Джэмэгэндэн вернулся домой и сообщил: «Я отправляюсь в другое место. Вы все — жена и дети — останетесь здесь жить».

На это жена ответила: «Я не останусь дома. Мы все последуем за тобой». Тогда Джэмэгэндэн сказал: «Если последуете за мной, то вам будет худо: я кого-нибудь из вас могу отдать тем, кто у меня попросит подаяния».

Жена ответила: «Нам все равно — отдашь ли нас чужим людям, умрем ли мы с голоду, но мы последуем за тобой».

После этого они стали собираться в путь. Мать Джэмэгэндэна дала на дорогу денег и сказала: «Сын мой, не забывай меня».

Все помогли им деньгами и отправили Джэмэгэндэна и его семью в путь.

В дороге Джэмэгэндэну встречаются три человека.

— Кто ты такой? — спросили его.

— Я — Джэмэгэндэн, — ответил он.

— Если ты Джэмэгэндэн, то отдай нам твоих коней, — попросили они.

— Хорошо, отдам вам их, — ответил тот.

На это жена возразила: «Если мы их отдадим, как же продукты понесем дальше? На спине ведь не понесем?»

Джэмэгэндэн не послушался жены и отдал им по одному коню.

В пути встречаются два других человека.

— Ты куда идешь? Кто ты такой? — спросили они.

— Я — Джэмэгэндэн, — ответил он.

— Если ты Джэмэгэндэн, то отдай нам своих детей. У нас нет детей, — сказали они.

Джэмэгэндэн согласился на это, но жена расплакалась и не пожелала отдать детей. Тогда Джэмэгэндэн решил схитрить и послал ее за топливом, а сам в это время отдал своих детей и отправил этих двух человек в путь.

Когда вернулась жена, она догадалась о случившемся и заплакала. Муж стал успокаивать: «Ты не плачь. Я ведь предупреждал тебя: если последуешь за мной, я могу все — вещи и людей — отдать другим. Лучше двинемся в путь».

В пути встретился слепой.

— Кто ты? — спрашивает слепой.

— Я — Джэмэгэндэн, — отвечает он.

— Если ты Джэмэгэндэн, то отдай мне свои глаза. Я слепой, — сказал тот.

— Хорошо, — ответил Джэмэгэндэн. Он хотел было вынуть свои глаза, как закричала жена и помешала ему в этом. Тогда Джэмэгэндэн отослал жену, чтобы та не помешала ему делать подаяния.

После ухода жены он вынул ножом свои глаза и вложил их на место глаз слепого человека. Тот сразу прозрел. Бесконечно обрадованный, он трижды поклонился Джэмэгэндэну и ушел.

Пришла жена, увидела кровь вместо глаз мужа и закричала. Заплаканная, она повела мужа за руку.

В пути снова встретился какой-то человек. Он говорит:

— Я слышал, что вы и есть Джэмэгэндэн. Поэтому пришел просить у вас подаяния.

— Скажи, что тебе нужно? — спросил его Джэмэгэндэн.

— Мне нужна твоя жена, — ответил тот.

Выслушав его, Джэмэгэндэн отдал свою жену, а сам направился в другое место. Тот человек оказался добрым, он вернул его жену и сказал: «Тебе сейчас твоя жена нужнее, чем прежде».

К этому времени у них ничего не осталось из еды. Жена предложила пойти в деревню, находящуюся в долине и попросить там что-нибудь съестное.

Они добрались до той деревни, пришли в какой-то дом. Их хорошо накормили, но оказалось, что расплачиваться им нечем. Пока они обдумывали, как выйти из этого затруднительного положения, деревня вдруг исчезла.

Они обрадовались случившемуся и добрались до какой-то реки. Трудно им переправиться на другой берег. Муж сказал: «Все что я имел, я раздал людям, как подаяние. Если утону в воде, то пусть утону», — и с этими словами он вошел в воду. Переправившись, они попали в лес. В нем были одни звери. Так как Джэмэгэндэну и его жене негде было жить, они укрывались под деревьями. Не было у них и пищи. Жена ходила в лес на поиски чего-нибудь съестного.

Жена очень тосковала по сыновьям. Когда она встречала в лесу ручеек, то разговаривала с ним, думая про себя: «Может, этот ручеек протекает и там, где живут мои сыновья» и просила ручеек: «Если встретишь моих сыновей, то передай им, что их отец и мать живы и здоровы».

Как-то их сыновья играли у воды. Вдруг послышался голос: «Ваши отец и мать живы и здоровы».

Джэмэгэндэн и его жена кое-как соорудили себе домик из камней. Так они прожили восемь лет.

Однажды жена сказала: «Может, уйдем отсюда. Прошло уже восемь лет, я соскучилась по сыновьям».

Джэмэгэндэн на это отвечает: «Мы не можем тронуться с места, пока не пройдет двенадцать лет».

Как-то его жена встретила сороку и обратилась к ней: «Ты не найдешь ли дорогу к моим сыновьям? Мне надо передать им одно слово».

Сорока ответила: «Я туда не полечу. Если даже и полечу, то и тогда твоё слово не передам», и улетела.

Спустя некоторое время она встретила ещё одну птицу. Она просила ту птицу: «Не можешь ли ты полететь к моим сыновьям, мне нужно им передать несколько слов».

Птица ответила согласием. Тогда женщина сказала: «Передай моим сыновьям, что их отец и мать живы и здоровы, что через три года они придут за ними».

Птица полетела, нашла её сыновей и передала то, что сообщила мать.

Шли годы. Пршли и эти двенадцать лет. Муж и жена собрались в обратный путь.

В пути их встречали люди, которым Джэмэгэндэн делал подаяния, помогали им деньгами и лошадьми. Затем вернули им сыновей. Родители очень обрадовались встрече со своими сыновьями. Заметив, что отец слепой, сыновья справились отчего это произошло. Им ответили, что отец отдал свои глаза слепому человеку.

Так всей семьёй они следовали дальше, оставляя позади чужие селения. В дороге сыновья уговаривали отца, чтобы тот вернул свои глаза. И стоило Джэмэгэндэну в этот момент провести ладонью по глазам, как он прозрел. Он стал видеть лучше прежнего.

О возвращении Джэмэгэндэна узнал и тот ван, который получил талисман Джэмэгэндэна. Ван пригласил его к себе и вернул талисман со словами: «Так как ты отдал нам свою драгоценность — талисман, в наших краях стали собирать хороший урожай, а бедные стали богатыми».

Затем он возвратился в своё селение. Жители села обрадовались его приезду. Так он, вернувшись к себе, снова занял должность вана и зажил счастливо.

СЛОВАРЬ

абэ 'отец', 'папа', 'батюшка': *нджаң абэнэ мэсгунэ икандэ гэдэ* 'он положил одежду отца на кан'; тмгр. *чэ годжэ мэдэ гэджэ абэнэ нэлсаң* 'отец сказал: «решай сам»' (Пот. II, 417: *ава*).

абэ амэ 'родители'.

азэ 'старшая сестра': *нджаң азэнэ таңлэсэ ро* 'он пришёл от старшей сестры'; тж. *азэдэ вэтэджо* 'старшая сестра болеет'.

амэ 'мать', 'мама': *нджаң амэдэ нокэргэджэ мбу?* 'помогает ли она матери?'; тмгр. *энэ дондобнэ амэнэ тэрса мэдэ* 'об этом (деле) он узнал у матери' (Пот. II, 416: *ана*).

аб- 1) 'брат': *чэ жаң видэгэ аб* 'ты бери что-нибудь'; тж.

дэсоң жантэг фдунэгэ абчи? 'какой длины веревку взять?'; 2) 'получать': тмгр. *мамбэнэ харса сэр мохлэ абсаң* 'он получил от врача много денег'; 3) 'покупать': *бэдэ энэнэ нудэ абджэ* 'мы это сегодня купили'.

аву (тж. *ау*) 'сын', 'мальчик': *чэ мэнэ авудэ энэнэ окэдэ-жу?* 'ты это отдашь моему сыну?'; тж. *чэнэ ау кэтоң насэлджэ?* 'сколько лет твоему мальчику?'

аву јаджэ 'ребенок', 'дитя': *аву јаджэдэ мэсгу олоң тэгэ мэсэбэ* 'не надевай на ребенка лишней одежды' (Пот. II, 416: *аву*).

агу 'девушка': *агу дэрулэ һамтэ сэ вэлэлэ шджо* 'девушка вчетвером ушли, чтобы носить воду на спине'; тмгр. *энэ агу мэсгу хаджэ бордоң ва* 'эта девушка быстро шьёт одежду' (Пот. II, 413: *агу*).

абэ 'старший брат': *энэ мэнэ абэ ва* 'это мой старший брат'.

абэ ду 'братья'.

ад-ду (междометие): *ад-ду, харнэ сэ тигэдэ* 'ой, водой руку обварил'.

адал- 'пасты': *унаңлэ джобон хонэлэнэ адало* 'среди коров пасли и овец'.

адэли (тмгр. *адалі*) 'одинаковый': *манэ гар нджаңнэ гар буала адэли ва* 'наш дом и его дом — одинаковы'; тмгр. *буда мэрджигу нэгэ ва (адалі ва)* 'мы одеваемся одинаково'.

аи- 'бояться', 'пугаться': *нджаң тэ нофуисэ лэ айм* 'он не боится той собаки'.

ајибэ (~ *јіба*) 'чашка': *ајибэ ноңдэ жаң о?* 'что в чашке?'; тмгр. *ајибэдэгэ чй аб* 'возьми чашку чая' (Пот. II, 421: *аяга*).

ајо (междометие): *ајо, шэлэдэ пэнгэджэ* (кит. *пэн* 'стукнуться') *вэтэджо* 'ой, стукнулся об стол, болит'.

ак-ку (междометие): *ак-ку, энэ алмаң амтэг гинэ* 'ой, эти груши безвкусные'.

алэ 'убивать': *энэнэ алэну?* 'этого будешь убивать?'; тмгр. *мангэ алэджэ олгі хо* 'мы не можем [его] убить'.

алэр (тж. *арэн*) 'река': *мангэ алэрдэ сэ вэлэлэ јујэ* 'идемте к реке, чтобы носить воду'; тж. *нэ арэндэгэ сэ* 'вода этой реки' (Пот. II, 419: *голь*, *арель*).

албэ- 'чистить': *чэ энэнэ албэдэ* 'ты почисти это'.

алмаң 'груша': *та нджаңдэ алмаң гэджэ тбрэг окэдэ* 'вы дайте ему и груши и персики'.

амаң 1) 'рот', 'уста': *бэ энэнэ амаң курјэ* 'я возьму это в рот, попробую'; 2) 'слово': тмгр. *тэрса хуинэ ламанэ амаңнэ чоңлэджэ* 'он потом внял словам ламы' (Пот. II, 419: *аман*).

амтэг 'вкус': *энэнэ гарасэ амтэг о* 'это слаще сахара'.

андаба- 'освободить': тмгр. *ханэнджаңнэ андабасаң* 'все его освободили'.

анджисоң 'плуг': нджаң нудэ анджисоң абджэ 'он сегодня получил плуг'.

анджэ- 'менять', 'обменять': *мэнэ сэхан шанчэг гэджі чэнэ тэр вохтэсаң нэдэңбалэ анджэјэ* 'обменяемся: я дам тебе свой красивый хвост, а ты мне — свои уродливые глаза'.

антаң (тж. *алтаң*) 'золото', 'золотой': *нэдэ антаң гинэ* 'у меня нет золота'; тмгр. *миңго, антаң, морэ гэджі джэмба окэсаң* 'в качестве подаяния он раздавал серебро, золото и лошадей'.

анэ 'какой', 'который': *анэнэ чэнэ о* 'какой из них твой?'; *аров* 'корзина': *чэ мэнэ аровнэ абчэ рэ* 'принеси мою корзину'.

арсоң 1) 'мех', 'шкура': *чэ тэ арсоң окэ* 'ты подай ту шкуру'; 2) 'меховой': *ңгондэ мангэ арсоң малбэ джудэ* 'зимою мы носили меховую шапку' (Пот. II, 422: *авасун*).

аруң 'чистый': *аруң сэ окэ* 'дай чистую воду'.

ас-са (междометие): *ас-са, икан тигэджэ* 'ай, кан обжег меня'.

асоң 'скот', 'животное': *тандэ кэтэң асоң ві?* 'сколько скота у вас?'; тмгр. *нджаң гэджі асоң һамтэ рэдо* 'он пришел, когда вернулся скот' (Пот. II, 419: *асы*).

асхэ- 'спрашивать': *бэ нджаң сэ нэгэ асхэсэ, чэ чоңлэ* 'я спрошу у него, ты послушай'; тж. *нэдэ сэр вігобалэ асхэджі око* 'так как не было у меня денег, выпросил [у другого] и дал'.

асэман (тмгр. *тэңгрэг*) 'небо', 'небеса' (Пот. II, 429: *салар осман* 'небо').

ачаң 'груз', 'поклажа', 'вьюк': *энэ јаң ачаң ва?* 'это что за поклажа?'

ачэ- 'грузить', 'навьючивать': *лусэдэ ачэјэ* 'навьючимте на мула'.

аш-шу (междометие): *аш-шу, кітаңбалэ мэсгунэ мэсэдэ* 'ой, холодно, оденься'.

Б

ба (частица): *буалэ һамтэ ју ба* 'идите вдвоем (вместе)'; *бадаң* (тж.) 'пища', 'еда': *бэдэ бадаң бэлэджі* 'я сейчас готовлю пишу'.

базар 'город', 'городок': *буа орджі нджаң базардэ сэ шджджэ* 'так как пошел дождь, он не поехал в город' (Пот. II, 412: *бадзыр*).

бајаң 'богатый': тмгр. *гичоң куң бајаң куңнэ кутэ су-*

джі нэгудэ рэдаблэ шджджэбасаң 'бедный жил у богатого. Однажды пошел он на охоту'.

бајдэ- 'богатеть', 'разбогатеть': *нджасэ нудэ махшэ бајдэджі* 'они теперь разбогатели'.

балэ 'родник', 'источник': *нджаң балэгсэ аруң сэ абджі ро* 'она принесла из родника чистую воду'.

бандэң 'скамейка'.

бас 'тигр': *тэ бас нджджэ* 'тот видел тигра' (Пот. II, 420: *пас*).

батэ 'крепкий', 'прочный': *энэ батэ дэсоң ва* 'это — крепкая веревка'.

бофді 'пшеница': тмгр. *мангэ баджірдэ бофді, пэджджэ нэ фуру тарэ вардо* 'мы кончили сеять семена пшеницы и гороха'.

бофэлдэ- 'завязывать': *энэнэ батэ бофэлдэ* 'завяжи его крепко'.

бу- 'спускаться', 'слезать': *абэ икансэ буджэ* 'отец спустился с кана'.

була- 'отнимать, отбирать': *аву алмаңнэ буладжэ* 'мальчик отнимает грушу'.

бэ 'я': *бэ рэгудэ чэ кутэ гинэ* 'когда я приходил, тебя не было дома'; тж. *бэ нэгэ нджджэјэ* 'я немного посмотрю'; тмгр. *бэ рэгума нджаң шджджэдо* 'как только я пришел, он ушел'.

бэдэ (тмгр. *буда*) 'мы': *та кэлэджэ, бэдэ чоңлэ* 'вы рассказывали, [а] мы слушали'; тмгр. *буда гэджі нджаң нокэр јі* 'мы с ним друзья'.

бэджірэн (тж. *бэді*) 'маленький': *энэ бэджірэн агу* 'это — маленькая девочка'.

бэі- 'стоять', 'вставать': *нджаңнэ бэібэдэ* 'заставь его встать'; тмгр. *бэі суджігу куң* 'стоящий человек'.

бэлдэ- 'приготовить': *чэ нджаңдэ мэва бэлдэдэ* 'ты приготовь нам мяса'.

бэлу 'точильный камень'.

бэлудэ- 'точить': *чэ энэ һдофэнэ бэлудэ* 'наточи этот нож'.

бэнджэр 'птица': *һанэ бэнджэрлэ мосэджэ* 'птицы все улетели'.

бэсэ- 'радоваться': *чэ рэджі, бэ бэсэдо* 'я обрадовался твоему приходу'.

В

вар- 'держать', 'брать': тмгр. *энэ джілбасоң варчоң куң ва* 'это держащий рыбу человек'.

ва см. *ві*.

вагэ- 'копать' (кит. *ва*).

вазэ 'чулки' (кит. вацзы).
вар- 'кончать', 'исчерпывать': бэ у варо 'я выпил [все]';
тмгр. тэр ча у варгума шджэдо 'он ушел, как только выпил чаю'.

ви 'есть', 'имеется': нджан тэнэ јаджэ ви 'это сын того [человека]'; тмгр. энэ фэлаңсэ фэлаң ви 'это краснее красного' (Пот. II, 413: ва).

вэлэ- 'носить на спине': нджан сулбэдэ сэ вэлэджі рэ-
джо 'она приносит ведро воды [неся ведро за спиной]'.
вэр 'рог', 'рога' (Пот. II, 413: вэр).

вэрэ 'сноха', 'невестка': энэнэ бэданэ вэрэ о 'это наша сноха' (Пот. II, 417: вери).

вэсоң 'трава', 'сено': унаңдэ вэсоң окэ 'задай корове сено';
тмгр. вэсоң вігу баджір 'место, где много трав'.

вэтэ- 'болеть': мэнэ хар вэтэджо 'у меня болит рука'.
вэтэгу 'болезнь', тмгр. мамбэ мам окэдјэ, вэтэгу-
нэ гэба шожэ 'врач дал лекарство, [он] освободился от бо-
лезни'.

Г

гагэ 'старший брат': та гагэнэ сабэдјэ, нджан ро 'вы
ждали брата, он пришел' (Пот. II, 411: гага).

га 'лиса': га арсоң 'лисья шкура'.

гадгэ 'бумага': аву гадгэнэ абджо 'мальчик берет бумагу'.

гамби 'ручка' (кит. гамби).

гар, тмгр. гэр 'дом': нджан ндаңнэ нэджі гар ноңдэ шджэ-
джэ 'она открыла дверь и вошла в дом'; тэ мутоң гэр ва
'тот деревянный дом' (Пот. II, 413: гер).

гара 'сахар'.

гачэ 'слово': тж. чэ мэнэ гачэ гогэджі гінэ ба 'может, ты
не понимаешь, что я говорю'.

гі (~гінэ) 'не', 'нет': нэдэ сэр олон гі 'у меня нет денег';
тмгр. буда буаладэ шадјэ гі 'у нас нет детей'; азэнэ тэн-
дэ хулуң мэргу гина 'у сестры нет теплой одежды' (Пот. II,
417: гейна).

гішгэ- 'ступать', 'наступать': каң нджаннэ кулнэ гішгэ
шджэ? 'кто ему придавил ногу?'.
гогэ- 'понимать': тж. нджан кэлсаңнэ бэ лэлэ-мэлэ гого
'я еда понял, о чем вы говорили'; тмгр. будандэ кэлсада
буда сэ гого 'хотя нам говорили', мы не поняли'.

годјэ (тж. годјэ ~ гонаң) 'сам': чэ нджан годјэнэ нджэ-
тэсаң мбу? 'ты его самого видел?'; тж. нджан гонаңдэ
энэнэ асхэ 'спроси об этом его самого'.

гондэгі 'мерзлый'.

гуагэ- 'вешать' (кит. гуа).

гудэ, тж. һгудэ 'вчера': нджасэ базарсэ гудэ рэдјэ
'они вчера вернулись из города'.

гунзо 'работа' (кит. гунцзо).

гуң 'глубоко', 'глубокий': гуң алэр 'глубокая река' (Пот. II,
412: гунг).

гурбјэг 'лопата': тмгр. абэ тэ гурдјэгбала мантал-
дјэ 'отец копал той лопатой'.

гэ- 1) 'ставить', 'положить': энэнэ шэлэ дэбоң гэдэ 'это
поставил на стол'; 2) 'говорить', 'сказать': нджаннэ кутэ рэ
гэдјэ кэлсаң 'сказал, чтобы они пришли к ним домой'.

гэгаң 'свет', 'светло', 'светлый': бэдэ гэгаң гэдјэ дјі-
ланэ сэ дэңго 'считая, что светло, мы не зажгли лампу'.

гэдјэ в роли соединительного союза 'и': тмгр. нджаннэ
эмэ гэдјэ шадјэ буала лэдјэ 'заплакали его жена и двое
детей'.

гэіту 'женская головная повязка' (ср. кит. гай 'покрывать',
тоу 'голова').

гэргэң 'учитель'.

гэрэ — частица сомнения: тж. ногэ гэргэң јі гэрэ? 'разве
он не учитель?'.
Б

бадэ 'вне', 'снаружи', 'на улице': тмгр. нджан гэрса
(~гэр нэңса) бадэ хардо 'он вышел на улицу' (Пот. II, 419:
хата 'снаружи').

бадэ- 'косить': бэдэ нудэ вэсоң бадэгі 'мы сегодня будем
косить сено'.

бадэр 'коса'.

бадјір 'земля', 'местность': чэ нэдэ олдјі бадјірдэ
шдјэдэ ју? 'не пойдешь ли вместо меня на поле?'; тж.
ндјасэ бадјір тарэчідјо 'они пашут землю'; тмгр. энэ
бадјір тарэчоң 'этот — землелашец' (Пот. II, 414: хадјір).

бандјоң 'рукав': тэрнэ мэсгунэ бандјоң бор о 'рукава
его одежды — коротки'.

бэмсоң 'ногти' (Пот. II, 417: гонцон).

бобараң 'тридцать' (Пот. II, 422: хубаран).

бор 'коротко', 'короткий': нджан равэнэ хичэлсаң мохлэ
бор о 'он очень коротко остриг волосы' (Пот. II, 415: хур).

бораң (тмгр. бураң) 'три': тж. нэдэ морэ бораң ві 'у ме-
ня есть три коня'; тмгр. бэ чодэ бураң јоң кэло 'я говорил
вам трижды' (Пот. II, 422: гурбон).

бордоң 'быстро', 'быстрый': чэ нджансэ бордоң 'ты быст-
рее его'; тж. јаң кісэ бордоң ва? 'что быстрее ветра?'.
борулэ 'втроем': нджасэ борулэ-борулэ һамтэ лубладјі
варо 'они собирались вместе по три человека'.

буа- (тмгр. *ваба-*) 'стирать', 'мыть': *чэ мэсгунэт мэсэджі нбрнэ буа* 'ты оденься и умойся'; тмгр. *чэ мэргунэ ваба* 'выстирай одежду'.

буалэ 'вдвоем'.

буар 'два': *нджандэ аву јаджэ буар јі* 'у него есть двое детей' (Пот. II, 422: *гар*).

буі- 'просить', тмгр. *куңгэ буіса окэм* 'если кто-нибудь попросит, могу отдать'.

бура (тж. *бора*) 'дождь': *бура оросэдэ хулуң ва* 'хотя и дождь пошел, но тепло' (Пот. II, 413: *бора*).

бэі 'свинья': *нджасэ бэіне мэба лэ ндэм* 'они не станут есть свинину'.

Д

дәр 'мерзнуть', 'зябнуть': *аш-шу, мангэ да дәрджо* 'ай, мы теперь замерзнем'.

да 'сейчас', 'в настоящее время': *бэ да рэдабнэ нджэлэ шджэсэ* 'я сейчас пойду посмотреть, как охотятся [на зверей]'.

дабсоң 'соль' (Пот. II, 419: *дабсун*).

даву 'хлопчатобумажная ткань'.

даба- 'следовать за кем-либо', 'сопровождать кого-либо': тмгр. *бэ кэтэ сүгі хо. Буда чэнэ хуінэ дабагі* 'я не останусь дома. Мы последуем за тобой'.

дазэг 'крыса': *тэсэ хуінэсэ дазэг доблоң-дэблоң кутэ харэджі рэсаң* 'затем крыса, хромая, вернулась домой'.

далі 'лопатка', 'плечо': *нджаң мэнэ далідэ курджо* 'он [ростом] доходит до моего плеча'.

дангэ- 'нести на плечах' (кит. *дань*).

дармоң 'медведь'.

дахаң 'жеребенок'.

дачан 'шуба' (ср. кит. *дачан*).

дэблоң 'хромой': *нджаң дэблоң ва* 'он хромой' (Пот. II, 421: *дэголан*).

дэбн (тж. *дэрэ*) 'внизу', 'под': *тэрнэ шэлэ дэбн окэ* 'положи под стол'.

дол- 'рубить': тж. *бэ ху дэллэ нджо* 'я ходил в лес рубить деревья'.

дэлараң 'семьдесят' (Пот. II, 423: *толуран*).

дэлоң 'семь' (Пот. II, 422: *толун*).

дждэб 'дело', 'работа'.

ду 'младший брат': *энэ рэсаң мэнэ ду ва* 'пришедший — мой младший брат' (Пот. II, 411: *ду*).

дун 'голос': тмгр. *абэ амэ буаладэ јамэ вэтэджі гина гэджі дун харсаң* 'послышался голос: «мать и отец живы и здоровы»'.

дэсэ- 'стелить': *нджасэ тохомнэ ікандэ дэсэджі гэджо* 'они стелят на кан войлок'.

дэдэ 'старец', 'старик' (Пот. II, 420: *дэдэ* 'старик').

дэ 'тоже', 'также': тж. *нджаң нәтэсэ бэ дэ нәтэ јан* 'если он играет, я тоже поиграю'.

дэвшэ 'тарелка': тмгр. *энэнэ дэвшэдэ гэдэ* 'положи это на тарелку'.

дэбн 'на', 'наверху': *энэ ајібэнэ шэлэ дэбн гэдэ* 'эту чашку поставь на стол' (Пот. II, 411: *дэгунг*).

дэм 'стена': *фду дэм нджэгтэджо* 'видна высокая стена'.

дэнгэ- 'зажигать' (кит. *дянь*).

дэраң 'четыре': *абэнэ насоң да тавараң дэраң* 'теперь отцу 54 года' (Пот. II, 422: *дурбен*).

дэргэ- 'наполняться': *тараңбалэ дэргэджо* 'наполняют зерном'.

дэрэраң 'сорок' (Пот. II, 423: *дериран*).

дэсоң 'веревка': *фду дэсоң абджі ро* 'принес длинную веревку'.

джэ- 'жаловаться': тмгр. *тэ гачэнэ куңдэ джэджэ* 'пожаловался жителю той местности'.

джабтэ 'между', 'среди': *блэнэ джабтэ* 'между гор'.

джама 'окно': *каң джамасэ нджэджо?* 'кто смотрит в окно?' (Пот. II, 417: *чжама*).

джаңбэг 'орех' (ср. калм. *јаңһэг*).

джарэ- 'резать'.

джасэ- 'делать': *нджаңнэ абджі рэджі јаң джасэгі?* 'что же ты сделаешь с принесенным?'.

джіджаң 'толстый': *нінгаңсэ джіджаңдэ рэдэджэ* 'из тонкого получилось толстое' (Пот. II, 420: *дзидзян*).

джіла 'лампадка'.

джілвасоң, тж. *джіласон* 'рыба': *каң энэ джілвасоң абджі р?* 'кто принес эту рыбу?'.

джінту 'подушка' (кит. *чжэньтоу*).

джірбэж 'шесть' (Пот. II, 422: *джиргон*).

джірбэраң 'шестьдесят' (Пот. II, 423: *джиргонран*).

джіргэ 'сердце': *джіргэнэ вэтэджэ* 'сердце заболело' (Пот. II, 419: *джирке*).

джэб- 'таскать', 'перевозить': *энэнэ нудэ джэбдэ* 'перевези это сегодня'.

джэбэң 'между': *гар джэбэң* 'между домами'.

джэбэ- 'соответствовать', 'подходить': *нго бэджібэң нга джэбэджо* 'по размеру очень подходит'.

джэдэлэ- 'видеть сон'.

джэлбэ- 'встречаться': *чэ каңбалэ джолбэсаң ва?* 'с кем ты встретился?'.

джэң 'сто': тмгр. *нджаңнэ амэ сэр тавоң джэң окэджі*

могдэ харбасоң 'его мать дала [ему] на дорогу немного денег' (Пот. II, 423: *нигэ джон*).

джоңдоң, тж. *джудоң* 'сон', 'сновидение': *чэ јаң джоңдоң джодэло?* 'какой сон тебе снился?'

джочоң 'гость'.

джулаң 'мягкий': *тэрэ джулаң джінту о* 'та — мягкая подушка'.

джэмба (тмгр.) 'подаяние'.

З

заң 'грязь' (кит. *цзан*).

зуртэ 'около', 'рядом'.

зэлу 'хитрый', 'умный': *энэ аву јаджэ зэлу ва* 'этот ребенок — умный ребенок'.

I

ідэр- 'уставать', 'утомляться': тж. *надэ ідэрджэ* 'я устал'; *ногэдэ* (~*нэгэ*) *ідэрджі тэралэ һдјэдэ* 'так как устал, он пошел спать'.

ікан 'кан, отапливаемая лежанка': *амэ [агунэ ікандэ хэңгэрбэ шдјэ* 'мать уложила дочь на кан'.

імаң 'коза': *імаң нэбэң ідэрсэр бэіджэ* 'козленок устал и остановился' (Пот. II, 414: *яма*).

J

јаджэ (тж. *шазэ*, тмгр. *шаджэ*) 'ребенок', 'мальчик': *јаджэңгэ рэдјэ* 'пришел один мальчик'.

јаң 'что': *чэ энэ халбалэ јаң дјасэгі?* 'что ты сделаешь с этим огнем?'; тж. *чэ јаңдэ ладјі?* 'зачем ты плачешь?'; *јаңнэ кэлгі* 'что и сказать'.

јан відэ: тж. *хозошэдэ јаң відэ ва* 'в кооперативе есть все нужное'.

јаңгэджі 'как', 'каким образом'.

јасоң 'кость': тмгр. *бајаң куң мэба ндэса ндјаңдэ јасоңнэ окэдјэ* 'когда богатый человек ел мясо, то ей косточки отдавал' (Пот. II, 415: *ясун*).

јакса 'хороший', 'красивый' (ср. узб. *яхши* 'хороший').

јі (см. глагол *ва*): *ндјаң бэдлэ нхаңнэ јі* 'он находится у нас'; тж. *надэ шазэ бэраң јі* (~*ві*) 'у меня трое детей'.

ју- 'идти', 'ехать': *ндјасэ кэлэтэла мангэ танлэ јујэ* 'пока они разговаривают, сходимте туда'.

јэ 'тоже', 'также' (кит. *е*).

јэңкэр 'отдельно', 'раздельно'.

јэсараң 'девьяносто' (Пот. II, 423: *есунран*).

јэсоң 'девять' (Пот. II, 422: *есун*).

K

каіші 'начинать' (кит. *кайши*).

каң 'кто': *каң ндјаңсэ пэдјэджі саң о?* 'кто пишет лучше его?'; тмгр. *каң тэрса рэдјо?* 'кто пришел оттуда?'

каң відэ 'какой-нибудь': *ндјаң каң відэдэ сэ кэлдјо* 'он говорит тебе, а не кому-нибудь'.

кара-кэрэ 'некоторый': *бэ энэ шунэсэ кара-кэрэ лэ мэ-дэнэ* 'некоторые места в этой книге мне не понятны'.

кі 'ветер': *кісэ бэрдоң* 'быстрее ветра' (Пот. II, 412: *кій*).

кітаң 'холодно', 'холодный': *нудэ бадэ кітаң јі* 'сегодня на улице холодно'.

кітаңдэ- 'похолодать'.

кобурбаң 'синеватый'.

когэ 'синий'.

комсоң 'пот'.

кул 'нога' (Пот. II, 417: *кель*).

куңтэ 'тяжелый': *ндјасэ куңтэ ачаң ачэдјо* 'они везут тяжелый груз'.

куң 'человек': *олон куң һалэ рэдјэ?* 'куда пришло столько людей?'; тмгр. *куң вігэ хо* 'никого не было'.

кур- 1) 'доходить', 'добираться': *ндјасэ бэраң удэдэ курго* 'они доберутся за три дня'; 2) 'достигать': тж. *чэнэ насоң кэтоң курдјі?* 'тебе сколько лет?' (букв. 'ты достиг...').

куртэла — деепричастие предела 'до', 'вплоть до'.

кусэ- 'скучать', 'тосковать': *бэ амэнэ кусэдјэ* 'я скучал по матери'.

кутэл- 'вести': *морэ кутэлмоң куң* 'человек, ведущий коня'.

кэ- 1) 'делать', 'совершить': *ндјаң саңгэ дэңдоф кэдјо* 'он хорошо работает'; тмгр. *эмэ куң уілә кэдјо* 'женщина трудится'; 2) 'наливать': *надэ ча кэдјі окэ* 'налей мне чаю'.

кэдјэ 'когда': *чэ кэдјэ базарсэ рэсаң мбу?* 'когда же ты вернулся из города?'

кэдјэ відэ: *кэдјэ відэ рэсэ тэгонэ* 'можно приходить в любое время'.

кэлэ- 'говорить', 'сказать': *чэ кэлэсэ дјасэ* 'если сказал, сделай'; тж. *чэ кэлсаңбалэ ңгаң надэ шунэ око* 'после разговора с тобой он мне вернул книгу'; тмгр. *бэ нокэрчэл-дјі чодэ кэлдјі* 'я говорю тебе по-дружески'.

кэлэ 'желудок': тж. *надэ кэлэ вэтэдэдјо* 'у меня болит желудок' (Пот. II, 413: *гедисун*).

кэр, тмгр. (~*кэрэб*) 'нужно', 'необходимо': *бэ шдјэгу кэр*

'мне необходимо идти'; тмгр. *нджаң баджір мантал кэрэв* 'ему необходимо копать землю'.

кэтоң 'сколько': *кэтоң куң ро, кэтоң сэ ро* 'сколько-то пришло, а сколько-то — нет'.

кэтэ (~*кутэ*) 'дом', 'семья': *бэ да кэтэсэ ро* 'сейчас я пришел из дома'; тмгр. *нджаң сэрабачоңнэ кутэ шджэдо* 'он пошел в дом учителя'.

Л

ла- 'плакать': *нджаң ладжэ ба* 'может быть, он плакал'; тмгр. *куңла ханэ нджэджі ласаң* 'люди смотрели на них и плакали'.

ла 'подошва'.

лабчоң 'листа' (Пот. II, 415: *лапчоң*).

лама 'лама', 'буддийский монах': тмгр. *тэр бајаң лама-дэ шджэджэ* 'тот богач обратился к ламе'.

лахшэ 'платок'.

лохтэ 'уздечка': *морэнэ лохтэ* 'уздечка коня'.

лубла- 'собирать': *шулэнэ лубладжі шэлэнэ нджідэ гэ-до* 'собрали книги и положили на середину стола'.

лузэ 'печка' (кит. *луцза*).

лусэ 'мул' (кит. *лоцза*; Пот. II, 416: *лоса*).

лэ 'не': *чэ сігуанэ ндэм лэ ндэм?* 'вы кушаете арбуз или не кушаете?'; тж. *нджасэ лэ рэм* 'они не придут'.

лэгэ- 'делать', 'работать': *чэ нудэ лэгэм?* 'будете ли вы сегодня работать?'.

М

малбэ 'шапка': *энэ арсоң малбэ о* 'эта меховая шапка'.

мам 'лекарство': тмгр. *мамбэ мам окэджэ* 'врач дал лекарство'.

мамбэ 'врач'.

мангэ 'мы': *мангэ энэ шунэ оншэјэ* 'мы почитаемте эту книгу'.

мантал- 'копать', 'рыть': *чэ мантамі* 'помоги копать'.

мартэ- 'забывать': *чэ нэлгунэ мартэджі, нджаң сэ мартэджі* 'ты забыл о том, что сказать; он не забыл'.

матэв (~*мэдэв*) 'цветок' (Пот. II, 421: *чичик*).

махшэ, тж. *мохшэ* 'завтра'; *чэ наңнаң мохшэ рэ* 'завтра приходи сюда'.

міла- 'блеять'.

міңго 'серебро', 'деньги'.

мэбуі 'змея': *бэ нэгэ фду мөбуі нджэджі* 'я вижу длинную змею'.

мор 'дорога', 'путь': *мор саң гісэдэ нджасэ рэдо* 'хотя дорога и была плохая, мы приехали' (Пот. II, 413: *морь*).

морэ 'лошадь': *нджаң годжэнэ морэнэ тобэджэ* 'он оседлал своего коня'; тмгр. *чэ морэнэ абджі рэ* 'вы приведите коня' (Пот. II, 415: *мори*).

мосэ- 'лететь'.

мохлэ 1) 'очень': *гар ноңдэ мохлэ кітаң ва* 'в доме очень холодно'; 2) 'много': тмгр. *мамбэнэ харса сэр мохлэ абсаң* 'от врача получил много денег'.

му 'плохо', 'плохой' (Пот. II, 421: *му*).

мутоң 'дерево', 'деревянный': *энэ мутоң гар* 'это деревянный дом'.

мэба 'мясо': *мэба ндэджі чэ сэ у-о* 'поел мяса, а чай не пил' (Пот. II, 416: *мага*).

мэдэ- 'знать', 'узнавать': *бэ каң відэ лэ мэдэнэ* 'я ничего не знаю'; (тмгр.) *бэ рэсаң куңнэ тэрсэ мэдо* 'о приехавшем я узнал у того [человека]'.

мэла 'плеть'.

мэлэ 'перед', 'впереди': *мэнэ мэлэ окэ, бэ нджэјэ* 'поставь [то] передо мною, я посмотрю'.

мэту (~*мэшу*), тмгр. *мэнсу* 'лед': *бадэ мэксу ва* 'на улице лед'.

мэнэ 'мой': *тэ мэнэ морэ* 'та — моя лошадь' (Пот. II, 416: *мини*).

мэргэ- 1) 'кланяться': тмгр. *бураң мэргэджі шджэсаң* 'ушел, трижды поклонившись'; 2) 'бодаться': *унаң мэргэджі ва* 'коровы бодаются'.

мэсгу 'одежда': *нджаң сэхаң мэсгу мэсэдо* 'он надел красивую одежду'.

мэсэ- 'надевать': *чэ энэ удэ хулуң мэсгунэ мэсэ* 'надень теплую одежду'; тмгр. *мэргу мэрсан куң* 'одевшийся человек'.

мэчэ (~*мэрчэ*) 'иной', 'другой': тж. *нэсэ мэчэ каң відэ лэ мэдэнэ* 'кроме меня никто другой не знает'; тмгр. *бэ нджэса сачэ мэчэгэдэ шджэбаса саң* 'по-моему, лучше его уласть в другое место'.

мба — частица утверждения.

мба- 'купаться': *нджаң мбалэ шджо* 'он пошел купаться'.

Н

на- 'падать': *лабчоң наджо* 'листья падают'.

надэ 1) (вин. пад.) 'меня': *чэ надэ урэ* 'ты позови меня'; 2) 'мне' (дат.-местн. пад.) *надэ хонэ олоң јі* 'у меня много овец'.

натэ- 'играть': *чэ мэнэ авуфалэ натэ* 'поиграй с моим сыном'.

натэгу 'игра', 'игрушка'.
наму 'тихо', 'медленно': *нджаң наму јуджо* 'он идет медленно'.
нараң 'солнце': тмгр. *буда нараңдэ һэдо* 'мы грелись на солнце' (Пот. II, 419: *нара*).
нароң 'тонкий' (Пот. II, 420: *нарын*).
наслэ- 'достигать определенного возраста'.
насоң 'возраст': *нджаңнэ насоң бобараң тавоң* 'ему 35 лет'.
нимаң 'восемь' (Пот. II, 422: *ниман*).
нимараң 'восемьдесят' (Пот. II, 423: *ниманран*).
ниңаң 'тонкий' (Пот. II, 420: *нинганг*).
нитаң 'сырой', 'влажный'.
нитэр- 'отсыреть', 'стать влажным'.
нобр 'лицо', 'облик' (Пот. II, 415: *нобур*).
ногэ 'он': тж. *ногэдэ нор курджо* 'ему захотелось спать'.
ногэлэ — мн. число от *ногэ* 'он'.
нобэң 'зеленый'.
нобсоң 'шерсть' (Пот. II, 422: *ногусун*).
нобуи 'собака': *нобуи хэчагума нджаң харджэ нджэджэ* 'как только залаяла собака, она вышла смотреть' (Пот. II, 419: *ногой*).
нокэр 'друг', 'товарищ'.
нокэргэ- 'помогать', 'содействовать': тмгр. *нджаңдэ нокэргэджэ талаңнэ абджэ рэ* 'помоги мне, принеси топливо'.
номі 'пуговица'.
ноңдэ 'в', 'внутри': *чэ тубуң ноңдэ энэнэ чина* 'это сварил в котле'.
нор 'сон', 'сновидение'.
нохаң (тж. *наңнаң*) 'здесь', 'сюда': *нджасэ нохаң лубла-бэджэ* 'они заставили [их] здесь собраться'; тж. *чэ наңнаң рэсаң ву?* 'вы приехали сюда?'.
нудэ 'сегодня' (Пот. II, 419: *энэ ду*).
нудэгу 'сегодняшний'.
нэ- 'открывать': *энэ ндаңнэ нэдэ* 'открой эту дверь'.
нэгэ 'один' (Пот. II, 422: *нигэ*).
нэбэң 'козленок'.
нэгудэ 'однажды': *нэгудэнэ һарта тбрлэ шджэгэ гэджэ шджэсаң* 'однажды крот отправился гулять'.
нэдэң 'глаз', 'глаза': *нджаң нэдэңнэ ханигума нгэрчэ* 'он заснул, как только закрыл глаза' (Пот. II, 412: *нидунг*).
нэдэ- 'толочь', 'размельчить': тмгр. *јасоңланэ нэдэ* 'размельчи косточки'.
нэмсоң 'слеза'.
нэнэ 'бабушка' (ср. кит. *найнай*; Пот. II, 420: *нэнэ* 'старуха').

нэрэ 'имя': *чэнэ нэрэ каң ји?* 'как твое имя?'.
нэшкэң 'голый': тмгр. *мэргунэ гинэ, нэшкэң јубасаң* 'заставил его идти голым'.
ндаң 'дверь' (Пот. II, 412: *ртан*).
ндасоң 'нитка'.
ндэ- 'есть', 'кушать': *нджаң мэба ндэджэ* 'он ел мясо'.
ндэва 'село', 'деревня': тмгр. *ндэва ги олсаң* 'деревня исчезла' (Пот. II, 413: *дева*).
ндэги 'яйцо'.
ндэгу (тж. *ндэго*) 'еда', 'пища'.
нджаң 'он' ('она', 'оно'): *энэнэ нджаңсэ асхэ* 'это спросил у него'; тмгр. *нджаң кэлдо* 'он сказал'.
нджасэ — мн. число от *нджаң*.
нджигэ 'осел': *нджигэнэ фунэджэ ро* '[он] приехал на оселе' (Пот. II, 417: *ельджигэ*).
нджор 'конец', 'кончик': *дэсоңнэ нджор окэ* 'передай конец веревки'.
нджэ- 'смотреть', 'видеть': *нджасэ нэдэ баджирнэ нджэ-бэджэ* 'они заставили меня показать свое поле'.

Н

нга 'много': тж. *нджасэ чихаң тосоң нга ндэнэ* 'они кушают много масла'; тмгр. *куң нга* 'много людей'.
нгамоң 'верблюд'.
нгаң 'он'.
нгаң 'храм'.
нгаң 'зима' (Пот. II, 414: *уль*).
нгэ 'седло' (Пот. II, 420: *емель*).
нгэр- 'лежать', 'спать': *нджаң нгэр суджо* 'он лежит (спит)'.

О

ола 'гора' (Пот. II, 412: *уле*).
олон 'облако' (Пот. II, 417: *олун*).
о см. *ви*.
окэ- 'давать', 'отдавать': *нэдэ ча нэгэ ајібэ окэ* 'дай мне чашку чая'; тмгр. *сэрнэ нджаңнэ амэдэнэ окэдо* 'деньги отдали его матери'.
окэн 'дочь'.
ол- 'становиться'.
олоң 'много': *нджаңдэ олоң хонэ ји* 'у него много овец'.
олос- (тж.), тмгр. *олор-* 'быть голодным': *олорса сэ олорса...* 'проголодаюсь или не проголодаюсь...'.
олэ(нэ) 'половина'.

ондэр 'высоко', 'высокий': *тэ ондэр блэ ва* 'та — высокая гора'.

оңшэ 'читать': *нджасэ нга оңшэнэ* 'они много читают'.
ор 1) 'входить', 'войти': *нджасэ ханэ гардэ орчэ* 'они все вошли в дом'; 2) 'идти' (о дожде): *бура орджэ* 'пошел дождь'.

ороң 'место', 'местность'.

осэ 'вставать': *абэ рэджэ чэ осэ* 'отец вернулся, вставай' (Пот. II, 423: *осна* 'встал').

П

пагэ 'ползать' (кит. *па*).

пу 'винтовка'.

путоң 'весь', 'целиком'.

пэджэ 'писать': *бэдэ да энэнэ пэджэдам* 'сейчас мы это сможем написать'.

пэджэг 'письмо', 'письменность'.

пэңгэ 'стукнуться' (кит. *пэн*).

Р

равэ 'волосы' (Пот. II, 412: *рава*).

рамэ 'быстро', 'спешно'.

рачэ 'вино': тж. *тэ куң рачэ лэ бнэ* 'тот не пьет вино'.

рэ 'приходить', 'приехать': *чэ рэгудэ бэ мэсгу буаджэ* 'когда ты приходил, я стирала'; тж. *нджаң дэ рэгэ ју* 'пусть он тоже придет'; тмгр. *нджасэ чичэ ноңдэ суджі ро* 'они приехали на машине'.

рэдаб 'охота'.

С

сәбэ 'ждать', 'дожидаться': *мангэ гәбэнэ сәбэнэ* 'мы будем ждать старшего брата'.

сам 'гребенка', 'расческа'.

самлэ (тж. *салэ*) 'расчесывать': *чэ да равэнэ самлэдэ* 'расчеши сейчас волосы'.

саң 'хороший', 'хорошо', 'лучше': *нджаң сэраджі хансэ саң о* 'он учится лучше всех'.

сарэ (тж. *сэра*) 'луна', 'месяц' (Пот. II, 416: *сара*).

сахэ 'короткая шуба'.

сачэ 'место', 'местность'.

сигуа 'арбуз' (кит. *сигуа*).

сін 'новость', 'известие' (кит. *синь*).

созэ 'замок' (кит. *соцза*).

сохор 'слепой' (Пот. II, 415: *сохур*).

сохтэ 'опьянеть', 'быть пьяным': *энэ лэ сохтэнэ* 'он не будет пьяным'.

сү 1) 'жить': *мэнэ гәгэ тэ хоңсэ энэ гардэ сү-о* 'мой старший брат жил в этом доме с того [самого] года'; 2) 'сидеть': *рэсаң куң бэдэ хамтэ суджі ча у-о* 'пришедший сел вместе с нами чай пить'.

сулбэ 'ведро': *чэ надэ нэгэ сулбэ сэ абджі рэ* 'принеси мне ведро воды'.

суму 'думать'.

сунза 'внук' (кит. *суньца*; Пот. II, 411: *сунца*).

суң 'волосы'.

сэ 1) 'вода': *тэ сэтэ сулбэ окэ* 'подай то ведро с водою' (Пот. II, 412: *усу*); 2) 'не': *каң відэсэ шін сэ рэджэ* 'письма ни от кого не было'; 3) 'пояс': *нджаң хэра сэң сэ-лэджо* 'он подпоясывается черным поясом'.

сэбгу 'шило'.

сэла 'поить': *нджаң хонэнэ сэлалэ шджэсаң мбу?* 'ушел ли он поить овец?'

сэмэң 'шапка' (Пот. II, 422: *семун*).

сэр 'деньги'.

сэра 'учиться': *мэнэ аву да сэраджо* 'теперь мой сын учится'.

сэрабэчоң 'учитель': *нджаң сэрабэчэң* 'он — учитель'.

сэхаң 'красивый' (Пот. II, 415: *сайхан*).

Т

тә 'отгадывать': *мэнэ хардэ јаң вігунэ тәдэ* 'отгадай, что у меня в руке'.

тәоэ 'к', 'по направлению'.

та 'вы'.

табчэ 'пуговица'.

тавараң 'пятьдесят' (Пот. II, 423: *тангван*).

тавоң 'пять': *бэдэ шінэ тавоңдэ јујэ* 'поедемте пятого числа'.

талаң 'топливо'.

тан 'уголь' (кит. *тань*).

тани 'узнавать', 'распознавать': *чэ нджаңнэ да танину?* 'сейчас его не узнаешь?'

таң 'равнина', 'долина' (Пот. II, 413: *танг*).

таңлэ 'там', 'та сторона': *нджаң таңлэ нэгэ асхэсэ* 'хорошо бы он там спросил'; *нджаң чэнэ таңлэсэ холэджэ* 'он убежал в твою сторону'.

тараң 'посев', 'хлеб'.

тарбоң 'полный', 'жирный'.

тарвалэ- 'полнеть', 'тучнеть'.
тарэ- 'сеять', 'пахать': *бэдэ махшэ бофди тарэнэ* 'завтра посею пшеницу'.
ташэ (тж. *тахэ*) 'камень', 'каменный' (Пот. II, 414: *таши*).
тбр- 'гулять': *тбрлэ шджэсаң* 'пошел гулять'.
тбрэг 'персик'.
тобэ- 'оседлать'.
тол 'заяц': *чэ холэджігу толінэ нджэдэ* 'посмотри на зайца, который бежит'.
толчэб 'теленек'.
тосоң 'масло' (Пот. II, 416: *тосу*).
тохом 'войлок', 'кошма'.
тохуң 'розовый' (кит. *таохун*).
тү- 'гнать', 'погонять': *кі філэджі шіронэ тү шджэ* 'подул ветер и поднял пыль'.
тубуң (тж. *тэхон*) 'котел'.
тубэ- 'собирать'.
тэрэ- 'обнимать'.
тэ(р) 'тот'.
тэ(р)лэ — мн. число от *тэ(р)*.
тэгэ — частица: *амэнэ этэлджі тэгэ осэбэ* 'не заставляй мать рано вставать' (ср. монг. письм. *bitegei*).
тэда- 'убегать'.
тэмэр 'железо', 'железный'.
тэндэ 'там'.
тэра- 'спать' (Пот. II, 420: *трана* 'спит').
тэрмаң 'мельница' (Пот. II, 416: *терманг*).
тэроң 'голова' (Пот. II, 412: *торон*).
тэха 'курица': *нджасэдэ тэха олон ва* 'у них много кур'.

У

у- (тж. *б*-) 'пить': *нджасэ ндэджі у варсэ хуінэ шджэ* 'они поели, попили и ушли'.
у — вопросительная частица.
удэ(р) 'день' (Пот. II, 413: *удур*).
унаң 'корова'.
урэ- 'приглашать', 'звать': *надэ урэджэ* 'позвали меня'.

Ф

філэ- 'дуть': *махшэ кі філэнэ* 'завтра подует ветер'.
фуда 'мешок'.

фунэ- 'ехать верхом': *нджаң морэ фунэджі* 'он приехал верхом'.
фурэ 'семена'.
фэлаң 'красный': *фэлаң даву гісэ хэра окэдэ* 'если нет красной материи, дайте черной' (Пот. II, 415: *фулян*).
фэнэ 'дым': *энэ халсэ нго фэнэ харджо* 'от этого коистра дым большой'.
фду 'длинный' (Пот. II, 413: *уту*).

Х

хā- 1) 'закрывать': *ндаңнэ хāджо* 'закрывает дверь';
2) 'шить', 'прошивать': *чэ энэнэ батэ гэджі хāдэ* 'шей это покрепче'.
хабэрбі 'черный-пречерный'.
хаі 'обувь', 'тапки' (Пот. II, 411: *хэй*).
хал 'огонь' (Пот. II, 417: *гал*).
халгэ 'ладонь': *харнэ халгэ* 'ладонь руки'.
хані- 'смыкать глаза': *тэгэ тэра, нэдэңнэ тэгэ хані* 'не спи, не закрывай глаза'.
хамэ- 'кашлять': *нджаң шілаң ханэджэ* 'он вечером раскашлялся'.
ханэдоң 'кашель'.
хара- 'проклинать': *харасэ сэ харасэ нджаң годжэ гэджі джасэдо* 'ругай его, не ругай, он сделает по-своему'.
хар 'рука' (Пот. II, 419: *хар*).
хар- 'выходить': *нджасэ да кэтэсэ хар шджэ* 'они только что вышли из дома'.
харэ- 'вернуться', 'возвращаться': *тмгр. буда махшэ барсарса харэджі рэм* 'мы завтра вернемся из города'.
хічэ 'ножницы': тж. *нэ хічэ чэнэгэ о* 'эти ножницы — твои'.
хічэлэ- 'стричь'.
ходоң 'звезда' (Пот. II, 414: *хотун*).
холо 'далеко', 'далекий' (Пот. II, 412: *холо*).
холохаң 'далековатый'.
холэ- 'бежать', 'убегать': *аву јаджэлэ холэджі рэджэ* 'ребята прибежали'.
хоң, тж. *һоң* 'год' (Пот. II, 412: *хон*).
хонэ 'овца' (Пот. II, 417: *хони*).
хонэчэ 'пастух овец'.
хопэн 'жаровня' (кит. *хопэнь*).
хор 'гнездо': *бэнджэрлэнэ хор* 'гнездо птиц'.
хоро 'поздно': *абэ ндэвасэ хоро харэджэ* 'отец поздно выехал из деревни'.
хороң 'двадцать' (Пот. II, 422: *хорун*).

хосоң 'пустой', 'порожний': хосоң ајибэ 'пустая чашка'.
хотоң (тж. һдэң) 'твердый', 'крепкий': хотоң куң 'женщина' (Пот. II, 413: хтун кун).
хошал- 'киснуть', 'прокисать' (ср. совр. монг. гашл-).
хуа- 'делить', 'разделить'.
хуинэ 'после', 'сзади': чэнэ хуинэ ро 'пришел после тебя'.
хуичоң 'старый', 'изношенный' (Пот. II, 420: хойчэн).
хулуң 'горячий', 'теплый': бадэ хулуң ва 'на улице тепло'.
хунла- 'обманывать', 'хитрить': тэ хунладжі кэло 'тот, схитрив, сказал'.

хур 'палец': мэнэ һго хур вэтэджіо 'у меня болит большой палец' (Пот. II, 417: куру).

хурбаң 'ягненок'.

хэйла- 'кричать', 'шуметь'.

хэлгэ 'печень' (Пот. II, 418: ильге).

хэңгэр- 'лежать'.

хэра 'черный': чібаң гісэ хэра малбэ хаджі вардэ 'если не белую, то сшей черную шапку' (Пот. II, 421: хара).

хэрахаң 'черноватый'.

хэча- 'лаять': бадэ ноуі хэчаджо 'на улице собака лает'.

h

һалэ 'где', 'куда': ча усаңсэ хуинэ чэ һалэ шджігэ? 'куда пойдешь после чая?'.
һамтэ 'вместе': чэ бэдэ һамтэ јучі 'ты поезжай вместе с нами'.

һамэра- 'отдыхать': нджасэ һамтэ һамэрајэ 'отдохнем вместе'.

һандэр- 'скользить', 'поскользнуться': чэ һандэртэла јаң відэ шджіэ 'чем кататься [на льду], лучше пойді куда-нибудь'.

һанэ 'все': тж. філэгума һанэ рэджіо 'как только затрубит [труба], все приходят'.

һареаң, тмгр. һабраң 'десять' (Пот. II, 422: харван).

һарта 'крот': дазэг һартадэ хунладжі кэлсаң 'крыса, обманывающая крота, говорила'.

һор 'гнев': тж. бэ кэлјаң кэлјаң һор рэдэ 'я говорил, говорил и рассердился'.

һэ- 'греться на солнце': ноуі нараңдэ һэджіо 'змея греется на солнце'.

һго 'большой': энэ ндјаңсэ һго ва 'этот больше меня'; тмгр. тэрнэ һго шэлэ дэбоң гэдэ 'то положи на большой стол' (Пот. II, 411: уко).

һгудэ- 'умирать'.

һдогэ 'нож': тж. нэ мэнэ һдгэ о 'это — мой нож' (Пот. II, 417: шитого).

һдолэ- 'резать', 'вонзать нож': нэ һдбэбалэ мэба һдолэ 'режь мясо этим ножом'.
һджідэ 'между', 'среди'.

ч

ча 'чай': чэ суджі ча удэ 'садитесь, выпейте чаю'.

чада- 'быть сытым', 'насытиться': бэ да чададжо 'я сыт теперь'.

чадаң 'близко' (Пот. II, 411: чатан).

часоң, тж. чабсоң 'снег': часоңсэ чіхаң 'белее снега' (Пот. II, 419: часун).

чіджіэ- 'кормить', 'вскармливать': гэгэнэ хонэ чіджіэдэ 'ты накорми овец старшего брата'.

чина- 'варить', 'сварить': амэ мэба чінаджі урэджіэ 'мать сварила мясо и пригласила [его]' (Пот. II, 423: чина).

чісоң 'кровь' (Пот. II, 415: чюсун).

чіхаң 'белый': чіхаң блэ 'белая гора'.

чіжоң 'уши'.

чічэхаң 'мышь'.

чодэ (тж. чадэ) 'тебе'.

чоң 'мало', 'малочисленный'.

чоңлэ- 'слушать': аву абэнэ гачэ чоңлэджіо 'сын слушается отца'.

чорэ- 'продырявливать'.

чур- 'литься': нэджісэ нэмсоң чурджіэ 'лились слезы'.

чэ 'ты', 'вы': бэ кэтэ судэ чэ јуджіэ 'когда я сидел дома, ты уходил'; тж. чэ нэдэ кэло 'Вы мне говорили'; тмгр. чэ калса бэ кэлгі 'если ты скажешь, я [тоже] скажу' (Пот. II, 421: чи).

чэбчі- 'моргать': нэджінэ чэбчіджіо 'моргает глазами'.

чэзэ 'телега' (кит. чеңза).

чэмбі 'карандаш' (кит. цяньби).

чэна 'волк' (Пот. II, 412: чина).

чэнэ — род. вад. от чэ 'ты' (Пот. II, 420: чини).

чэчэбэі (тмгр.) 'сорока'.

ш

шанзэ 'ящик' (кит. сяңца).

шанліаңгэ- 'советоваться' (кит. шанляң).

шанчэг (тж. салчэг, тмгр. сэлджіг) 'хвост': тмгр. ноуі сэлджігнэ гудалбадо 'собака завиляла хвостом'.

ші (тж. хі) 'не'.

шабэрбі 'желтоватый' (ср. калм. шарврхн).

шилаң 'вечер', 'вечером' (Пот. II, 411: *шилэн*).

шилү, тж. *хэлу* 'лишний', 'излишек'.

шин 'письмо' (кит. *синь*).

шиңоң 'жидкий', 'редкий' (о волосах).

шинэ, тж. *хэнэ* 'новый': *чэ да шинэ мэсгунэ мэсэ* 'сейчас надень новую одежду' (Пот. II, 417: *шине*).

шинэ-, тж. *нэ-* 'не смеяться': *та тэгэ шинэ* 'вы не смея-

тесь'.

шинэдэн 'смех'.

шир 'гребенка'.

шира 'желтый' (Пот. II, 413: *шира*).

ширэ- 'места', 'подмести'.

широ, тж. *хиро* 'пыль', 'прах'.

шичэ- 'стесняться', 'стыдиться': *нджаң шичэдо* 'она за-

стеснялась'.

шо (см. отрицание *ши*).

шоң (тж. *хоң*) 'пара' (кит. *шуан*).

шу 1) 'книга' (кит. *шу*); 2) 'дерево' (Пот. II, 413: *шу*).

шэлэ (тж. *хэлэ*) 'стол': *энэ шунэ тэ шэлэ дэбоң гэдэ*

'эту книгу положи на тот стол'.

шэра 'вниз', 'внизу'.

шбар-бар (тж. *һбар*) 'глина': *шбар гар* 'саманный дом'.

шд ж (~ дж), тж. *һдоң* 'зуб' (Пот. II, 414: *ртун*).

шд жібәң 'маленький' (Пот. II, 416: *ичиган*).

шд жэ- (тж. *һд жэ-*) 'идти', 'ехать': *нджасэ базардэ*

шд жэсэ 'они уехали в город'; тж. *нджаң һд жэсэ һд жэчэ*

'если он идет, пусть идет'; тмгр. *чэ рэса бэ шд жэја* 'если

ты не придешь, я пойду'.

Э

эбдэг 'колени' (Пот. II, 414: *вэдыг*).

эб-бэ — междометие.

экэ- 'бить', 'ударять': *чэ тэ аунэ тэгэ экэ* 'не бей того-

мальчика'.

энэ (тж. *нэ*) 'это', 'этот': *энэ гардэ мэнэ ду суджо* 'в

этом доме живет мой младший брат'.

эмэ (кун) 'женщина'.

энгэджи 'этаким образом'.

энтэг (тж. *нэмтэг*) 'этаким'.

эрэ (кун) 'мужчина' (Пот. II, 416: *эрэ кун*).

этэ 'рано', 'прежде' (Пот. II, 418: *иртэ*).

УКАЗАТЕЛЬ

Русские слова, эквиваленты которых в баоаньском либо фонетически отличаются от слов других монгольских языков, либо отсутствуют в них¹.

Б

бежать 149
бить 252
болеть 136
большой 150

брат 136
бумага 136
быстро 146
быстрый 137

В

варить 151
верблюду 145
вечер 152
внук 147
вода 147
войлок 148

волосы 146
восемьдесят 144
врач 142
все 150
вставить 146

Г

где 141
глина 152
гнев 150
гнездо 149

греться 150
год 149
голова 148
гора 145

Д

два 138
дверь 145
девушка 133
девьяноста 141
делить 149
дело 138
деньги 147
дерево 143

десять 150
длинный 149
дождь 138
дом 136
думать 147
дуть 148
дым 149

Е

есть, имеется 136

ехать 148

¹ Цифрами указаны страницы, на которых даны соответствующие баоаньские слова.

Ж
ждать 146
желтоватый 152

З
завтра 142
замок 146
звезда 149
здесь 144
зима 145
зуб 152

И
идти 152
иной, другой 143

К
какой 134
камень 148
козленок 144
кончать 136
копать 135
кормить 151
короткий 137
коса 137
красный 149
кто 141
купаться 143
кураца 148

Л
ладонь 149
лед 143
лежать 145, 150
лекарство 142
лететь 143
лиса 136
листва 142
лишний 151
лопата 137

М
медведь 138
между 139, 151
мельница 148
менять 134
место 146
мешок 148
много 145
мул 142
мы 142
мясо 143

Н
наверху 139
надевать 143
нитка 145
ногти 137
нож 151

О
облако 145
обманывать 150
огонь 149
одежда 143

он 144, 145
орех 139
окно 139
около 140
освободить 134

осел 145
отдыхать 150
охота 146
очень 143

перед 143
печень 150
печка 142
плакать 142
платок 142
плеть 143
подошва 142
подушка 139

П

ползать 146
поздно 149
понимать 136
прежде 152
птица 135
пшеница 135
пыль 152
пятьдесят 147

работа 138
работать 142
ребенок 140
река 133
рога 136

Р

родник 135
розовый 148
рука 149
ручка 136
рыба 139

сам 136
сахар 136
сегодня 144
седло 145
сейчас 138
семена 149
семьдесят 138
сердце 139
синий 141
свинья 138
слеза 144
слово 136
смеяться 152

С

смотреть 145
смыкать глаза 149
сон 144
сорок 139
спать 148
ставить 137
старец 139
стена 139
стирать 138
стол 152
стоять 135
сын 133

там 147
теленок 148
тигр 135
тихо 144

Т

трава 136
три 137
тридцать 137

У

убегать 149
уздечка 142
умирать 150

уствовать 140
учиться 147

X

хвост 151
хитрый 140

хороший 146

Ц

цветок 142

Ш

шапка 142
шерсть 144

шесть 139
шестьдесят 139

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

б.-бур.— баргу-бурятский диалект
 бй.— баоаньский язык
 бур.— бурятский язык
 вост.— восточный диалект
 даг.— дагурский язык
 дунс.— дунсянский язык
 дцз.— дахэцзянский говор
 ж. у.— язык желтых уйгуров (монголоязычных)
 зап.— западный диалект
 калм.— калмыцкий язык
 кит.— китайский язык
 мгр.— монгорский язык
 мог.— могольский язык
 монг. диалекты — монгольские диалекты Китая
 монг. письм.— старописьменный монгольский язык
 ойрат.— ойратский диалект
 Пот. II—[Г. И. Потанин], «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г. И. Потанина 1884—1886», т. I—II, СПб., 1893.
 русск.— русский язык
 совр. монг.— современный монгольский литературный язык
 тиб.— тибетский язык
 тж.— тунжэньский говор
 тмгр.— тунжэньские монголы
 хорч.— хорчинский говор
 центр.— центральный диалект

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Фонетика	4
Гласные	5
Согласные	9
Морфология	22
Имя существительное	22
Имя прилагательное	35
Местоимение	40
Имя числительное	60
Глагол	66
Причастие	89
Деепричастие	94
Наречие	98
Послелogi	102
Частицы	105
Междометия	109
Некоторые вопросы синтаксиса простого предложения	110
Члены предложения	110
Приложение	121
Тексты и переводы	123
Словарь	132
Указатель	153
Список сокращений	157

Буляш Хойчиевна Тодаева

БАОАНЬСКИЙ ЯЗЫК

*Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР*

*
Редактор *Л. С. Гингольд*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*
Корректор *М. З. Шафранская*

*
Сдано в набор 11/IX '93 г.
Подписано к печати 4/I '94 г.
А-02502. Формат 60x90^{1/16}. Печ. л. 10
Уч.-изд. л. 10, '9
Тираж 1000 экз. Зак. 1084
Цена 60 коп.

*
Издательство „Наука“
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства „Наука“
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4